ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

СЕРИЯ:

ИСТОРИЯ РОССИИ

Том 20, № 1, Февраль 2021

Специальная тема номера:
ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРА И НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Приглашенный редактор – А.Ю. Бендин

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

VOL. 20, № 1, FEBRUARY 2021

Special Theme of the Issue:
HISTORY OF RELATIONS WITH THE CENTER AND NATIONAL REGIONS OF RUSSIA

Guest Editor – Alexandre Yu. Bendin

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1

http://journals.rudn.ru/russian-history

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)
Published four times a year in February, May, August, November.
Languages: Russian and English.
Indexed in Web of Science Core Colletion's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): http://publicationethics.org.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at **http://journals.rudn.ru/russian-history**.

E-mail: **rushistj@rudn.ru**.

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2021

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)
4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.
Языки: русский, английский.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).
Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com).
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Colletion's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): http://publicationethics.org.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: **http://journals.rudn.ru/russian-history**.

E-mail: **rushistj@rudn.ru**.

Подписано в печать 18.02.2021. Выход в свет 26.02.2021. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,10. Тираж 500 экз. Заказ № 6. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR
Michael Kemper, *University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITOR-IN-CHIEF
Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF
Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY
Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, St. Catharines, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin
Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:
Peoples' Friendship University of Russia
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:
10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР
Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Амстердам, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Сент-Катаринс, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

HISTORY OF RELATIONS WITH THE CENTER AND NATIONAL REGIONS OF RUSSIA

Alexandre Yu. Bendin, Russian Empire's Religious Institutions in the 18th – Early 20th Century: The Evolution of "Friend – Alien – Foe" Relations 8

Nazar A. Kotelnitsky, The "Jewish Question" in Zemstvo Activities of the Liberal Fronda of Northern Ukraine in the 1880s 32

Alexandr S. Kravchuk, Crimean Tatars in the Governing Bodies of the Taurida Province in the First Half of the 19th Century 47

Zufar A. Makhmutov, The Roles and Activities of Tatar Mullahs in Kazakhstan, 18th to Mid-21st Century 61

Irina V. Lidzhieva, and Daniyal S. Kidirniyazov, Nomads of the Steppe Ciscaucasia during the Great Reforms in Russia 74

ARTICLES

Tatiana V. Chernikova, The "Flip Side" of Peter the Great's Reforms 88

Yuri N. Timkin, The Smell of Factionalism: Left Opposition in the Vyatka Provincial Organization of the Bolshevik Party in 1923–1924 108

Igor Yu. Kotin, Nina G. Krasnodembskaya, and Elena S. Soboleva, India of 1920s as Seen by Soviet Playwright, Consulting Indologists, Theater Critics 125

Ivan I. Mizerov, Combat Actions of the 1st and 3rd Air Armies in the First Rzhev-Sychev Operation: Losses and their Replacement 145

Fedor L. Sinitsyn, The Challenges to Social Control in Brezhnev's Soviet Union, 1964–1982 160

BOOK REVIEWS

Saken Zh. Toktamysov. Book review: Trepavlov, V.V. Simvoly i ritualy v etnicheskoy politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th–19th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. 320 p. 174

Ekaterina N. Badmaeva. Book review: Lubichankovsky, S.V. ed. Imperskaya politika akkul'turatsii I problema kolonializma (na primere kochevykh I polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii): monografiya [Imperial policy of acculturation and problem of colonialism (based on the example of nomadic and semi-nomadic peoples in the Russian Empire): a monograph]. Orenburg: OGAU Publ., 2019. 480 p. 179

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРА И НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Bendin Alexandre Yu. Russian Empire's Religious Institutions in the 18th – Early 20th Century: The Evolution of "Friend – Alien – Foe" Relations [Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой»] 8

Котельницкий Н.А. Еврейский вопрос» в деятельности земской либеральной фронды северной Украины 1880-х гг. 32

Кравчук А.С. Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. 47

Махмутов З.А. Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. 61

Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С. Кочевники степного Предкавказья в период Великих реформ в России 74

СТАТЬИ

Chernikova Tatiana V. The "Flip Side" of Peter the Great's Reforms [«Обратная сторона» петровских реформ] 88

Тимкин Ю.Н. Запах фракционности: левая оппозиция в Вятской губернской организации РКП(б) в 1923–1924 гг. 108

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Индия 1920-х гг. глазами советского сценариста, консультантов-индологов и театральных критиков 125

Мизеров И.И. Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычёвской операции: потери и их восполнение 145

Sinitsyn Fedor L. The Challenges to Social Control in Brezhnev's Soviet Union, 1964–1982 [Проблемы эффективности системы социального контроля в СССР, 1964–1982 гг.] 160

РЕЦЕНЗИИ

Токтамысов С.Ж. Рецензия на книгу: Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с. 174

Бадмаева Е.Н. Рецензия на книгу: Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / научн. ред. проф. С.В. Любичанковский. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с. 179

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 8–31
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31
Научная статья / Research article

Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой»

А.Ю. Бендин
Институт теологии Белорусского государственного университета,
220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 24,
bendin26256@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются вопросы формирования и функционирования трех основных государственно-религиозных институтов, которые обеспечивали религиозную безопасность Российской империи в XVIII – начале XX в. Показаны исторические особенности административно-правового становления каждого из названных институтов, выявлены их признаки и функциональное предназначение. Дано определение понятия «религиозная безопасность Российской империи», основанное на анализе его конкретного исторического содержания. Автор рассматривает отношения, сложившие между институтами «господствующей» Русской церкви, веротерпимости «иностранных исповеданий» и дискриминации великорусского «раскола» сквозь призму отношений «свой – иной – чужой». Названный подход позволяет выяснить иерархический характер отношений и противоречия, существовавшие между институтами, деятельность которых до 1905 г. регламентировала религиозную жизнь всех подданных Российской империи. В статье анализируется зависимость, существовавшая между «господствующим» правовым статусом Русской церкви, имперской веротерпимостью и религиозной дискриминацией. Автор приходит к выводу, что административно-правовое формирование трех государственно-религиозных институтов, начавшееся в XVIII столетии, завершилось в период правления императора Николая I. С этого времени начинается процесс постепенной эволюции межинститутских отношений «свой – иной – чужой», пик которой, в связи с изданием указов императора Николая II, выпадает на 1904–1906 гг. В статье рассматриваются перемены правительственной политики в отношении великорусского «раскола», которые в конечном итоге сняли оппозицию «свой – чужой» в отношениях между Российским государством, Русской церковью и «расколом». Из категории религиозно и политически «чужих» легализованные старообрядцы и сектанты в соответствии с положениями модернизированного законодательства о веротерпимости перешли в категорию «иных», к которой традиционно принадлежали «иностранные исповедания». В новых правовых и политических условиях нетерпимость и религиозная дискриминация «раскола» перестали быть инструментом обеспечения религиозной безопасности Российского государства.

Ключевые слова: «господствующая» Русская церковь, институт веротерпимости, дискриминация, прозелитизм, «раскол», иностранные исповедания, Российская империя, религиозная безопасность, понятия «свой – иной – чужой»

Благодарности и финансирование: Исследовано поддержано грантом БРФФИ-РФФИ № Г20Р-211«Образы “своего”, “другого” и “чуждого” в контексте традиции веротерпимости в белорусско-литовских губерниях, центральной и северной России: сравнительный исторический и философско-религиоведческий анализ (конец XIX – начало XX в.)».

Для цитирования: *Бендин А.Ю.* Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 8–31. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31

© Бендин А.Ю., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Russian Empire's Religious Institutions in the 18th – Early 20th Century: The Evolution of "Friend – Alien – Foe" Relations

Alexandre Yu. Bendin
Institute of theology Belarusian state University,
24, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus,
bendin26256@yandex.ru

Abstract: The Russian government's three principal institutions to regulate the empire's diverse religions from the 18th to the early 20th century are examined. Its author describes the evolution of these bodies, their features and purpose, as well as defining the concept of religious security by analyzing its specific historical content. The author also discusses the relationship between the institutions of the official Russian Church, religious tolerance for "foreign confessions," and discrimination against the Old Believers through the prism of "friend – alien – foe" relations. This approach helps us understand the hierarchical nature of the relations and contradictions that existed between the institutions, whose activities regulated the religious life of the Russian Empire's subjects until 1905. The article goes on to analyze the relationship between the official legal status of the Russian Church, imperial tolerance, and religious discrimination. It concludes that the formation of the three state-religious institutions that began in the 18th century ended during the reign of Emperor Nicholas I. That time saw the beginning of the gradual evolution of "friend – alien – foe" inter-institutional relations, which peaked under Emperor Nicholas in 1904–1906. The author also considers the changes in the government's policy towards the Russian "schism" of the 17th century, which ultimately removed the "friend-or-foe" opposition in the relations between the Russian state, the Russian Church and the "schismatic" Old Believers. In accordance with the modernized legislation on religious tolerance, lawful Old Believers and sectarians moved from the category of religious and political "foes" to that of "aliens", to which "foreign confessions" traditionally belonged. Under the new legal and political conditions, intolerance and religious discrimination against the "schism" ceased to be an instrument of state policy.

Keywords: the official Russian Church, the institution of religious tolerance, discrimination, proselytism, "schism," foreign confessions, the Russian Empire, religious security

Acknowledgements and Funding: This study was supported by the BRFFR-RFBR grant No. G20R-211 "Images of 'friend,' 'alien' and 'foe' in the context of the tradition of religious tolerance in the Belarusian-Lithuanian provinces, central and northern Russia: a comparative historical and philosophical-religious analysis (late 19th – early 20th century)."

For citation: Bendin, Alexandre Yu. "Russian Empire's Religious Institutions in the 18th – Early 20th Century: The Evolution of 'Friend – Alien – Foe' Relations." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 8–31 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31

Введение

Одной из ключевых проблем имперского механизма управления являлось обеспечение религиозной безопасности Российского государства, которая обеспечивалась посредством правового и политического различения понятий «свой – иной – чужой», которое опиралось на представления о функциональной целесообразности одновременного сосуществования трех институтов: «господствующей» Русской церкви, веротерпимости и религиозной дискриминации. В настоящее время теоретическое осмысление понятия «религиозная безопасность», используемого при изучении практики правового регулирования государственно-религиозных отношений в Российской Федерации, осуществляют правоведы, социологи и философы И.А. Тарасевич, А.И. Овчинников, М.Д. Фоминская, А.В. Жуков, С.И. Самыгин и др.[1] При этом вопросы функциональной востребованности институтов веротер-

[1] *Тарасевич И.А.* Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень, 2013; *Овчинников А.И.*, *Фоминская М.Д.* Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–14; *Самыгин С.И.* Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гума-

пимости и религиозной дискриминации, созданных Российским государством для обеспечения религиозной безопасности империи, находятся еще на стадии изучения[2].

Представляется целесообразным применительно к проблематике данной статьи использовать понятие «религиозная безопасность», под которой следует понимать состояние защищенности «господствующей» в Российской империи Русской православной церкви и терпимых «иностранных исповеданий», с одной стороны, и религиозную дискриминацию великорусского церковного «раскола», с другой. Целью данной статьи является изучение проблем обеспечения религиозной безопасности Российского государства, рассматриваемых сквозь призму различения понятий «свой – иной – чужой» на примере политико-правовой эволюции институтов Русской православной церкви, веротерпимости и религиозной дискриминации.

Для достижения поставленной цели предлагается решить ряд исследовательских задач, а именно: рассмотреть основные признаки, функции и эволюцию трех названных институтов, обеспечивавших религиозную безопасность Российской империи в середине XIX – начале XX в.; выявить взаимосвязь между исключительными привилегиями Русской православной церкви, нормами веротерпимости и функциональностью мер по дискриминации великорусского «раскола»; проанализировать изменения в политико-правовом различении понятий «свой – иной – чужой», вызванные новыми представлениями о религиозной безопасности Российского государства, произошедшими во второй половине XIX – начале XX в.

Научная новизна работы заключатся в том, что в статье впервые рассматриваются проблемы создания, функционирования и эволюции институтов Русской православной церкви, веротерпимости и религиозной дискриминации, отношения между которыми, определяемые в понятиях «свой – иной – чужой», рассматривались правительством как функциональные, направленные на обеспечение религиозной безопасности Российского государства.

Источниковую базу исследования представляет комплекс опубликованных и архивных материалов, которые были выявлены и проанализированы автором, в том числе документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) и Литовского государственного исторического архива (ЛГИА), опубликованные сборники законодательных актов, дореволюционная публицистика.

Победа Петра I в Северной войне (1700–1721) положила начало созданию Российской империи. В XVIII–XIX вв. в ее состав были включены обширные европейские территории Прибалтики, бывшей Речи Посполитой и Османской империи. Покорение Северного Кавказа, присоединение Закавказья и Средней Азии, освоение Сибири и Дальнего Востока превратили Российскую империю в великую евразийскую державу. Многочисленные этнические группы, инкорпорированные в состав подданных империи, находились на разных уровнях политического, экономического, социального и культурного развития.

В силу указанных причин большие и малые народы, принявшие подданство Российского государства, отличались исключительным этнокультурным и религиозным разнообразием. Русская православная церковь, являясь самой крупной религиозной организацией России, объединяла великороссов, малороссов и белорусов,

нитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 167–179; *Жуков А.В.* Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Грамота. 2017. № 12. Ч. 4. С. 66–71.

[2] *Бендин А.Ю.* Феномен российской веротерпимости // Российская история. 2013. № 5. С. 143–149; *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России. Правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017; и др.

большая часть которых до 1839 г. пребывала в унии[3]. Часть великороссов, отколовшихся от «господствующей» Русской православной церкви, оказалась в положении религиозно дискриминируемого меньшинства, официально именуемого «расколом».

В свою очередь, нерусские народы империи исповедовали различные направления христианства – католичество, протестантизм, армяно-григорианство, а также нехристианские религии – ислам, буддизм и иудаизм. Существовали также малые народы Севера и Дальнего Востока, которые относились к поклонникам пантеистических культов или «язычникам». Несмотря на свой евразийский масштаб и религиозно-этническое многообразие, Российская империя в силу абсолютного преобладания в ее составе русского православного народа и неправославных христианских народов представляла собой европейское государство. Важнейшим признаком этнокультурной идентичности подданных империи было вероисповедание, определявшее групповую принадлежность в большей степени, нежели язык[4].

В Российской империи конфессиональная принадлежность подданных носила наследственный характер, а «страх Божий» рассматривался законодательством как необходимое условие законопослушного и нравственного поведения верующих. Духовенство и миряне всех конфессий и религиозных общин, включая и дискриминируемые общины старообрядцев и сектантов, должны были возносить молитвы за здравие императора, чтобы он царствовал на благо России. Тем самым самодержавный монарх, будучи «верховным защитником» православной церкви и «покровителем» неправославных конфессий и религиозных общин, получал религиозную санкцию своей легитимности[5].

Религиозно-этническое и культурное многообразие евразийской империи, управляемой самодержавным православным монархом, предопределило характер и содержание угроз политической и религиозной безопасности Российского государства и «господствующей» Русской церкви. Со времени формирования Российской империи и до середины XIX в. в отношениях государства и Русской православной церкви с «иностранными исповеданиями» в качестве главной религиозной угрозы выстуал прозелитизм по отношению к православному населению, а также взаимный прозелитизм среди «иностранного» духовенства и мирян[6]. Прозелитизм был запрещен законодательством о веротерпимости и рассматривался как основная причина межрелигиозных конфликтов[7].

В качестве угрозы общественному порядку и церковному благочинию законодатель рассматривал также богохульство, святотатство, распространение ересей и расколов, межрелигиозные конфликты, проявления религиозной нетерпимости и

[3] Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией Наук по завещанию автора. СПб., 1883. Т. 1. С. 45; *Шавельский Г.* Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии. СПб., 1910. С. 378; *Оржеховский И.В., Теплова В.А.* «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбраныя навуковыя працы БДУ. Мінск, 2001. С. 85–87; *Романчук А.* Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. М.-Минск, 2018.

[4] *Тихомиров Л.А.* Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 3. С. 435; *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 119–120.

[5] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1, 41–42; Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 223; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 262. Л. 21–22.

[6] *Павлов А. С.* Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 538; *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Юрьев, 1900. Т. 1. С. 177.

[7] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 17–20; Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Ст. 78.

насилия над совестью верующих[8]. Таким образом, религиозная безопасность Российской империи определялась, в первую очередь, степенью защищенности «господствующей» Православной церкви от внешнего прозелитизма и внутренних расколов.

Начиная с 30-х гг. XIX в. стала возникать религиозная составляющая новой политической угрозы, которую представляли для Российского государства местные национализмы, иррендентизм, этнический сепаратизм, пантюркизм и панисламизм, идеи и практику которых использовало духовенство «иностранных исповеданий» для дезинтеграции империи. В дезинтеграционной деятельности части «иностранного» духовенства присутствовал и геополитический фактор, так как религиозные центры неправославных церквей и нехристианских исповеданий находились за границей. Для российских католиков таким центром был Рим, для армяно-григориан – Константинополь, для мусульман-суннитов – Мекка, Медина и Константинополь, для буддистов – Тибет и Монголия.

Формирование и признаки института «господствующей» Русской православной церкви

В дореформенный период интеграционная политика государства, направленная на инкорпорацию присоединяемых народов и территорий, отличаясь прагматизмом и веротерпимостью, решала, в первую очередь, не экономические, а политико-стратегические задачи; религиозная и языковая ассимиляция не входили в ее цели[9]. Для управления как русскими, так и нерусскими поданными государства в течение XVIII – середины XIX в. были созданы имперские государственно-религиозные институты, которые регламентировали и контролировали религиозную жизнь всех поданных Российской империи: русского большинства (великороссов, малороссов и белорусов), принадлежавшего к «господствующей» Православной церкви, и двух меньшинств – великорусского «раскола» и нерусских этнических групп, которые принадлежали к терпимым «иноверным исповеданиям».

Важными звеньями имперского механизма управления в дореформенный период являлись: Святейший правительствующий Синод как институт права и управления «господствующей» Православной грекороссийской церкви; институт веротерпимости, регламентировавший устройство и функционирование «иностранных исповеданий христианских и иноверных»; институт религиозной дискриминации, объектом воздействия которого являлся великорусский церковный «раскол» (действовал до 1905 г).

Существование трех названных государственно-религиозных институтов права и управления свидетельствует о том, что отношения Российского государства с религиозными организациями не только не предусматривали их равенства в области религиозных прав и привилегий, но и выводили часть религиозных общин из сферы легальности. Сложившие межинститутские отношения укладывались в понятийную триаду «свой – иной – чужой», различия между членами которой были зафиксированы законодательством империи. Религиозное, политическое и юридическое право быть «своим» в этой триаде исторически принадлежало Русской православной церкви как «первенствующей и господствующей» среди религиозных организаций империи[10].

[8] Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 134–138; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV. Ст. 235–269; *Лебедев В.Б.* Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв. Псков, 2007.

[9] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 62–63.

[10] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1832. Ст. 40, 42.

Известный дореволюционный канонист А.С. Павлов отмечал: «Одна только Православная церковь пользуется прямым покровительством государственной власти, все прочие исповедания только терпимы»[11]. Исключительное правовое положение Русской церкви в Российском государстве оказывало непосредственное воздействие как на формирование правовых основ института веротерпимости, так и на создание и функционирование института религиозной дискриминации «раскола»[12].

Институт «господствующей» Русской церкви, управляемый Святейшим Синодом, был законодательно включен в сложные механизмы имперского управления и обеспечения религиозной безопасности Российского государства. После введения в действие в 1835 г. «Свода законов Российской империи» все государственное управление в государстве было поставлено на твердую юридическую основу[13]. Утвержденный Николаем I «Свод законов» имел основополагающее правовое значение как для Русской православной церкви, так и веротерпимых «иностранных исповеданий». «Свод законов» кодифицировал сложившееся к тому времени религиозное законодательство империи и юридически утвердил отношения между государством, Русской православной церковью и «иностранными исповеданиями». Закрепленное в документе исключительное положение Русской православной церкви «как первенствующей и господствующей» в империи (Ст. 40) означало законодательное признание православной веры «единой истинной на земле религией, исповедание которой, безусловно согласно с учением Спасителя, его апостолов и учением, и преданием вселенской Церкви»[14]. Закрепление в «Основных государственных законах Российской империи» подобного статуса Русской православной церкви стало для законодателя правовым выражением понятия «свой», которому противопоставлялось понятие «иностранный», то есть «иной», отделенный от «своего» религиозными, этно-культурными и правовыми перегородками. При этом понятие «свой» включало в себя, в первую очередь, догматическое, каноническое и политико-правовое содержание[15].

Первенство Русской православной церкви выражалось и в том, что согласно «Основным законам», «Император, престолом всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной». В отношении к самой церкви император выступал как «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния»[16]. Следовательно, в обязанность императора входила защита Русской право-

[11] *Павлов А. С.* Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 538.

[12] *Литтл Д.* Изучение религиозных прав человека: методологические основания // Права человека и религия. Хрестоматия. М., 2001. С. 173.

[13] *Миронов Б.Н.* Социальная история России… Т. 2. С. 148.

[14] *Добротин Г. П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 88–90; *Клобуцкий М.П.* Исследование главных положений основных законов Российской империи в историческом их развитии. Харьков, 1839. С. 88–89; *Сафонов А.А.* Государство и Церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М., 2011. С. 28–40.

[15] В понятие «свой» входила и этническая составляющая, называемая в терминах XIX в. «русским происхождением». Однако содержательная роль русской этничности была второстепенной, что и признавалось на официальном уровне. В 1890 г. было образовано особое междуведомственное совещание, которое приняло решение расширить содержание этнического понятия «русское происхождение» путем введения в него вероисповедного признака. На этом основании МВД было предложено понимать под «лицами русского происхождения» принадлежащих от рождения к русским поданным и православным. См: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 39–40; В.А. Тишкова отмечает в этой связи: «Те, кто сегодня называются русскими, в те времена назывались великороссами, украинцы, в свою очередь, назывались малороссами, а вместе с белорусами они считались русскими. Но русскими могли считать или считали себя также представители других национальностей и вероисповеданий, в случае, если они принимали или были от рождения православными». См.: *Тишков В.А.* И русский, и российский // Вестник Российской нации. Спецвыпуск 2008–2016. № 51. С. 52.

[16] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 40–42.

славной церкви от «иных» и «чужих», то есть от внешнего прозелитизма со стороны инославных христиан и иноверцев, а также от внутренних расколов старообрядчества и сектантства.

В «Основных государственных законах» получило правовое закрепление как традиционное византийско-московское, так и абсолютистское отношение российского императора к «господствующей» Православной церкви, которая управлялась «самодержавной властью… посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного»[17]. На этом основании церковное управление было выделено из общего комплекса государственного управления в качестве особого института, получавшего свое юридическое основание в имперском законодательстве[18].

«Первенствующее» положение Русской православной церкви находило свое выражение в том, что церковные праздники имели значение государственных. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням в соответствии с законом были отнесены все воскресные дни в году, все так называемые двунадесятые праздники, некоторые дни памяти нарочитых святых (например, день Николая Чудотворца 9 мая и 6 декабря, день апостолов Петра и Павла 29 июня и др.); пятница и суббота сырной недели, четверг, пятница и суббота страстной недели, вся пасхальная неделя, время с 23 декабря по 2 января[19].

Подтверждением исключительного статуса Русской православной церкви стали привилегии, которых не имели «иностранные исповедания». Например, только Русская православная церковь обладала правом миссии среди неправославного населения империи, религиозно «иным» миссионерство было запрещено. В законе отмечалось: «В пределах государства одна господствующая Православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере (а). Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным»[20]. Следует отметить также, что дети от смешанных браков православных с инославными должны были оставаться православными[21].

Составной частью исключительных привилегий Русской православной церкви являлась правовая защита ее внутренних и внешних границ от миссионерской деятельности «иных» и «чужих». С этой целью законодателем был запрещен выход из «господствующей» Церкви: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нея и принять иную веру, хотя бы то и христианскую»[22]. Следовательно, отказ от членства в Церкви и попытка присоединиться к какому-либо «иностранному исповеданию» считалась незаконной. В случае же «совращения» из православия в инославие, иноверие или «раскол» предусматривались различные меры уголовного и административного наказания[23].

---

[17] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 43; *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 231; *Попов А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 445, 508.

[18] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 120; Устав духовных консисторий. СПб., 1843. С. 1–2.

[19] Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 30; *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права. С. 242.

[20] Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1. Ст. 4.

[21] ПСЗРИ. I. Т. VI. № 3798.

[22] Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 47; *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Т. 1. С. 162.

[23] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV. Ст. 200–229.

«Господствующий» статус Русской православной церкви, определявший понятие «свой», свидетельствовал также о том, что Российское государство признавало исключительную роль Церкви не только в религиозно-правовом, но и в историческом, политическом и этнокультурном отношении. Наделяя Русскую православную церковь исключительными привилегиями, законодатель и интерпретаторы традиционно отмечали, что «православной религией определяется все историческое развитие русского народа», что «под непосредственным воздействием православной религии искони складывалось и складывается общее направление умственного и нравственного развития русского народа и главнейшие формы его социального строя: жизнь семейная, экономическая, государственная». Православная религия рассматривалась как «национальная вера» русских государей и русского народа, «самая живая сила русской национальности» и один из «главных устоев русской государственности»[24]. Представления о православии как одном из «главных устоев русской государственности» позволяли официально именовать «терпимые исповедания» «иностранными», несмотря на то что некоторые из них имели долгую историю пребывания в составе России[25].

Таким образом, на высшем законодательном уровне Русская православная церковь представала в двух ипостасях, во-первых, как Церковь истинная и единоспасительная, во-вторых, как социальная, национальная и моральная сила, исторически играющая исключительную созидательную роль в жизни русского народа и государства. Утвержденная имперским законодательством в качестве «своей», Русская православная церковь являлась главным объектом защиты в сфере религиозной безопасности России.

Институт веротерпимости как инструмент религиозной безопасности Российской империи

Святейший Синод, учрежденный в 1721 г. Петром I для управления Русской православной церковью, и его дальнейшее юридическое закрепление в российском законодательстве стали своеобразным образцом для создания института права и управления делами инославных христианских и иноверных исповеданий империи.

Наделив Русскую православную церковь исключительным правовым статусом, законодатель сформулировал также основные принципы религиозной свободы для «иных», то есть неправославных подданных империи. Так, статья 44 «Основных государственных законов» Российской империи гласила: «Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие (в), пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их Веры и богослужения по обрядам оной».

В статье 45 «Основных государственных законов» говорилось следующее: «Свобода Веры присвояется не токмо Христианам иноверных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи (б)»[26].

Управление «иноверных исповеданий», как и в случае со Святейшим Синодом, было выделено из общего комплекса государственного управления в качестве особого института права и управления, получавшего свою легитимность в «Основных государ-

[24] См.: *Добротин Г. П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 88; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 19–21; Там же. Оп. 150. Д. 7. Л. 238.

[25] *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность. СПб., 1905. С. 193.

[26] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 44–45.

ственных законах». Статья 46 гласила: «Дела церковные иноверных исповеданий в Империи Российской ведаются их Духовными властями и особенными Правительствами, Верховною Властью к сему предназначенными». В примечании к этой статье «Свода государственных законов» 1832 г. указывалось на «особое Учреждение об Управлении иноверных исповеданий», и что «Правила охранения веротерпимости и пределы ее подробно означены в IV Части Свода Уставов Благочиния»[27].

В «Основных государственных законах» издания 1857 г. статья 46 и примечания к ней получили несколько иную формулировку. В новой редакции статья звучала так: «Дела церковные христиан иностранных исповеданий и иноверцев в империи Российской ведаются их духовными властями и особенными правительствами, верховной властью к сему предназначенными». В примечании к статье было указано, что: «Правила охранения веротерпимости и пределы ее подробно означены в Уставах по принадлежности». В качестве таковых указывались: «Свод постановлений о управлении духовных дел иностранных христианских исповеданий и иноверческих, также Устав о предупреждении и пресечении преступлений»[28].

Различия в формулировках статьи 46 «Основных государственных законов» в изданиях Свода законов Российской империи 1832 и 1857 гг. стали юридическим свидетельством того, что процесс административно-правового строительства института имперской веротерпимости, начатый в эпоху Петра I, был практически завершен в царствование Николая I.

Начало создания института веротерпимости было положено еще в период Московского царства, для которого были характерны протоимперские традиции терпимости к инославным христианам и иноверцам[29]. Русский правовед М. Красножен отмечал в начале XX в.: «Отношение русской государственной власти к иноверцам на всем пространстве истории Русского государства определялось двумя принципами: охранением господствующей Православной веры, с одной стороны, и полной веротерпимостью к иноверцам и невмешательством во внутреннюю церковную жизнь их, с другой стороны»[30].

На исторически традиционный характер российской веротерпимости указывал и авторитетный специалист по церковному праву дореволюционной России А.С. Павлов: «Но если русские государственные законы не допускают образования сект или расколов внутри господствующей Православной церкви, то у нас всегда терпимы были, в большей или меньшей мере, другие христианские вероисповедания *иноземного* (курсив автора) происхождения»[31]. Отсутствие практики принудительного обращения инославных христиан-иностранцев в православную веру свидетельствует о том, что и русский царь, и Русская православная церковь считали их «иными», а не «чужими», относясь к ним в соответствии со сложившимися традициями веротерпимости.

---

[27] Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 46.

[28] Там же. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 46.

[29] *Цветаев Д.В.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 94, 290; *Соколов И.И.* Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. С. 28; *Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898. С. 6; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 120; *Nolte H.H.* Religiöse Toleranz in Rußland 1600–1725. Göttingen, Zürich, Frankfurt am Main, 1969. С. 185–192; *Джераси Р.* Окно на Восток. Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013; *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII в. Чебоксары, 2000.

[30] *Красножен М.Е.* Иноверцы на Руси. Т. 1. С. 151.

[31] *Павлов А.С.* Курс церковного права. С. 527–528.

В эпоху Петра Великого процесс создания государственного института веротерпимости, его законодательства и административной структуры управления носил ситуативный характер и был вызван потребностями модернизации России, для участия в которой приглашались иностранцы (протестанты и католики) из Западной Европы. Религиозное законодательство первого императора, опиравшееся на московские традиции веротерпимости, гарантировало иностранным специалистам и протестантам присоединенных к России Эстляндии и Лифляндии свободу религиозной совести и разрешало свободное отправление богослужений[32]. Для того, чтобы новообретенные инославные подданные империи, оставаясь религиозно «иными», не превратились в религиозно «чужих», в имперском законодательстве о веротерпимости неизменно сохранялась византийско-московская норма права, запрещавшая прозелитизм в отношении членов «господствующей» Церкви[33].

В период правления императрицы Екатерины II процесс строительства института веротерпимости приобрел системный характер, чему способствовали территориальные приобретения и переселенческая политика Екатерины. В результате трех разделов Речи Посполитой в число подданных Российской империи вошло большое количество римо-католиков и униатов, а также многочисленная иудейская община. В это же время стали возникать обширные поселения немецких колонистов в Поволжье и Новороссии, колонии иностранцев в Москве и Санкт-Петербурге. В 1783 г. к Российской империи был присоединен Крым, населенный мусульманами и караимами. Новые народы, входившие в состав стремительно растущей империи, императорскими указами получали право на свободу веры и отправления богослужений[34].

«Просвещенный абсолютизм» Екатерины II нашел свое правовое воплощение в принципах веротерпимости, которые легли в основу последующего имперского законодательства, регулировавшего отношения государства с «иноверными исповеданиями»[35]. В ответе генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому в 1773 г. Екатерина так сформулировала свое понимание веротерпимости: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ее величество из тех же правил, сходствуя Его святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между подданными всегда любовь и согласие царствовало»[36].

Особую актуальность правовая реализация принципов имперской веротерпимости приобрела на территориях бывшей Речи Посполитой, присоединенных к Российской империи в 1772–1795 гг. Российское государство должно было политически и юридически преодолевать негативный опыт прошлого, когда Русская православная церковь и протестантские общины на этих территориях были объектом длительной правовой дискриминации и религиозных гонений со стороны Римско-католической церкви, польского государства, а также магнатов и шляхты.

Следует отметить, что в период «просвещенного абсолютизма» произошли перемены не только в религиозном законодательстве, но и в составе центральных орга-

[32] *Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России. М., 2000. С. 26; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 359; *Лукьянов С.А.* Веротерпимость в России петровской эпохи // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 162–165.

[33] *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. О государственном устройстве. Собр. соч.: в 7 т. СПб., 1901. Т. 7. Ч. 1. С. 334.

[34] *Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 76. С. 153–154; *Ревуненкова Н.В.* Протестантизм. СПб., 2007. С. 52; *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. II. СПб, 1876. С. 3–4; *Арапов Д.Ю.* Екатерина II и положение ислама и мусульман в Российской империи – Сподвижники Великой Екатерины. М., 1997. С. 4; ПСЗРИ. I. Т. XIX. № 13865. П.1; АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 1. Л. 25.

[35] ПСЗРИ. I. Т. XXII. № 16188.

[36] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. С. 202.

нов управления империи, которые ведали делами «иноверных исповеданий». Создание законодательных основ института имперской веротерпимости вызвало, в свою очередь, необходимость в создании особого административного аппарата, призванного управлять многочисленными религиозными общинами инославных христиан и иноверцев. Этот процесс, начавшийся по инициативе Петра I и продолженный в правление Екатерины II, привел к упорядочению деятельности государственных органов управления и формированию инославной и иноверной духовной бюрократии, составивших в совокупности административную основу института веротерпимости.

Императрица вывела из ведения Святейшего Синода управление «иноверными исповеданиями» и передала эти функции Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел с той целью, чтобы решение вопросов «свободы веры» соответствовало, в первую очередь, государственным интересам. В то же время указом Екатерины II в 1775 г. была учреждена Могилевская римско-католическая консистория, преобразованная затем в Римско-католическую духовную коллегию. В 1788 г. в г. Уфе был создан коллегиальный духовный орган, управлявший делами российских мусульман – Духовное собрание магометанского закона, которое с 1796 г. стало именоваться Оренбургским духовным магометанского закона собранием.

Начался процесс интеграции «иной» духовной бюрократии в состав государственных органов управления формирующегося института веротерпимости, который создавался в качестве государственно-религиозного инструмента строительства стремительно расширяющей и модернизирующейся Российской империи. Вместе с тем вестернизированный институт веротерпимости, основы которого были заложены Екатериной Великой, был призван обеспечивать религиозную безопасность империи, защищая Русскую православную церковь от прозелитизма, предотвращая и решая религиозно-этнические конфликты между «своими» и «иными» на инкорпорируемых территориях.

Московские, протоимперские традиции веротерпимости в эпоху Екатерины Великой приобрели качественно иное институциональное измерение, благодаря которому были созданы необходимые правовые и административные условия для интеграции в российское общество миллионов религиозно «иных», входивших в состав подданных растущей евразийской империи.

Процесс строительства имперского института веротерпимости был продолжен в правление императоров Павла I и Александра I[37]. Следует отметить особый вклад императора Александра I в создание в 1810 г. функционально специализированного ведомства в разработанной М.М. Сперанским министерской системе управления Российской империей. Единым бюрократическим учреждением, в котором были сосредоточены основные функции управления институтом веротерпимости, стало Главное управление духовных дел исповеданий, отличных от греко-российского. Несколько позже, в 1832 г., Главное управление духовных дел было преобразовано в Департамент духовных дел и включено в состав Министерства внутренних дел, возглавляемого Д.Н. Блудовым[38].

В период правления императора Николая I, наряду с административным аппаратом и духовной бюрократией, была сформирована законодательная база инсти-

[37] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. II. СПб., 1876. С. 102; *Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий… С. 261–262; ПСЗРИ. I. Т. XXV. № 18733–18734; ПСЗРИ. I. Т. XXIV. № 17879.

[38] *Терюкова Е.А.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 205; *Арапов Д.Ю.*, *Пономарев В.П.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2006. С. 419; *Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий… С. 271.

тута веротерпимости, включавшая в себя, как уже отмечалось выше, наряду с Основными государственными законами, уставы духовных дел иностранных исповеданий и устав предупреждения и пресечения преступлений[39]. Новое религиозное законодательство империи учитывало особенности внутреннего устройства и управления, которые были характерны для «иностранных исповеданий». Как отмечалось в «Записке о способе пересмотра действующих распоряжений, стеснительных для религиозного быта инославного и иноверного населения», составленной МВД в декабре 1904 г.: «первоначальное возникновение уставов некоторых церквей евангелически-лютеранской в 1832 г., армяно-грегорианской в 1836 г., представляло собой, главным образом, кодификацию церковно-правовых норм, как существовавших в данной религиозной общине, так и предложенные ее представителями в момент приобщения общины к правовому строю Русского государства. Не изменяя сущности таких норм, выработанных чуждой России жизнью, правительство целиком переносило их в свой кодекс»[40].

Таким образом, нормы церковного права (для христианских конфессий), и правила общинного устройства и управления (для нехристианских общин), включенные в «Уставы духовных дел иностранных исповеданий», получали силу российских законов[41]. В это же время законодательством были закреплены сословные права и привилегии «иностранного» духовенства, организовано государственное финансирование религиозных учреждений и духовной бюрократии, сформировано подразделение МВД со своими специальными функциями управления. Тем самым был создан институциональный механизм обеспечения религиозной безопасности Российской империи, который обеспечивал политическую лояльность ее многочисленных неправославных подданных.

Соотношение правовых статусов «господствующей» Русской церкви и «иностранных исповеданий», включенных в состав института веротерпимости, с точки зрения российского законодательства, укладывалось в дихотомию «свой – иной». Причем степень инаковости «иностранного исповедания» зависела от правового статуса его носителя в двухступенчатой иерархии института веротерпимости. Нисходящая иерархия «иностранных исповеданий» выглядела следующим образом:

I. *Христианские церкви*: 1) Римско-католическая и Армяно-католическая, 2) Евангелическо-лютеранская с немецкими колонистскими обществами в Закавказье и с Евангелическо-братским обществом в Прибалтийских (остзейских) губерниях, 3) Евангелическо-аугсбургская, 4) Евангелическо-реформатская, 5) Армяно-грегорианская.

II. *Нехристианские исповедания*: 1) Караимское, 2) Иудейское, 3) Магометанское (шиитское и суннитское), 4) Ламайско-буддистское. Признанными, но лишенными привилегий, были гернгутеры, шотландские и базельские колонисты, меннониты и баптисты Закавказья, сибирские шаманисты и самоеды-язычники[42].

---

[39] Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч.1. СПб., 1857; Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 92–122; *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 138.

[40] РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 148 об.

[41] Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 35. Л. 222.

[42] Следует обратить внимание на правовое положение перечисленных выше «иностранных исповеданий». По определению МВД: «Положения, определяющие организацию и порядок деятельности этих исповеданий, получили законодательное утверждение и нашли себе место в XI томе Свода законов. Всем этим вероисповеданиям присвоено самим законом значение государственных учреждений. Охранение неприкосновенности их прав и свободы составляет по закону прямую обязанность администрации [...]. Духовные лица всех упомянутых исповеданий считаются состоящими на государственной службе, а потому, с одной стороны пользуются правами, присвоенными последней, с другой,

В установленной государством иерархии религиозной инаковости, в догматическом и каноническом отношении ближе к Русской православной церкви стояли инославные христианские конфессии, а принципиально дальше от нее находились иноверные (нехристианские) общины. Таким образом, все признанные законом неправославные конфессии и религиозные общины в России иерархически делились на высшие – христианские и низшие – нехристианские. Высшие обладали максимальным объемом прав, предусмотренных законодательством института веротерпимости, низшие – минимальным[43].

Однако, несмотря на нисходящий характер названной иерархии, оказывавшей воздействие на объем правовых привилегий для каждого исповедания, наличие дихотомии «свой – иной» подтверждалось прежде всего тем, что Русская православная церковь и «иностранные исповедания» являлись субъектами гражданского и религиозного права, которые пользовались защитой и покровительством императора и действовали в рамках российского законодательства[44].

Еще одним фактором, связующим «своих» и «иных», стало общее включение двух институтов в государственный механизм управления империей. Святейший Синод находился в подчинении верховной власти императора и обер-прокурора. Институт веротерпимости подчинялся императору и находился в ведении МВД. Установленный законом и политической практикой порядок сосуществования «своих» и «иных», основанный на различиях в правовых статусах Русской православной церкви и «иностранных исповеданий», с государственной точки зрения, представлялся политически целесообразным и функционально эффективным.

Институализация религиозной дискриминации великорусского церковного «раскола»

Принципиально иным было соотношение правового положения «господствующей» Русской церкви и великорусского церковного «раскола, дискриминационное законодательство о котором было составлено в форме действующих правовых норм и «особых административных постановлений»[45]. Религиозные организации «раскола» действовали вне правового поля империи, не признавались законом и подвергались преследованиям, особенно в период правления императора Николая I[46]. Установленная «особыми постановлениями» и религиозной политикой степень государственной враждебности к «расколу» старообрядчества свидетельствовала о существовании оппозиции «свой – чужой», которая имела длительную и трагическую историю[47].

несут и обязанности, сопряженные с государственной службой». Подробно см: «Об инославных и иноверных религиозных обществах». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 127а–128; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1; Русская Православная Церковь и право: комментарий. М., 1999. С. 30.

[43] *Тимашев Н.С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг., 1916. С. 15.

[44] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 120; *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 88; Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 44–46; Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XI. Ч. 1; Устав духовных консисторий. СПб., 1843. С. 1–2; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 19–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 238.

[45] Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон. 1860. Вып. 1. С. 185–187; *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 217–223.

[46] *Смирнов П.С.* История русского раскола… С. 217–223; *Блосфельд Г.Э.* Положение иноверцев и раскольников согласно Своду законов // Журнал министерства юстиции. 1905. № 3. С.190–193.

[47] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М., 2009. Т. 1. С. 242–252, 299–320; *Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С.101–104, 110–115.

Старообрядцы-великороссы, будучи, в основной своей массе, законопослушными подданными российского монарха, с 1667 г. пребывали в состоянии перманентного канонического конфликта с Русской православной церковью, юридически и канонически определяемого как «раскол». Исключительный правовой статус, которым обладала Русская православная церковь в Московском царстве, а затем и в Российской империи, ставил великорусских старообрядцев в положение «чужих» не только с религиозной, но и с политической точек зрения. «Чужой» была для великорусских старообрядцев и «господствующая» Церковь[48]. Следует отметить, что сами старообрядцы никогда не считали себя раскольниками, наоборот, они осознавали себя истинными «чадами единыя святыя, соборныя, апостольския, древлеправославно-кафолическия Церкве», сохраняющими, в отличие от никониан, «древния святоцерковныя предания».

Со второй половины XVII и до конца правления императора Николая I отношение Российского государства к церковному «расколу» претерпело рецидивирующую эволюцию. В Московском царстве после издания в 1685 г. «12 статей царевны Софьи», направленных на полное уничтожение «раскола», старообрядцы стали подвергаться жестоким гонениям, исключавшим какую-либо возможность легального существованиях их религиозных общин. Со времени правления Петра I нетерпимое отношение государства к «расколу» начало меняться. Монарх, исходя из практических соображений, отменил «12 статей» и легализовал существование зарегистрированных «раскольников» в форме жесткого дискриминационного законодательства. С этого времени казни и жестокие религиозные гонения великорусских «раскольников» постепенно пошли на спад[49].

Императрица Екатерина II расширила пространство веротерпимости для великорусского «раскола», существенно смягчив отношение государства к «раскольникам» до состояния умеренной дискриминации[50]. Однако религиозные общины старообрядцев по-прежнему не признавались легальными ни самой Екатериной, ни императорами Павлом I и Александром I, для чего были религиозные и политические основания.

«Раскольники», включая и сектантов, которые в соответствии с православным вероучением подпадали под категорию «еретиков», рассматривались Русской православной церковью в качестве «церковных мятежников». По словам Н. Суворова, Церковь «смотрит на всякое отделение от нее как на преступное нарушение ее порядка». В свою очередь, и «государство не допускает образования раскольнических и еретических сект в смысле признанных религиозных обществ»[51]. При этом следует обратить внимание и на политическое восприятие церковного «раскола», которое усиливало отношение к нему как «чужому» и враждебному. В дореформенный период правительство видело в «расколе» не только «элемент «противоцерковный… но и элемент противогосударственный, противообщественный, «тайных мятежников вообще»[52].

---

[48] Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении. Составил Липранди (1853 г.). Лейпциг, 1883. С. 57.

[49] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Т. 2. С. 437–448; *Лилеев. И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1.; Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства. Вильнюс, 2011.

[50] *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 196; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 146.

[51] *Суворов Н.* Учебник церковного права. М., 1902. С. 522; По мнению дореволюционных правоведов С.М. Будзинского и А.Ф. Кистяковского, существовавшее в российском уголовном законодательстве нетерпимое отношение к еретикам и раскольникам носило канонический (церковный) характер и являлось наследием византийского церковно-государственного законодательства. См: *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 7.

[52] *Е.Р.* Русский раскол и законодательство // Вестник Европы. 1880. № 5. С. 72.

В церковных и государственных представлениях этого времени утвердилось мнение, что только принадлежность к «господствующей» Русской церкви способно обеспечить религиозную безопасность государства и сохранить политическую лояльность русского народа своему монарху. «Нынче почти уже стало аксиомой, – пишет Г.П. Добротин, – что Церковь православная служит несокрушимейшим оплотом государства, что верность Церкви есть надежнейшее ручательство и верности государству, кто восстает против Церкви, тот восстает и против государства»[53].

Из данного утверждения можно сделать вывод, что государственная дискриминация «раскола», осуществляемая с целью воссоединения его с Русской православной церковью, воспринималась как мера политически целесообразная, способная обеспечить единство Церкви и укрепить религиозную безопасность Российской империи. Следовательно, веротерпимость государства к «расколу», подобно той, которую предоставлял «иностранным исповеданиям» институт веротерпимости, была неприемлема ни политически, ни канонически.

Церковная точка зрения по вопросу о приоритете интересов Русской церкви перед интересами государственной веротерпимости к «расколу» была высказана митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым): «Раскол нельзя уравнять с положением существующих в государстве различных вер. Раскол не может идти в сравнение с терпимыми в России исповеданиями, которые не скрывают перед правительством своих учений и не касаются коренного русского населения. Напротив того, раскольники в действиях своих не дают правительству отчета и, по духу своего прозелитизма, никогда не разграничатся с православными»[54].

Следует отметить, что одним из средств преодоления «раскола» и восстановления религиозно-этнического единства русского народа являлась церковная миссия, которая находилась в ведении Святейшего Синода РПЦ и епархиальных архиереев[55]. Церковной попыткой преодолеть «раскол» стало появление в начале XIX в. единоверия, которое считалось «условным единением» старообрядцев с Русской православной церковью на основе сохранения у единоверцев старого обряда. Однако длительный опыт «условного единения» не принес для Русской православной церкви существенных результатов[56].

Рецидив религиозной нетерпимости к великорусскому «расколу» произошел во время правления Николая I. Император признал общины старообрядцев и сектантов «вредными» не только для Русской церкви, но и для Российского государства[57]. В дополнение к существующему законодательству и политической практике начался процесс создания секретного института правовой дискриминации, политическая и религиозная цель которого заключалась в полном уничтожении «раскола»[58]. Для организации и функционирования этого института была создана особая

[53] *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 89–90.

[54] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. М, 1887. Т. V. Ч. 2. С. 465–466.

[55] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 154–166.

[56] *Миролюбов И., Саранча Е.* Единоверие // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 42–43.

[57] Точки зрения о религиозной и политической враждебности «раскола» придерживался и митрополит Московский Филарет (Дроздов), полагавший, что «охранение Церкви есть охранение государства». Поскольку все, что вредит единству веры, вредит и государству, то и раскол «своим усиленным прозелитизмом непрестанно и явно действует во вред единству церковному, разрушая церковное единомыслие и единодушие и, таким образом, вместе неизбежно действует и во вред единству государственному». Цит. по: *Беликов В.И.* Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895. С. 14, 560; *Фриз Гр.* Пастырь и церковный деятель: святитель Филарет Московский и старообрядческий раскол 1825–1855 гг. // Филаретовский альманах. 2008. С. 122–146.

[58] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. С. 147, 194; Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 226. Л. 8–9, 24.

правовая база, представлявшая собой комплекс секретных административных распоряжений, направленных на ужесточение регламентации религиозной жизни старообрядцев и сектантов.

Одновременно создавался церковно-бюрократический аппарат для реализации принимаемых решений, во главе которого стоял учрежденный в 1836 г. Секретный комитет по делам о раскольниках, в который входили представители Святейшего Синода, МВД и II Отделения Собственной Его Величества канцелярии. Были созданы и секретные губернские комитеты, в состав которых вошли епархиальный архиерей, губернатор, председатель палаты государственных имуществ и жандармский штаб-офицер. В 1853 г. для централизованного управления губернскими секретными комитетами было создано особое Секретное управление по делам о раскольниках. Умеренная дискриминация, существовавшая до начал правления Николая I, вновь приняла жесткие и масштабные формы. Было запечатано и разрушено более 250 молитвенных домов, закрывались скиты и монастыри, широко применялось административное насилие над совестью старообрядцев и сектантов[59].

Однако деятельность секретного института дискриминации «раскола» не привела к ожидаемым результатам. «Раскол» уцелел, и массового воссоединения старообрядцев и сектантов с Русской православной церковью так и не произошло. В результате принудительных административных мер религиозно «чужие» не стали ни «иными», ни «своими». Пример деятельности секретного института, созданного одновременно с завершением строительства института веротерпимости, свидетельствует о том, что правовая дискриминация и нетерпимость к великорусскому религиозному меньшинству рассматривалась правительством и церковной иерархией в качестве столь же функционально необходимой для религиозной безопасности государства, как и веротерпимость к «иностранным исповеданиям».

Однако события, связанные с польским восстанием 1863 г., наглядно показали, что религиозно «чужие» великорусские старообрядцы в политическом отношении «чужими» отнюдь не являются. Старообрядцы центральной России и западных губерний поддержали императора Александра II в противостоянии с западноевропейскими государствами и в мерах по подавлению польского восстания. Так, старообрядцы Северо-Западного края приняли участие в вооруженной борьбе с польскими мятежниками, некоторые из них стали жертвами повстанческого террора[60].

Польское восстание, направленное на расчленение Российской империи, по конфессиональному составу участников было католическим. В качестве идейных вдохновителей восстания выступала экстремистски настроенная часть римско-католического духовенства, которая из религиозно «иных» превратилась в политических врагов Российского государства[61]. Приведем слова виленского губернатора

[59] Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императоре Николае и Александре II, пополненные запиской Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 51; *Михайлов А.* По вопросу о веротерпимости к расколу // Вестник Европы. 1882. № 3. С. 70–92; *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. С. 217–223; *Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914; НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 13611. Л. 8; НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31375. Л. 4–5; Там же. Д. 31678. Л. 11.

[60] *Бендин А.Ю.* Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 39. Л. 77; Там же. Д. 41. Л. 63–64; Там же. Д. 51. Л. 38; Виленский вестник. 1863 г. 4 июня.

[61] РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 25; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 39. Л. 76; Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 490, 502–503; Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. M.-Wroclaw, 1964. С. 133; *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. С. 66–83; Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Раздел. IV. Т. IV. С. 62; *Лясковский А.И.* Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин, 1939. С. 80–81.

С.Ф. Панютина: «Злейшим и опаснейшим врагом России во время происходивших беспорядков было римско-католическое духовенство. Забыв о святости своего назначения, оно стало во главе мятежа. Монахи и ксендзы с амвонов проповедовали явный бунт, подстрекали народ к уличным демонстрациям и к пению возмутительных гимнов... Трудно сказать, могли ли бывшие беспорядки принять столь широкие и враждебные формы, если бы католическое духовенство не принимало в них такого непосредственного участия»[62].

В то же время великорусские старообрядцы, которых подозревали в политической враждебности к России, добровольно встали в ряды ее защитников, став тем, кем они, в массе своей, в действительности, и были, то есть «своими». Политически «своими» для Российского государства считал старообрядцев Северо-Западного края виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Во всеподданнейшем отчете императору Александру II, написанному в апреле 1865 г., он писал, что «только сельское население и старообрядцы того края, столь усердно содействовавшие к потушению мятежа, преданы вашему императорскому величеству; так называемая же шляхта, паны и ксендзы были и будут всегдашними нашими врагами»[63].

Перемены, произошедшие в российском обществе в начале 1860-х гг., позволили реформаторскому правительству Александра II начать постепенный демонтаж секретного института дискриминации «раскола» и уменьшить административное давление на старообрядцев и сектантов. Начался процесс наделения «раскольников» гражданскими и религиозными правами. 17 апреля 1874 г. последовал императорский указ, который легализовал браки «раскольников». 31 октября 1879 г. император Александр II ввел в действие положение Комитета по делам раскольников (1864 г.), согласно которому МВД получало право негласного разрешения «раскольникам менее вредных сект» ремонтировать свои молитвенные дома, пришедшие в ветхость. 3 мая 1883 г. императором Александром III был издан указ, согласно которому старообрядцам и сектантам была дарованы гражданские права и часть религиозных прав. Однако легализации религиозных общин старообрядцев не произошло, сохранялся и традиционный запрет на «публичное оказательство раскола»[64].

Правительство, следуя нормам действующего законодательства, считало, что государственная защита «господствующей» Церкви от «вредного» воздействия «раскола» по-прежнему способствует обеспечению религиозной безопасности Российской империи. Понимание этой безопасности выражалось в категориях своей эпохи следующим образом: «Верховная власть, в качестве защитника догматов господствующей веры, не может, конечно, без явного соблазна, поставить в равные условия свободы, как православную церковь, так и учения, прямо отвергающие ее апостольскую иерархию и ей враждебные»[65].

Впрочем, нельзя сказать, что позиция правительства в этом вопросе оставалась неизменной. Например, комиссия МВД, созданная в 1875 г., пришла к выводу, что великорусский церковный «раскол» не представляет собой внутренней политической угрозы безопасности Российской империи[66]. Старообрядцы еще не подня-

[62] РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 34. Л. 68.

[63] Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 496.

[64] Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 271–316; Законы о раскольниках и сектантах. М. 1903. С. 1–117; *Введенский А. П.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. С. 18–21; Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запиской Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 57–58; РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 2. Л. 2–3, 6, 8, 15.

[65] РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 29 об.

[66] Общий журнал Комиссии для всестороннего обсуждения и разработки высочайше утвержденных 16 августа 1864 года предначертаний // Свод действующих постановлений о раскольниках. [Б.м.]: [Б.г.].

лись до правового уровня религиозно «иных» и веротерпимых, но уже перестали быть политически «чужими» и враждебными для государства, хотя вплоть до начала XX в. на пути к получению религиозного статуса «иных» сохранялись религиозно-правовые и идейные препятствия[67].

Политико-правовая эволюция, позволившая вывести государственное отношение к «расколу» на качественно новый уровень веротерпимости, произошла в период пребывания на посту министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского. Изданные императором Николаем II указы «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. и «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. впервые предоставили религиозным организациям «раскольников» статус легальных. Утвержденная Основными государственными законами и законодательством о веротерпимости «свобода веры», в пространстве которой традиционно действовали «иностранные исповедания», распространялась теперь и на легализованных «раскольников». Последовавший затем указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» упорядочил процедуру правовой регистрации религиозных организаций старообрядцев и сектантов[68]. Религиозная дискриминация и нетерпимость к «расколу» перестали восприниматься правительством как функционально необходимые меры для защиты религиозной безопасности России.

Частичную модернизацию претерпел и созданный Николаем I институт веротерпимости, так как религиозные права «иностранных исповеданий» расширились за счет сокращения ряда исключительных привилегий «господствующей» Русской церкви. В 1909 г. легальные религиозные организации старообрядцев и сектантов вошли в состав модернизированного института веротерпимости, законодательно превратившись из религиозно «чужих» в религиозно «иных»[69]. В событиях Первой русской революции великорусские старообрядцы выступили на стороне российской монархии, подтвердив, как и в 1863 г, что в политическом отношении они по-прежнему остаются «своими»[70].

Таким образом, легализованный великорусский «раскол» уже не воспринимался правительством в качестве традиционной религиозной угрозы для «господствующей» Православной церкви. В тоже время Русская православная церковь, утратив часть своих исключительных привилегий по защите внешних и внутренних границ, должна была действовать в новых правовых условиях, используя миссионерские методы работы и помощь православных братств.

Выводы

Период правления императора Николая I вошел в историю государственно-религиозных отношений в Российской империи как исходный рубеж, с которого началась завершающая стадия в истории трех институтов («господствующая» Рус-

С. 12–15; *Палкин А.С.* Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П.А. Валуевым в 1863 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 4 (20). 2017. С. 1–14.

[67] *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 148.

[68] Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 35–36, 424–439.

[69] НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 13611. Л. 1; Там же. Д. 13813. Л. 1–22; Там же. Д. 14139. Л. 1–47; НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47162. Л. 1–5; Там же. Д. 47382. Л. 19–20; Там же. Д. 47162. Л. 1–22, 47–48; Литовский государственный исторический архив (Далее – ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1905. Д. 352. Л. 55; Там же. Л. 92–94.

[70] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 29–36, 157–161; За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 122–164; Известия и заметки // Прибавления к церковным ведомостям. 1905. № 50. С. 1290–1293, 2211; Задачи Православной церкви на Западе и Юго-Западе России // Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. 2. СПб., 1906. С. 285–300.

ская церковь, институт веротерпимости и институт религиозной дискриминации), регламентировавших религиозную жизнь всех подданных государства. Административно-правовые и религиозные различия между названными институтами укладывались в понятийную триаду «свой – иной – чужой».

Выстроенная таким образом иерархия государственно-религиозных институтов права и управления с точки зрения правительства и «господствующей» Церкви представлялась политически целесообразной и функционально необходимой для обеспечения религиозной безопасности Российской империи. Начавшийся в 60-е гг. XIX в. процесс реформирования российского общества затронул сферу государственно-религиозных и межрелигиозных отношений. Стали меняться и представления об угрозах религиозной безопасности Российского государства, основанных на представлениях о религиозно-политической враждебности «раскола».

Законы, принятые в период правления императоров Александра II и Александра III, положили начало процессам постепенной легализации «раскола». Все еще юридически признанные в качестве религиозно «чужих» «раскольники», прежде всего великорусские старообрядцы, уже перестали восприниматься как политически «чужие» и враждебные государству. Законодательство 1905–1906 гг. внесло изменения в сложившуюся триаду межинститутской иерархии. Утрата части исключительных привилегий «господствующей» Православной церкви привела к расширению религиозных прав «иностранных исповеданий», модернизировав тем самым николаевский институт веротерпимости. В этом отношении прежняя дихотомия «свой – иной» сохранила свои основные характеристики.

Кардинальные перемены произошли в межинститутской оппозиции «свой – чужой». Юридически став «иными» и веротерпимыми, легализованные общины старообрядцев и сектантов, разрушили названную понятийную триаду, сняв традиционную оппозицию «свой – чужой» и заменив ее на универсальную дихотомию «свой – иной». С этого времени религиозную безопасность Российской империи обеспечивали два института – «господствующая» Русская церковь и модернизированный институт веротерпимости.

Поступила в редакцию / Received: 01.09.2020.

Библиографический список

Арапов Д.Ю. Пономарев В.П. Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 320–324.

Арапов Д.Ю. Исламская политика Екатерины Великой // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2014. № 5. С. 25–37.

Беликов В.И. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. 564 с.

Бендин А.Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92.

Бендин А.Ю. Феномен российской веротерпимости // Российская история. 2013. № 5. С. 143–149.

Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, Изд-во БГУ, 2010. 439 с.

Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань: Типография Императорского университета, 1888. 468 с.

Блосфельд Г.Э. Положение иноверцев и раскольников согласно Своду законов // Журнал министерства юстиции. 1905. № 3. С. 190–193.

Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1892. 263 с.

Булавина М.А. Государственное управление иностранными исповеданиями в Российской империи в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. С. 5–10.

Васильевский М.Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань: Центральная типография, 1914. 254 с.

Введенский А.П. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Типография «Одесских новостей», 1912. 205 с.

Градовский А.Д. Начала русского государственного права. О государственном устройстве. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 433 с.

Григоренко А.Ю. «Свой – чужой» в истории религии // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 41–47.

Джераси Р. Окно на Восток. Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 546 с.

Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1896. 112 с.

Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 143 с.

Жуков А.В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Грамота. 2017. № 12. С. 66–71.

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах. М.: Квадрига, 2009. 688 с.

Камалова С.Д. Дихотомия «свои – чужие» в дискурсе палестино-израильского конфликта с позиции лингвистической имагологии (на материале романов Линн Рейд Бэнкс // Научный диалог. 2018. № 2. С. 72–84.

Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Клобуцкий М.П. Исследование главных положений основных законов Российской империи в историческом их развитии. Харьков: Университетская типография, 1839. 140 с.

Красножен М. Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан в России. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. 205 с.

Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея, 1898. № 5. С. 320–325.

Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России. М.: Православное дело, 2000. 462 с.

Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М.: Фонд «Лютеранское Наследие», 2002. 400 с.

Лебедев В.Б. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв. Псков: Псковский юридический ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2007. 151 с.

Лилеев И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. 611 с.

Литтл Д. Изучение религиозных прав человека: методологические основания // Права человека и религия. Хрестоматия. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2001. С. 150–165.

Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.

Лукьянов С.А. Веротерпимость в России петровской эпохи // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 162–165.

Лясковский А.И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин: Арзамасъ, 1939. 191 с.

Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII в. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2000. 280 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). СПб.: Дм. Буланин, 1999. 548 с.

Миронов Б.Н. Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 2. С. 646–667.

Оржеховский И.В., Теплова В.А. «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбраныя навуковыя працы БДУ. Мінск: [Б.и.], 2001. С. 85–87.

Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная типография, 1902. 552 с.

Палкин А.С. Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П.А. Валуевым в 1863 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4. С. 1–14.

Попов Ар.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография императорского университета, 1904. 516 с.

Ревуненкова Н.В. Протестантизм. СПб.: Питер, 2007. 224 с.

Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1905. 423 с.

Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. Москва – Минск: Изд-во Общества любителей церковной истории, 2018. 443 с.

Самыгин С.И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 167–179.

Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России. Правовые аспекты взаимоотношений. М.: Проспект, 2017. 350 с.

Сафонов А.А. Государство и Церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М.: Изд-во Российского государственного торгово-экономического университета, 2011. С. 28–40.

Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1895. 275 с.

Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Часть первая. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 798 с.

Смолич И.К. История Русской церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 798 с.

Соколов И.И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. 613 с.

Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синодальная типография, 1892. 50 с.

Суворов Н. Учебник церковного права. М.: Университетская типография, 1902. 526 с.

Овчинников А. И., *Фоминская М. Д*. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–14.

Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень: [Б.и.], 2013. 288 с.

Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 200–215.

Тимашев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг: Государственная типография, 1916. 104 с.

Тихомиров Л.А. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 3. С. 420–445.

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 352 с.

Тишков В.А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2008–2016. № 51. С. 124–130.

Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб.: Издание и типография В.Ф. Демакова, 1876. 139 с.

Фирсов С.Л. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. № 1. С. 6–15.

Фриз Гр. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи. Сборник статей под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 351 с.

Фриз Гр. Пастырь и церковный деятель: святитель Филарет Московский и старообрядческий раскол 1825–1855 гг. // Филаретовский альманах. М.: ПСТГУ. 2008. С. 180–191.

Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 4. С. 777–806.

Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М.: Университетская типография (М. Катков), 1886. 462 с.

Шавельский Г., прот. Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии. СПб.: Типография «Сельского вестника», 1910. 380 с.

Geraci R.P., Khodarkovsky M. O Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca and London.: Cornell University Press, 2001. 368 p.

Nolte H.H. Religiöse Toleranz in Rußland 1600–1725. Göttingen, Zürich, Frankfurt am Main: Musterschmidt-Verlag, 1969. 216 p.

Tuchtenhagen R. Religion als minderer Status. Die Reform der Gesetzgebung gegenüber religiösen Minderheit in der verfaßten Gesellschaft des Russischen Reiches 1905–1917. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. 350 p.

References

Arapov, D.Yu. “V.P. Ponomarev Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy.” In *Pravoslavnaya entsiklopediya*, 320–324. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2006 (in Russian).

Arapov, D.Yu. “Islamic politics of Catherine the Great.” *Moscow University Bulletin. History*, no. 5 (2014): 25–37 (in Russian).

Belikov, V.I. *Deyatel'nost' moskovskogo mitropolita Filareta po otnosheniyu k raskolu*. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1895 (in Russian).

Bendin, A.Yu. “Evolyutsiya ponyatiya veroterpimosti i Ukaz 17 aprelya 1905 g.” In *Istoricheskiye zapiski*, 202–215. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).

Bendin A.Yu. “Polish revolt of 1863 in destinies of old believers of the northwest territory of Russian Empire.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2011): 77–92 (in Russian).

Bendin, A.Yu. “The phenomenon of Russian religious tolerance.” *Russian History*, no. 5 (2013): 143–149 (in Russian).

Bendin, A.Yu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom kraye Rossiyskoy imperii (1863–1914 gg.)*. Minsk: BGU Publ., 2010 (in Russian).

Berdnikov, I.S. *Kratkiy kurs tserkovnogo prava*. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1888 (in Russian).

Blosfel'd, G.E. “Polozheniye inovertsev i raskol'nikov soglasno Svodu zakonov.” *Zhurnal ministerstva yustitsii*, no. 3 (1905): 190–193 (in Russian).

Bryantsev, P.D. *Pol'skiy myatezh 1863 g*. Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkina Publ., 1892 (in Russian).

Bulavina, M.A. “State heterodox management in the Russian Empire in XIX century.” *RUDN Journal of Public Administration*, no. 4 (2014): 5–10 (in Russian).

Dzherasi, R. *Okno na Vostok. Imperiya, oriyentalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013 (in Russian).

Dobrotin, G.P. *Zakon i svoboda sovesti v otnoshenii k lzheucheniyu i raskolu*. Kiyev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko Publ., 1896 (in Russian).

Dorskaya, A.A. *Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoproyektov nachala XX veka*. St. Petrsburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2001 (in Russian).

Firsov, S.L. “The Orthodox State and Russian Old Believers-Priests in the Epoch of Emperor Nicholas I.” *Vestnik of Saint Petersburg University*, no. 1 (2009): 6–15 (in Russian).

Friz, Gr. *«Gubitel'noye blagochestiye»: Rossiyskaya tserkov' i padeniye imperii. Sbornik statey pod red. P. Rogoznogo*. St. Petersburg: Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2019 (in Russian).

Friz, Gr. “Pastyr' i tserkovnyy deyatel': svyatitel' Filaret Moskovskiy i staroobryadcheskiy raskol 1825–1855 gg.” In *Filaretovskiy al'manakh*, 180–191. Moscow: PSTGU Publ., 2008 (in Russian).

Friz, Gr. “Religious policy of the Russian Empire in the Baltics.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 2 (2017): 777–806 (in Russian).

Gradovskiy, A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. O gosudarstvennom ustroystve*. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1907 (in Russian).

Grigorenko, A.Yu. “«Friend» or «Foe» in the History of Religion.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 146 (2012): 41–47 (in Russian).

Geraci, R.P., and Khodarkovsky, M.O. *Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.

Kamalova, S.D. “The dichotomy “friends and foes” in the discourse of the Palestine-Israeli conflict from the standpoint of linguistic Imagology (based on the novels by Lynn Reid Banks).” *Scientific Dialogue*, no. 2 (2018): 72–84 (in Russian).

Kappeler, Andreas. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad*. Moscow: Traditsiya – Progress-Traditsiya Publ., 2000 (in Russian).

Klobutskiy, M.P. *Issledovaniye glavnykh polozheniy osnovnykh zakonov Rossiyskoy imperii v istoricheskom ikh razvitii*. Khar'kov: Universitetskaya tipografiya Publ., 1839 (in Russian).

Krasnozhen, M. *Inovertsy na Rusi. Polozheniye nepravoslavnykh khristian v Rossii*. Yur'yev: Tipografiya K. Mattisena Publ., 1900 (in Russian).

Kuznetsov, N.D. “Upravleniye delami inostrannykh ispovedaniy v Rossii v yego istoricheskom razvitii.” *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*, no. 5 (1898): 320–325 (in Russian).

Kunitsyn, I.A. *Pravovoy status religioznykh ob"yedineniy v Rossii*. Moscow: Pravoslavnoye delo Publ., 2000 (in Russian).

Kurilo, O.V. *Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)*. Moscow: Lyuteranskoye Naslediye Publ., 2002 (in Russian).

Lebedev, V.B. *Religioznyye prestupleniya v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii v XVIII – nachale XX vv.* Pskov: Pskovskiy yuridicheskiy in-t Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy Publ., 2007 (in Russian).

Lileyev, I. *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'ye. XVII – XVIII vv*. Kiyev: G.T. Korchak-Novitskogo Publ., 1895 (in Russian).

Littl, D. "Izucheniye religioznykh prav cheloveka: metodologicheskiye osnovaniya»." In *Prava cheloveka i religiya. Khrestomatiya*, 150–175. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy in-t sv. apostola Andreya Publ., 2001 (in Russian).

Litsenberger, O.A. *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Rossii: istoriya i pravovoye polozheniye*. Saratov: Povolzhskaya Akademiya gosudarstvennoy sluzhby Publ., 2001 (in Russian).

Luk'yanov, S.A. "Tolerance in Russia during the Petra the Great era." *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 7 (2008): 162–165 (in Russian).

Lyaskovskiy, A.I. *Litva i Belorussiya v vosstanii 1863 g. (po novym arkhivnym materialam)*. Berlin: Arzamas Publ., 1939 (in Russian).

Makarov, D.M. *Samoderzhaviye i khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVI – XVIII v*. Cheboksary: Chuvashskogo universiteta Publ., 2000 (in Russian).

Mironov, B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nach. XX vv.)*. St. Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 1999 (in Russian).

Mironov, B.N. "Church and State before and after the Russian Revolution of 1917." *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 65, no. 2 (2020): 646–667 (in Russian).

Nolte, H.H. *Religiöse Toleranz in Rußland 1600–1725*. Göttingen, Zürich, Frankfurt am Main: Musterschmidt-Verlag, 1969 (in German).

Orzhekhovskiy, I.V., and Teplova, V.A. "«Pol'skiy vopros» i pravitel'stvennaya politika na territorii Belarusi v pervoy polovine XIX v." In *Vybranyya navukovyya pratsy BDU*, 85–87. Mínsk: [N.s.], 2001 (in Russian).

Ovchinnikov, A.I., and Fominskaya, M.D. "Religious security of Russia and the role of law in ensuring." *North Caucasian Legal Bulletin*, no. 3 (2014): 7–14 (in Russian).

Pavlov, A.S. *Kurs tserkovnogo prava*. Svyato-Troitskaya Sergiyeva lavra: Sobstvennaya tipografiya Publ., 1902 (in Russian).

Palkin, A.S. "P.A. Valuev's Planned Review of the Legislation on Old Believers in 1863." *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, no. 4 (2017): 1–14 (in Russian).

Popov, Ar.V. *Sud i nakazaniya za prestupleniya protiv very i nravstvennosti po russkomu pravu*. Kazan': Tipo-litografiya imperatorskogo universiteta Publ., 1904 (in Russian).

Revunenkova, N.V. *Protestantizm*. St. Petersburg: Piter Publ., 2007 (in Russian).

Reysner, M.A. *Gosudarstvo i veruyushchaya lichnost'*. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ., 1905 (in Russian).

Romanchuk, A., prot. *Vysokopreosvyashchennyy Iosif (Semashko), mitropolit Litovskiy i Vilenskiy: ocherk zhizni i tserkovno-obshchestvennoy deyatel'nosti*. Moscow; Minsk: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii Publ., 2018 (in Russian).

Samygin, S.I. "Religious safety of the society in terms of providing the religious freedom and counter religious extremism." *Humanities of the South of Russia* 6, no. 4 (2017): 167–179 (in Russian).

Safonov, A.A. *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoy Rossii. Pravovyye aspekty vzaimootnosheniy*. Moscow: Prospekt Publ., 2017 (in Russian).

Safonov, A.A. "Gosudarstvo i Tserkov' v imperskoy Rossii: pravovyye aspekty vzaimootnosheniy." In *Gosudarstvo, tserkov', pravo: konstitutsionno-pravovyye i bogoslovskiye problemy: IX Rumyantsevskiye chteniya*, 28–40. Moscow: Rossiyskogo gosudarstvennogo torgovo-ekonomicheskogo universiteta Publ., 2011 (in Russian).

Shavel'skiy, G., prot. *Posledneye vossoyedineniye s Pravoslavnoy tserkov'yu uniatov Belorusskoy yeparkhii.* St. Petersburg: Sel'skogo vestnika Publ., 1910 (in Russian).

Smirnov, P.S. *Istoriya russkogo raskola staroobryadstva*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1895 (in Russian).

Smolich, I.K. *Istoriya Russkoy Tserkvi. Kn. 8. Chast' pervaya.* Moscow: Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1996 (in Russian).

Smolich, I.K. *Istoriya Russkoy tserkvi. 1700–1917*. Moscow: Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1997 (in Russian).

Sokolov, I.I. *Otnosheniye protestantizma k Rossii v XVI i XVII vekakh*. Moscow: Tipografiya E. Lissner i Yu. Roman Publ., 1880 (in Russian).

Subbotin, N.I. *O sushchnosti i znachenii raskola v Rossii*. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1892 (in Russian).

Suvorov, N. *Uchebnik tserkovnogo prava*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1902 (in Russian).

Tarasevich, I.A. *Religioznaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii*. Tyumen': [N.s.], 2013 (in Russian).

Teryukova, Ye.A. “Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and Ethno-Confessional Policy of the Russian State (XVIIII – early XX century).” *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, no. 4 (2010): 200–215 (in Russian).

Timashev, N.S. *Religioznyye prestupleniya po deystvuyushchemu russkomu pravu*. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1916 (in Russian).

Tikhomirov, L.A. “Veroispovednyy sostav Rossii i obyazatel'nost' dlya russkogo gosudarstva istoricheskoy veroispovednoy politiki.” *Missionerskoye obozreniye*, no. 3 (1902): 420–445 (in Russian).

Tikhonov, A.K. *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007 (in Russian).

Tishkov, V.A. “Both Russian and Russian.” *Russian Nation Journal*, no. 51 (2008–2016): 124–130 (in Russian).

Tolstoy, D.A. *Rimskiy katolitsizm v Rossii*. St. Petersburg: V.F. Demakova Publ., 1876 (in Russian).

Tsvetayev, D.V. *Iz istorii inostrannykh ispovedaniy v Rossii v XVI i XVII vekakh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) Publ., 1886 (in Russian).

Tuchtenhagen, R. *Religion als minderer Status. Die Reform der Gesetzgebung gegenüber religiösen Minderheit in der verfaßten Gesellschaft des Russischen Reiches 1905–1917*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995 (in German).

Vasil'yevskiy, M.N. *Gosudarstvennaya sistema otnosheniy k staroobryadcheskomu raskolu v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I*. Kazan': Tsentral'naya tipografiya Publ., 1914 (in Russian).

Vvedenskiy, A.P. *Deystvuyushchiye zakonopolozheniya kasatel'no staroobryadtsev i sektantov*. Odessa: Odesskikh novostey Publ., 1912 (in Russian).

Zhukov, A.V. “Religious security as a subject of scientific discourse in Post-Soviet Russia.” *Gramota*, no. 12 (2017): 66–71 (in Russian).

Zen'kovskiy, S.A. *Russkoye staroobryadchestvo. V dvukh tomakh*. Moscow: Kvadriga Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Бендин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Alexandre Yu. Bendin, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Theology of the Institute of Theology, Belarusian State University (Republic of Belarus).

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 32–46
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-32-46
Научная статья / Research article

«Еврейский вопрос» в деятельности земской либеральной фронды северной Украины 1880-х гг.

Н.А. Котельницкий
Институт Европы Российской академии наук, Центр украинских исследований,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11,
subton7@gmail.com

Аннотация: Исследуется позиция земской либеральной партии северной Украины по «еврейскому вопросу» в Российской империи на этапе 80-х гг. XIX в. Опираясь на малоизвестные и малоисследованные исторические источники, которые впервые вводятся в научный оборот, автор реконструирует общественный ландшафт на севере Левобережной Украины, в котором и «взорвалась» острейшим образом «еврейская проблема». Проведенный анализ и сопоставление позиций земских либеральных и консервативных политических кругов позволил синтезировать основные инициативы прогрессивных земцев, которые принципиальным образом размежевали аристократическую оппозиционную фронду от лояльной власти земской среды. Детальное изучение первоисточников убедительно свидетельствует о том, что либеральные земцы предложили качественную альтернативу реакционным идеям консерваторов – решительный отказ от карательных мероприятий, уничтожение гражданского неравноправия еврейского народа в Российской империи, принципиальное изменение государственной экономической политики с целью всестороннего и широкомасштабного реформирования социальных отношений в провинции, поиск оптимальных рычагов для влияния на гармонизацию нравственных и духовных отношений в обществе. В публикации обстоятельно изучен персональный вклад членов земской либеральной партии Северного Левобережья в разработку и формирование политической философии разрешения «еврейской проблемы» в стране как на уровне общероссийской публицистики, так и на уровне функционирования и деятельности Черниговской губернской комиссии по «еврейскому вопросу». Автор аргументированно показывает, что представители земской оппозиции публично выступали против малейшей дискриминации и ограничения гражданских прав и свобод иудейства, считая эти интенции проявлениями юдофобии и оскорбления еврейского народа. Автор заключает, что реформистский план либеральной партии по концептуальному решению «еврейского вопроса» в Российской империи являлся неотъемлемой частью социально-экономической и этнополитической доктрины модернизации государства, которую оппозиционная аристократическая фронда предъявила самодержавию Романовых в качестве официальной альтернативы внутриполитическому курсу империи.

Ключевые слова: Российская империя, северная Украина, еврейская проблема, земская либеральная партия, Черниговская губернская комиссия по «еврейскому вопросу», консервативные земцы

Для цитирования: *Котельницкий Н.А.* «Еврейский вопрос» в деятельности земской либеральной фронды северной Украины 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 32–46. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-32-46

The “Jewish Question” in Zemstvo Activities of the Liberal Fronda of Northern Ukraine in the 1880s

Nazar A. Kotelnitsky
Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences Center for Ukrainian Studies,
11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia,
subton7@gmail.com

Abstract: The article explores the position of the Zemstvo liberal party of northern Ukraine on the “Jewish question” in the Russian Empire in the 1880s. Based on little-known historical sources, the author reconstructs the public landscape in the north of Left-Bank Ukraine, where vivid discussions

© Котельницкий Н.А., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

of the "Jewish problem" unfolded. A comparative analysis of the positions of the liberal and conservative Zemstvo circles demonstrated the main initiatives of the progressive Zemstvo, which fundamentally separated the aristocratic opposition fronda from the loyal authorities of the zemstvo environment. A detailed analysis of the primary sources shows that the liberal Zemstvo members strongly opposed the reactionary proposals of the conservatives – including a decisive rejection of punitive measures, the elimination of the civil inequality of the Jewish people in the Russian Empire, a fundamental change in state economic policy with the aim of comprehensive and wide-ranging reforms of social relations in the province, and a search for the harmonization of moral and spiritual relations in society. The publication examined the personal contribution of liberal Zemstvo party members of the Northern Left Bank to the development of a political philosophy for resolving the "Jewish problem" in the country, at the level of journalism of national importance, and at the level of the activities of the Chernihiv provincial commission on the "Jewish question." The author demonstrates that the representatives of the Zemstvo opposition publicly opposed the slightest discrimination and restriction of civil rights and freedoms of Jews, considering such discrimination as manifestations of anti-Semitism and an insult of the Jewish people. The liberal party's reform plan for the conceptual solution of the "Jewish question" in the Russian Empire was an integral organic component of the broad socio-economic and ethno-political doctrine of state modernization.

Keywords: Russian Empire, northern Ukraine, Jewish problem, Zemstvo liberal party, Chernihiv provincial commission on the "Jewish question," conservative zemstvo

For citation: Kotelnitsky, Nazar A. "The 'Jewish Question' in Zemstvo Activities of the Liberal Fronda of Northern Ukraine in the 1880s." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 32–46 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-32-46

Введение

Среди многочисленных аспектов широкомасштабной деятельности земского либерального движения на севере Левобережной Украины – актуальной, но явно недостаточно разработанной проблемы в исторической науке, за исключением жизни и деятельности основателя и «патриарха» земского либерализма украинских губерний Российской империи – И. Петрункевича[1], наименее известным и малоисследованным является этноконфессиональная политика оппозиционной аристократической фронды северной Украины, в частности, позиция либеральной партии по так называемому «еврейскому вопросу» в Российской империи второй половины XIX в.

Анализ историографии проблемы позволяет констатировать факт слабой изученности избранной тематики. По большому счету, национальный и религиозный вопросы в программе земского либерализма до начала XX в. остаются незаполненной «лакуной» в исторической науке, что требует от исследователей общей фундаментальной постановки проблемы и детальной разработки вопросов как на общеимперском, так и на региональном уровнях, в том числе в этнически нерусских, инкорпорированных окраинах Российской империи.

В современной российской и украинской историографии имеется несколько обстоятельных исследований, посвященных «еврейской проблеме» в империи. Однако, в абсолютном своем большинстве, в них рассматриваются вопросы юридического, социально-политического и экономического положения иудейского народа в государстве. Этнические же и конфессиональные проблемы затронуты лишь эпизодически и фрагментарно, тем более на уровне регионов, в частности, в сфере местного самоуправления и провинциального политического ландшафта[2].

[1] *Котельницкий Н.А.* Общественная деятельность И.И. Петрункевича на Черниговщине (1868–1879) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 5–24; *Котельницкий Н.А.* Мировоззрение И.И. Петрункевича: штрихи к политическому портрету // Диалоги со временем. 2019. № 66. С. 405–415.

[2] *Абалян А.* Проблема статуса еврейского населения России и Германии в конце XIX – начале XX вв. // Политэкс. 2014. Т. 14. № 2. С. 71–84; *Егоров В.* Реформы Александра II в отношении еврейского населения Российской империи // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 147–150; *Севостьянов А.* На русско-еврейской этнической войне // Вопросы национализма. 2016. № 4. С. 176–221; *Тихонов А.* Єврейські погроми 1881р. в українських губерніях Російської імперії // Український історичний журнал. 2007. № 5. С. 65–74.

Прежде всего следует выделить диссертации В. Малахова и М. Витенберг, посвященные социально-политическому положению и общественной роли еврейства в Российской империи на этапе 50–80-х гг. XIX в., то есть эпохи Великих реформ[3]. В данных диссертационных исследованиях сформировано целостное представление о месте и значении иудейства в истории страны. Вместе с тем, следует признать, что взаимоотношения институций местного самоуправления с еврейскими общинами государства так и остались в них по существу «белым пятном», в том числе на уровне политической жизни в регионах.

Текущее положение дел в историографии и высокий уровень актуальности проблематики побуждает нас предпринять лаконичную попытку частично заполнить существующие пробелы в избранной тематике исследований на уровне отдельно взятой окраины Российской империи – северной Украины. Источниковой базой для данной работы послужили до сих пор малоизвестные и малоисследованные, но крайне важные и незаменимые журналы уездных и губернских земских собраний края, профильные региональные земские издания, опубликованные труды Черниговской губернской комиссии по «еврейскому вопросу», журналы собраний регионального нобилитета, а также авторская программная публицистика членов земской либеральной партии северной Украины.

Еврейские погромы 1881 г.

Как известно, эпоха Великих реформ в Российской империи, вынужденно инициированная и начатая волей императора Александра II, способствовала частичной демократизации и либерализации общественных отношений в государстве, в том числе и по отношению к еврейскому населению империи. Так, например, представители этого этноса получили возможность баллотироваться, избираться и занимать ответственные должности в учреждениях местного и городского самоуправления – городских думах и управах, уездных и губернских земских собраниях и управах[4].

Заметим, что больших проблем в отношениях между еврейским населением и институтами провинциального самоуправления на территории Северного Левобережья в этот период не существовало. Более того, без каких-либо существенных возражений было воспринято решение Борзенского уездного земского собрания от 21 сентября 1866 г. о налогообложении развлекательных заведений, владельцами которых были еврейские коммерсанты[5].

Однако сразу после убийства императора Александра II 1 марта 1881 г. ситуация быстро изменилась к худшему. В период с апреля по июль по стране прокатилась волна еврейских погромов, которая охватила в том числе и Северщину. Эксцессы стали эмоциональным проявлением социального конфликта между крестьянством – земледельческим сословием государства и представителями еврейского этноса, которые специализировались на ремеслах и промыслах, разнообразной торговле, предпринимательской деятельности, коммерческих операциях, и, что важно в данном конкретном случае, – широкомасштабной аренде земельных латифундий. Основными общепризнанными причинами погромов стали: уверенность крестьян в том, что императора убили именно евреи-экстремисты, а также антагонизм в отношении к евреям как специфической прослойке населения, которая зарабатывает себе на жизнь преимущественно «непроизводственной деятельностью»[6].

[3] *Витенберг М.* Власть, общество и еврейский вопрос в России в 80-е годы XIX века: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008; *Малахов В.* Социально-политическое положение еврейского населения в регионах Российской Империи. 50-е – начало 80-х годов XIX века: дис. … канд. ист. наук. М., 2015.

[4] *Малахов В.* Социально-политическое положение... С. 171.

[5] Журналы заседаний Борзенского уездного земского собрания 1866 года. Чернигов,1866. С.18.

[6] *Витенберг М.* Власть, общество и еврейский вопрос в России в 80-е гг. XIX в. СПб., 2008. С. 180–182.

Новый император Александр III, исповедуя ортодоксальную идеологию российского консерватизма, шовинизма и национализма, начал проводить политику контрреформ, внутренней реакции. Государственная бюрократия в условиях и так абсолютно неадекватной экономической политики в стране начала реализацию курса нового императора, заняв по отношению к проблеме еврейских погромов позицию «понимания и сожаления», де-факто оправдывая эксцессы, не признавая вины государственных органов в провоцировании событий и самоустранившись от решения проблемы по сути[7].

Например, на региональном уровне, 24 мая 1881 г., на заседании Черниговского губернского собрания дворянства, был подан доклад члена консервативной партии П. Исаевича по «еврейскому вопросу». Документ в целом отражал господствующие на тот момент идеологемы, обвинял еврейский этнос в злостном нежелании продуктивного производства, пристрастии к разного рода коммерческой деятельности, накоплении активов недвижимости и колоссально больших арендных площадей земель с целью получения непроизводственных доходов и прибыли. Указывая на то, что Левобережная Украина, в том числе и Черниговская губерния, были территориями «оседлости еврейства» в Российской империи, где евреям разрешено было осуществлять коммерческие операции с активами недвижимости и земельным фондом украинского Полесья, консерваторы регионального собрания аристократии соглашались с точкой зрения верховной власти о необходимости полного запрета этих финансово-экономических операций, соответствующих трансакций и всестороннего расширения территории империи для расселения еврейского народа, то есть увеличения количества колонизационных поселений и де-факто сегрегационных ареалов по национальному, вероисповедному и расовому признакам[8].

В этих условиях либеральные земцы края должны были четко определиться со своей политической позицией. Представители оппозиционной фронды, депутаты регионального собрания нобилитета вступили в принципиальную полемику с консервативным большинством по этому вопросу. Результатом острых дебатов стало компромиссное решение собрания дворянской корпорации о том, что в силу большой неоднозначности и деликатности проблематики не стоит принимать никаких решений и заявлений без детального исследования и обсуждения вопроса специальными компетентными органами. Губернское собрание постановило избрать специальную депутатскую комиссию, которая должна была тщательно изучить реальное положение дел и подготовить свой вариант решения проблемы в виде особого доклада для Черниговской губернской комиссии по «еврейскому вопросу». Комиссия, в свою очередь, должна была начать работу по Августейшему распоряжению в конце лета 1881 г. В состав комиссии дворянского собрания были избраны два ярких представителя земской либеральной партии северной Украины – А. Линдфорс и Н. Константинович[9].

Следует особо подчеркнуть, что члены аристократической фронды находились в комплиментарных отношениях с еврейскими общинами, считая их прогрессивным элементом городского и земского самоуправления, в большинстве случаев шли им навстречу по многим вопросам, а в моменты антисемитских эксцессов делали все от них зависящее, чтобы предотвратить тяжелые последствия катастрофических событий. Например, персональной заслугой городского головы Чернигова В. Хижнякова была ликвидация угрозы полномасштабных еврейских погромов в

[7] *Тихонов А.* Єврейські погроми 1881 р. в українських губерніях Російської імперії // Український історичний журнал. 2007. № 5. С. 65–74.

[8] Постановления Черниговского губернского собрания дворянства 1881 г. Чернигов, 1881. С. 47–50.

[9] Там же. С. 8.

столице Северного Левобережья: используя пребывание в Черниговской губернии сенатора А. Половцева с целью ее ревизии, В. Хижняков обратился к нему за помощью в деле предупреждения эксцессов. Вызов военнослужащих по требованию высокопоставленного сановника сделал свое дело[10].

Надо сказать, что консервативная часть персонального состава земских институций Севрщины поддержала точку зрения государственной власти и заняла реакционную позицию относительно решения «еврейского вопроса», ратуя за внедрение репрессивных мер. Например, 12 июня 1881 г., на заседании Городнянского уездного земского собрания был рассмотрен специальный доклад уездной земской управы об ограничении прав еврейского населения. Авторы четко констатировали, что непосредственными причинами серии еврейских погромов в крае являются экономические отношения между еврейским этносом и крестьянскими общинами, а именно – эксплуатация производственного потенциала коренного населения представителями еврейской коммерции и предпринимательства. Указывалось, что евреи, по своей генетике и социальной природе не будучи «производственным» слоем населения, доминируя в финансовом секторе экономики региона за счет сосредоточения и консолидации в своих руках разного рода капиталов, полученных от комплекса торговых операций, самым безжалостным образом эксплуатируют основной ресурс экономической деятельности – земельный фонд края.

Отдельно в докладе отмечалось, что еврейские торговцы и предприниматели фактически стали монополистами в сфере посредничества при заключении различного рода экономических и хозяйственных сделок, получая от этого коммерческий процент заработка. Одновременно с этим представители еврейского этноса стали основными арендаторами земельного фонда. С одной стороны, они, пользуясь кризисом дворянского землевладения, массово скупают по демпинговым ценам обанкротившиеся имения, а затем осуществляют их распродажу по частям, получая таким образом прибыль в 2–3 раза больше, чем при коммерческих операциях с недвижимостью. С другой стороны, они как посредники между аристократами-землевладельцами и крестьянством по существу стали главной арендаторской прослойкой населения, абсолютно игнорируя императивы аграрного производства, «выжимая максимум возможного» по аренде даже малодоходных и малоплодородных земель, нанося ущерб сельскому хозяйству региона.

Завершая доклад, авторы предлагали уездному земству обратиться к Правящему Сенату империи, используя посредничество Черниговского губернского земства, с инициативой о введении ограничительных мер в отношении евреев региона. В частности, консервативное большинство уездного земского собрания ходатайствовало о запретах евреям покупать земельные участки в Черниговской губернии; арендовать недвижимость в губернии; заниматься торговлей алкогольных напитков; проживать в сельской местности и заниматься аграрным делом. В то же время уездные земские сборы просили верховную власть позволить и всесторонне способствовать миграции евреев и их расселению по всей территории Российской империи[11].

Как видим, инициированные консервативными земцами предложения носили репрессивный и дискриминационный характер, не говоря уже об отсутствии даже малого намека на какие-либо признаки гражданского равенства. Через несколько лет подобные инициативы будут реализованы, но уже волей верховной власти – правительственных кругов, с подачи императора Александра III, которые откровенно опасались усиления влияния еврейства и его возраставшего доминирования в стране.

[10] *Хижняков В.* Воспоминания земского деятеля. Петроград, 1916. С. 79, 104–107.

[11] Еврейский вопрос // Земский сборник Черниговской губернии. 1882. № 1. С. 86–87.

Либеральная оппозиция земских институций украинского Полесья заняла принципиально другую позицию по «еврейской проблеме». Так, 28 августа 1881 г. на заседании Борзенского уездного земского собрания были детально рассмотрены вопросы, связанные с «еврейским вопросом» в крае. Либеральная партия поручила выступить в собрании с докладом своему представителю и члену оппозиционной фронды В. Савичу, известному адвокату и общественному деятелю региона.

В своей речи он охарактеризовал серию еврейских погромов как угрожающий социальный симптом и общественный эксцесс, имеющий все признаки латентного и в перспективе межнационального и конфессионального конфликта. Далее он изложил подробный план, разработанный либеральной партией, который смог бы нейтрализовать высокую степень конфронтации и общественного противостояния. Были озвучены следующие предложения: 1. полицейские органы должны не назначаться, а избираться; 2. даровать еврейскому этносу право селиться по всей территории Российской империи; 3. реформировать сферу торговли алкогольными напитками и табачными изделиями с целью ликвидации господства этнически еврейской коммерции; 4. срочно создать региональные и губернские комитеты по «еврейскому вопросу» с целью ликвидации агрессивной обстановки; 5. немедленно отменить распоряжения Правительства о том, чтобы духовенство края убеждало крестьянское население в невозможности перераспределения земельного фонда; 6. ходатайствовать перед Правительством о необходимости открытой публикации трудов указанных комитетов, чтобы и общество, и местные власти могли принять участие как в подготовке сборников, так и в их использовании; 7. разработать меры с целью влияния на духовный мир населения.

Борзенское уездное земское собрание, рассмотрев основные тезисы доклада, постановило незамедлительно создать специальную комиссию земства, которая внесет рассмотренный проект доклада на сессию уездного и Черниговского губернского земского собрания. В. Савич, в свою очередь, добавил, что он прилагает текст доклада к протоколу заседания уездного земства[12].

Желая подробно разъяснить основные положения доклада, В. Савич отметил, что погромы еврейства – это лишь удачная попытка найти «козла отпущения» в контексте полного банкротства экономической политики российского самодержавия после отмены крепостного права. Либерал признавал, что эксцессы провоцировались в том числе и революционерами-народниками, которые во время своей активной политической кампании «хождения в народ» агитировали за экстремистские формы, методы, способы и средства достижения социальной справедливости в обществе. Однако именно катастрофичность экономического положения большинства бывших помещичьих крестьян, полный правовой беспредел в государстве, колоссальное административное давление и брутальность фискальных институтов стали непосредственными предпосылками общественного противостояния. Кроме того, возмущение населения вызвала и позиция православного духовенства, которое, по сути, поддержало государство в проповеди тезиса о принципиальной невозможности каких-либо изменений в сфере землевладения. Представитель оппозиционной фронды откровенно заявил, что монархия совершенно не понимает потребностей населения империи, проявляет преступную беспомощность и бессилие в критические моменты истории, тем самым теряя веру и доверие народа. Поэтому выборные общественные институты местного самоуправления казались единственными всесословными учреждениями, имевшими моральное право вмешиваться в проблемы и вопросы государственной политики, а также подавать ходатайства в адрес российского царя[13].

[12] Еврейский вопрос // Земский сборник Черниговской губернии. 1882. № 11. С. 75–76.

[13] Там же. С. 77–79.

Продолжая свое выступление, представитель либералов прокомментировал инициативы, предложенные в докладе. В. Савич отметил, что полицейские органы надо выбирать волей населения общин, а административные функции нужно исключить из их компетенции. Провинциальные же и региональные управления полиции должны избираться органами местного самоуправления – земскими собраниями и управами, которые должны контролировать их работу. Уездный полицейский исправник обязан отчитываться перед земским собранием. Волостные полицейские управления необходимо превратить в хозяйственные структуры с функциями надзора. Представители новых полицейских органов заменят приставов как сословный институт, который полностью потерял уважение и доверие народа, являясь верным слугой самодержавного режима. Оратор призвал немедленно приступить к реформированию политической структуры и силовых ведомств империи. В. Савич особо отметил, что требование дарования права евреям на расселение по всей Российской империи ликвидирует проблему «черты оседлости» еврейского населения, что позволит качественно улучшить экономические условия жизнедеятельности этноса. Проблема не в нем, а в государственной политике.

Относительно реформирования сферы торговли выступающий отметил, что проблема беспатентных торгов должна быть ликвидирована, поскольку это является нарушением законодательства. Евреи в силу высоких цен на эти патенты вынуждены прибегать к нелегальным коммерческих формам торговли табаком и алкоголем. Конечно, профильные ведомства империи знают об этом, но «закрывают на это глаза», получая коммерческий процент с прибыли от этих операций, фактически участвуя и освящая элитную коррупционную «оборутку». Считалось, что подобную круговую поруку нужно немедленно уничтожать. Что же касается погромов развлекательных заведений, которые являются центром заключения разного рода предпринимательских сделок (трактиры, постоялые дома, корчмы), то эту проблему можно решить ликвидацией фактической монополии еврейского бизнеса, разрешения заниматься торговлей алкогольными напитками и табачными изделиями всем, кто только желает.

Оппозиционер обратил внимание собрания на оперативную необходимость установления независимых отношений между православным духовенством и населением путем уничтожения системы «материального субсидирования» общинами институтов Русской православной церкви. По убеждению В. Савича, крайне необходимо было ввести официальные прейскуранты на услуги культового, ритуального и обрядового характера, проводимых религиозными учреждениями, чтобы таким образом обеспечить духовенству надлежащий уровень финансирования, минимизировать факторы коррупции в этой тонкой гуманитарной области человеческой жизни и нейтрализовать возможные протестные акции населения по отношению к политике клерикальных институций[14].

Необходимо отметить, что специальная комиссия Борзенского уездного земства оперативно изучила доклад, инициативы и подробные разъяснения, публично представленные в собрании В. Савичем. Члены комиссии категорически не согласились с идеей об избрании полицейских органов власти в провинции, поскольку по законодательству Российской империи это не являлось компетенцией институтов земского самоуправления. Не нашла никакой поддержки и инициатива по ходатайству перед Правящим Сенатом относительно отмены поручений верховной власти духовенству об агитации среди населения идей о принципиальной невозможности каких-либо изменений аграрного строя в империи. Все остальные предложения оппозиционной фронды были признаны комиссией очень полезными и такими, ко-

[14] Еврейский вопрос // Земский сборник Черниговской губернии. 1882. № 11. С. 79–83.

торые должны быть направлены монарху для детального рассмотрения и принятия конкретных политических решений. Дополнительно состав комиссии признал, что разрешение на широкомасштабную эмиграцию еврейского населения за границу будет хоть и паллиативным, но все же частичным решением проблемы[15].

Подчеркнем, что свою программу решения болезненного «еврейского вопроса» в Российской империи либеральные земцы северной Украины презентовали не только непосредственно в органах земского самоуправления, но и в публичном пространстве общественной жизни государства, например, на страницах ведущих средств массовой информации страны. Так, например, в 1878 г. в известном журнале «Отечественные записки» была опубликована программная экономическая статья члена земской либеральной партии, известного ученого-статистика В. Варзара. Проанализируем контент труда.

Признавая, что еврейский этнос не является по генетике и своей социальной природе земледельческим, автор публикации представляет для общественности детальный экономический очерк хозяйственного функционирования такого явления, как еврейской аренды земельного фонда Черниговской губернии. В. Варзар осуществляет описание механизмов еврейского предпринимательства в аграрном секторе экономики края, убедительно доказывая факт доминирования института субаренды в сельском производстве. Исследователь, оперируя статистическими сведениями, отмечает, что евреи являются крупнейшими арендаторами земельных угодий на севере Левобережной Украины, а арендная плата, которую они ассигнуют владельцам земель (преимущественно обанкротившейся аристократии края), является самой большой в регионе. Естественно, что основным источником для выплат арендных платежей за землю является прибыль от разного рода торговых, коммерческих и предпринимательских операций представителей иудейской коммерции, которая составляет «львиную долю» всего этого сегмента экономики Российской империи.

Автор показывает, как уже арендованная у владельцев земля повторно сдается в аренду еврейскими предпринимателями крестьянам – непосредственным производителям продукции, но уже отдельными частями. Таким образом, не имея компетенций в аграрном секторе экономики, не имея ни наемной рабочей силы, ни соответствующей современной сельскохозяйственной техники для хозяйственной деятельности, представители еврейской коммерции зарабатывают на земельных участках еще больше, чем они заплатили за аренду владельцам латифундий. В провинциальных условиях еврейской монополии аренды земель, малоземелья среди бывшего крепостного крестьянства, отсутствия адекватной государственной политики экономической поддержки освобожденного от рабства населения и примата интересов абсолютизма во внутренней политике подобные социальные реалии непременно провоцировали межсословный антагонизм и агрессию в обществе, приводили к столкновениям между евреями и другими слоями населения, поскольку первые, в силу своей близости к бывшим крепостным, волей-неволей становились главными «виновниками» тяжелого финансового и экономического положения крестьянства[16].

Какой же выход из сложившегося положения видел В. Варзар, а его устами и земская либеральная партия Северного Левобережья? Признавая очевидный непродуктивный характер еврейской аренды земель, оппозиционная фронда, в том числе и В. Варзар, категорически отвергали разного рода консервативные меры для решения этой проблемы. Стратегически, в видении автора, проблему можно было бы разрешить принципиальным изменением экономической политики, а именно: 1.

[15] Еврейский вопрос // Земский сборник Черниговской губернии. 1882. № 11. С. 83–86.

[16] *Варзар В.* Евреи-арендаторы в Черниговской губернии // Отечественные записки. 1878. № 9–10. С. 175–200.

стимулированием колонизационного заселения региона «экономически продуктивным» населением; 2. внедрением института государственного аграрного кредита для кризисных имений представителей обанкротившегося дворянства, путем создания особых специальных банковских и финансовых учреждений, что минимизирует выкуп и аренду поместий прослойкой коммерсантов-посредников; 3. немедленной интенсификацией сельского хозяйства путем перехода к современным капиталистическим формам, способам, методам и инструментариям аграрного производства; 4. срочным внедрением профессионального аграрного образования в стране как для землевладельцев, так и для непосредственных производителей; 5. немедленным введением банковских линий дешевых и долгосрочных государственных кредитов для приобретения крестьянами земель в собственность, формирования «портфелей» оборотных средств для собственного производства и т.п. Тактически же возникшие трудности предлагалось нейтрализовать добротной организацией системы мелкого кредитования для крестьянства, стимулированием организации сельскохозяйственных производственных кооперативов, всесторонним расширением сети ссудо-сберегательных товариществ для нужд крестьянства, политикой развития профессионального ремесленничества и промыслов и т.д.[17] Предложенный В. Варзаром пакет инициатив стал неотъемлемой частью экономической программы земского либерального движения на севере Левобережной Украины второй половины XIX в. Как видим, и консервативно-реакционные круги, и либералы сформировали свою точку зрения по «еврейской проблеме» до создания особых губернских комиссий.

Черниговская губернская комиссия по «еврейскому вопросу»

22 августа 1881 г. император Александр III приказал сформировать комиссию по «еврейскому вопросу» в Черниговской губернии и обеспечить ее функционирование. Уже в сентябре комиссия начала свою непосредственную работу. В ее состав были избраны члены земской либеральной партии Северщины, представители оппозиционной аристократии: статский советник, в будущем – член Центрального комитета Конституционно-демократической партии, городской голова Чернигова В. Хижняков; участковый мировой судья Черниговского округа, в будущем – советник и консультант премьер-министра С. Витте, известный экономист В. Варзар; директор Черниговского городского банка Н. Константинович; участковый мировой судья Борзенского уезда, известный адвокат В. Савич. Еврейскую общину края представляли главный черниговский раввин Е. Фрейдин и приглашенные им купцы, коммерсанты, торговцы и ремесленники. К большому сожалению, численное большинство голосов в комиссии получили члены действующей власти в регионе, консервативное дворянство и чиновники-бюрократы[18].

Первичными документальными источниками для деятельности комиссии стали многочисленные доклады по «еврейскому вопросу», подготовленные основными институтами государственной и корпоративной власти из большинства уездов Черниговской губернии. Конечно, в условиях радикальных эксцессов, которые доминировали весной – осенью 1881 г. в Российской империи, подробная информация, направленная в комиссию, не могла быть комплиментарной, и в абсолютном большинстве она была очень критичной. Поэтому выводы, к которым пришла комиссия, не вызывают особого удивления – деятельность евреев в регионе была признана вредной, содержащей опасности для жизнедеятельности страны и функционирования государства. Дошло даже до того, что иудейских коммерсантов обвиняли в со-

[17] *Варзар В.* Евреи-арендаторы в Черниговской губернии // Отечественные записки. 1878. № 9–10. С. 202–205.

[18] Труды Черниговской комиссии по еврейскому вопросу. Чернигов, 1881. С. 1–2.

здании, содержании и получении прибыли от салонов интимных услуг, что, само собой, квалифицировалось как подрыв нравственных и духовных основ бытия общества[19].

Какую же позицию в этом контексте заняло оппозиционное меньшинство комиссии – либеральные земцы украинского Полесья? Опубликованные материалы дают нам право утверждать, что она была подчеркнуто демократичной и реформистской. Такой, в частности, стала «Записка о еврейских учителях-меламедах» В. Хижнякова. В своих публичных заметках известный фрондер изложил свое видение жизнедеятельности еврейских общин в провинции.

Либерал акцентировал внимание комиссии на том, что нужно немедленно отказываться от санкционированной правительством политики социальной кастовости и герметичности еврейских общин края. Например, в то время, когда образовательные инициативы для большинства населения региона подвергались многочисленным бюрократическим ограничениям, подобные начинания для еврейства поддерживались центральной властью на законодательном уровне. Деятель прямо намекал не только на избирательный национальный «фермент» этих явлений, но и на коррупционную их природу, всестороннюю заинтересованность российского абсолютизма в этом, поскольку легче иметь дело и решать проблемы с отдельно взятой общественной корпорацией, чем с широким, хорошо образованным обществом страны в целом. Автор очень критично оценил деятельность еврейских учителей-меламедов, поскольку кроме преподавания иудаизма и соответствующих религиозных дисциплин они так и не смогли достичь надлежащего прогресса в своей работе, а именно ликвидировать в целом безграмотность в провинции. По мнению политика, единственным продуктом функционирования и жизнедеятельности специальных еврейских школ была не только национальная и религиозная изоляция еврейских корпораций в населенных общинах, но и социальная герметичность этноконфессионального меньшинства, сделавшая невозможным широкую интеграцию еврейства в общественные отношения страны и породившую «ореол» всеобъемлющей исключительности иудейства, а также императив нетерпимости ко всему нееврейскому, как «инородному элементу».

Особое раздражение у В. Хижнякова вызвал тот факт, что администрация Черниговской губернии, путем поддержки особой еврейской училищной комиссии, де-факто способствовала распространению кастового еврейского образования и численного увеличения специальных школ и училищ в столице северной Украины, в Чернигове. При этом любые прогрессивные начинания и инициативы по просвещению крестьянства в провинции всячески преследовались и ограничивались институтами власти. Указанная несправедливость и пример бесправия, по мнению деятеля, были далеко не последней причиной усиления антисемитского «фермента» в общественном мнении и сознании прогрессивного социума страны.

По мнению оппозиционера, доктринальная реформа сферы науки и образования сможет стать одним из фундаментальных предохранителей усиления социального антагонизма между еврейским этносом и большинством общественности Северного Левобережья. По убеждению В. Хижнякова, нужно было срочно интегрировать еврейские корпорации в социум провинции путем введения обязательного начального общего образования еврейских детей в смешанных школах и классах, то есть с представителями других национальных, религиозных сообществ и общин. Просветительскую деятельность учителей-меламедов необходимо запретить, однако всячески поощрять и внедрять преподавание раввинами религиозных иудейских дисциплин в указанных заведениях. По всей территории компактного проживания

[19] Труды Черниговской комиссии по еврейскому вопросу. Чернигов, 1881. С. 105–107.

иудейского меньшинства нужно открыть необходимое количество школ с общим, универсальным, а не специальным курсом обучения. Финансовый ресурс для этого уже был: бюджеты еврейских корпораций ассигновали средства на специальные особые школы, классы и работу меламедов, которые без проблем можно направить на указанные потребности[20].

Подчеркнем, что обнародованная позиция земских либералов края все же была услышана руководством и персональным составом комиссии, хотя и в формальном виде. Так, в частности, в опубликованных выводах и итогах, к которым пришла комиссия, был изложен перечень ориентировочных мероприятий, рекомендованных монархии для снятия остроты «еврейской проблемы». Например, были задекларированы либеральные предложения по солидарности уплаты евреями налогов наряду с другими слоями населения, полной ликвидации особых специальных еврейских учреждений просвещения, интеграции еврейских детей в общие светские учебные заведения, предоставления разрешения на преподавание в общеобразовательных учреждениях еврейского языка, истории, культуры, религиозных дисциплин.

Но комплекс других инициатив полностью затмил какие-либо комплиментарные предложения. Комиссия рекомендовала: 1. запретить проживание евреев в провинции; 2. ограничить допуск иудеев к обучению в средних и высших учебных заведениях; 3. принципиально исключить возможности для реализации любых коммерческих операций с активами недвижимости и земельного фонда, в том числе аренды; 4. решительно нейтрализовать все условия для производственно-торговой деятельности в сфере развлекательных мероприятий и досуга; 5. в случае необходимости – разрешить повсеместную конфискацию экономических активов иудейских коммерсантов; 6. для евреев городов – ввести институт постоянной регистрации; 7. разрешения на ремесленную и промышленную деятельность осуществлять исключительно лицам, зарегистрированным в конкретном населенном пункте; 8. ввести полный и безоговорочный запрет на торговлю алкогольными напитками и табачными изделиями лицами еврейского этноса; 9. запретить вступление в брак иудеев до отбытия ими воинской повинности[21].

К большому сожалению, консервативное большинство комиссии дало о себе знать, и победу одержали реакционные взгляды, направленные на всестороннее и широкомасштабное ограничение и без того минимальных гражданских прав и свобод еврейского этноса, которые были дарованы императором Александром II. Российский деспотизм в полном объеме «прислушается к рекомендациям» своей опоры на территории Северщины.

Однако показательным в этой ситуации, по нашему убеждению, является то, что либеральное меньшинство специальной губернской комиссии проголосовало принципиально против инициатив реакционных кругов региона. В. Варзар, Н. Константинович, В. Хижняков и В. Савич, осуждая юдофобскую позицию большинства комиссии и полное игнорирование фактов ритуальных убийств на этноконфессиональной почве, обнародовали альтернативные предложения. Репрезентанты оппозиционной аристократической фронды инициировали: 1. восстановление прав сельских общин на открытие и содержание комплекса развлекательных заведений в провинции, тем самым создавая прогрессивную конкуренцию еврейской коммерции; 2. предоставление разрешений на проживание в провинции еврейских ремесленников и промышленников как крайне необходимого и экономически полезного слоя населения; 3. с целью повышения экономического благополучия крестьянства – всестороннее и широкомасштабное внедрение системы дешевого, долгосрочного государственного и муниципального банковского кредитования.

[20] Труды Черниговской комиссии по еврейскому вопросу. Чернигов, 1881. С. 54–56.

[21] Там же. С. 108–111.

В конечном результате личной волей черниговского губернатора указанные инициативы были отклонены как выходящие за рамки полномочий местного самоуправления и прямо затрагивающие общегосударственную прерогативу: особое мнение оппозиционеров не только не было опубликовано, но и даже не было приложено к журналам заседаний комиссии[22].

Реакционные тенденции, получившие воплощение в трудах комиссии, набрали силу и распространились по всему региону. Например, 20 декабря 1883 г., уже в условиях государственного курса на консервативное решение «еврейского вопроса» в стране, Черниговское губернское земское собрание рассмотрело доклад, подготовленный губернской управой по этой проблеме. Поскольку большинство в земских собраниях на севере Левобережной Украины в этот момент было у консервативных сил, то в основу документа были положены предложения Городнянского уездного земского собрания, что в целом соответствовало уже официально определенной позиции верховной власти по отношению к указанному вопросу. Но, к чести либеральных оппозиционеров, даже в этих обстоятельствах они смогли повлиять на принятие окончательных решений органа местного самоуправления. После длительных диспутов, полемики и разнообразных дискуссий подвижническими усилиями членов либеральной партии, путем переговоров и договоренностей с демократически настроенными депутатами, Черниговское губернское земство не смогло принять никакого решения по этому вопросу. Официальная мотивация сводилась к несвоевременности каких-либо окончательных выводов, ибо уже было известно, что в высших эшелонах власти империи разрабатывалось новое законодательство, относящееся к еврейскому населению[23]. Так или иначе, но по большому счету аристократическая оппозиционная фронда сделала все от нее зависящее, чтобы руками демократических сил в институтах местного самоуправления северной Украины не было инициировано, одобрено и принято антисемитское законодательство в Российской империи, что, вне всяких сомнений, ярко свидетельствует о благородстве и гуманной сущности гуманитарной политики представителей либеральной оппозиции.

Несмотря на победу сил реакции, прогрессивные земцы и в дальнейшем проводили комплиментарную, лояльную и солидарную политику по отношению к еврейскому населению края. Так, либералы делали все возможное, чтобы сохранить единицы социальной инфраструктуры еврейской общины региона. Скажем, 9 декабря 1886 г., на заседании Черниговского губернского земского собрания рассматривалось ходатайство реакционеров о закрытии заведения национальной иудейской кулинарии в больнице Черниговского общественного благотворительного приюта. Инициатива консерваторов вызвала удивление демократических сил, поскольку речь шла только о религиозных традициях этнической еврейской кухни.

От оппозиционной фронды по этому вопросу в собрании выступил известный юрист и адвокат, в будущем – член Конституционно-демократической партии, депутат Первой Государственной думы, подписант «Выборгского воззвания» И. Шраг. Он указал, что ни горожане, ни представители медицинской отрасли не могут быть экспертами в сфере иудаизма и принципов кашрута как его неотъемлемой религиозной составляющей, ибо они принадлежат совсем к другой культуре. Еврейская община имеет в больнице приюта забронированное количество мест и регулярно оплачивает в кассу заведения все необходимые взносы с целью обеспечения медицинской помощи, обслуживания, ухода, в том числе – для обеспечения особых специальных кулинарных потребностей представителей этноса. Либерал особо отме-

[22] *Хижняков В.* Воспоминания… С. 112–114.

[23] Журналы Черниговского губернского земского собрания очередной сессии 1883 г. 1883. № 15. С. 69.

тил, что если согласиться с предложениями губернской администрации, консерваторов и закрыть структурное подразделение больницы, то это по сути будет означать, что институты государственной власти и органы местного самоуправления де-факто отказали в медицинской и гуманитарной помощи конкретному, отдельно взятому этноконфессиональному меньшинству, причем исключительно по национальным и религиозным мотивам. Подобный прецедент, без сомнения, станет актом оскорбления еврейского народа, проявлением ксенофобии и «взрывным детонатором», который способен спровоцировать катастрофические общественные эксцессы. Заявления властей о том, что будто бы еврейские общины Черниговской губернии могут получать необходимое продовольствие от еврейских организаций в Киеве, не выдерживают критики, поскольку нет ответа на главный вопрос – кто конкретно и из какого бюджета будет вносить необходимые ресурсы в кассу больницы в виде оплаты за полученные услуги.

Оппозиционер прямо заявил, что благотворительный приют и больница – исключительно земские учреждения, которые финансируются исключительно из бюджета Черниговского губернского земства. Еврейская община, согласно земскому законодательству, получила возможность делегировать в институты местного самоуправления своих полномочных представителей, путем баллотирования, избрания и назначения на выборные должности в этих органах. Соответственно, община систематически и регулярно платила и платит комплекс налогов и сборов в бюджеты учреждений городского и земского управления, с целью их содержания и удовлетворения базовых потребностей. Именно поэтому представители еврейского этноса имеют неоспоримое право на полномасштабное без каких-либо исключений пользование благами, инфраструктурой, услугами и обеспечением земских учреждений края, впрочем, как и другие национальные и религиозные меньшинства региона. Учитывая это, И. Шраг инициировал принципиальное отклонение предложений властей. Речь произвела впечатление на депутатский корпус, и губернское земство постановило: заведение национальной еврейской кулинарии в больнице Черниговского благотворительного приюта не закрывать; ассигновать на ремонтные работы структурного подразделения земской институции 40 рублей[24].

Выводы

В заключении следует отметить, что «еврейская проблема» появилась на повестке дня в деятельности земского либерального движения северной Украины в начале 80-гг. XIX в. В условиях усиления антисемитизма и распространения радикальных эксцессов она заняла одно из ведущих мест в процессе формирования гуманитарной политики оппозиционной аристократической фронды, в частности, ее этноконфессионального сегмента.

В отличии от консервативных и реакционных сил в земских собраниях на севере Левобережной Украины, которые ратовали за разного рода репрессивные варианты решения проблемы, земские либералы предложили качественную альтернативу – решительный отказ от карательных мероприятий, уничтожение гражданского неравноправия еврейского народа в Российской империи, принципиальное изменение государственной экономической политики с целью всестороннего и широкомасштабного реформирования социальных отношений в провинции, поиск оптимальных рычагов для влияния на гармонизацию нравственных и духовных отношений в обществе. По нашему мнению, такая точка зрения либеральных земцев была обусловлена глубокой, взаимной и всеобъемлющей лояльностью друг к другу

[24] Журналы собрания и стенографический отчет Черниговского губернского земского собрания 1886 г. 1886. № 5. С. 110–111.

еврейства и представителей оппозиционной аристократической фронды Северного Левобережья, что можно объяснить подчеркнуто демократическими убеждениями обоих партнеров и исторически сложившимся генезисом их позиций, поскольку и еврейское население, и большинство украинской национальной аристократии до процессов и процедур инкорпорации в Российскую империю жили в системе координат цивилизации Запада, в частности, Речи Посполитой и первого украинского государства – Гетманщины.

Следует отметить и личный интеллектуальный вклад отдельных представителей земской либеральной оппозиции украинского Полесья, в частности, В. Варзара, в формировании целостного видения оппозиционной фрондой «еврейской проблемы» в виде обнародования программной публицистики.

Представители земской либеральной партии приняли активное участие в работе профильной Черниговской губернской комиссии по «еврейскому вопросу». Несмотря на диктат консервативного большинства специального органа, либеральным земцам удалось публично презентовать свою политическую позицию и инициировать альтернативные реакционным демократические, гуманные предложения. Их воплощением стала «Записка об учителях-меламедах» В. Хижнякова, которая призвала уничтожить кастовую герметичность еврейской общины и всесторонне способствовать социальной интеграции еврейского этноса в социум Российской империи, и Левобережной Украины в частности.

Несмотря на избранный российским самодержавием реакционный вариант решения «еврейского вопроса», представители прогрессивной аристократии Севрщины продолжали проведение принципиальной демократической политики по отношению к иудейскому меньшинству края, например, в сфере функционирования благотворительных и медицинских учреждений Черниговской губернии. Земские либералы делали все зависящее от них, чтобы еврейская община чувствовала себя полноценной частью страны и местного самоуправления, которая и финансово, и организационно участвует в управлении регионом. Следует особо подчеркнуть, что члены оппозиционной фронды публично выступали против малейших проявлений дискриминации и ограничения гражданских прав и свобод иудейства, считая эти интенции проявлениями юдофобии и оскорбления еврейского народа.

В целом, реформистский план земской либеральной партии по концептуальному решению «еврейского вопроса» в Российской империи являлся неотъемлемой и органичной составляющей широкой социально-экономической и этнополитической доктрины модернизации государства, которую оппозиционная фронда предъявила абсолютизму Романовых в качестве официальной альтернативы внутриполитическому курсу режима.

Поступила в редакцию / Received: 19.04.2020.

Библиографический список

Абалян А. Проблема статуса еврейского населения России и Германии в конце XIX – начале XX вв. // Политэкс. 2014. Т. 14. № 2. С. 71–84.

Варзар В. Евреи-арендаторы в Черниговской губернии // Отечественные записки. 1878. № 9–10. С. 175–205.

Витенберг М. Власть, общество и еврейский вопрос в России в 80-е годы XIX века: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008. 198 с.

Егоров В. Реформы Александра II в отношении еврейского населения Российской империи // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 147–150.

Котельницкий Н.А. Мировоззрение И.И. Петрункевича: штрихи к политическому портрету // Диалоги со временем. 2019. № 66. С. 405–415.

Котельницкий Н.А. Общественная деятельность И.И. Петрункевича на Черниговщине (1868–1879) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 5–24.

Малахов В. Социально-политическое положение еврейского населения в регионах Российской Империи. 50-е – начало 80-х годов XIX века: дис. … канд. ист. наук. М., 2015. 214 с.

Севостьянов А. На русско-еврейской этнической войне // Вопросы национализма. 2016. № 4. С. 176–221.

Тихонов А. Єврейські погроми 1881 р. в українських губерніях Російської імперії // Український історичний журнал. 2007. № 5. С. 65–74.

Хижняков В. Воспоминания земского деятеля. Петроград: Огни, 1916. 251 с.

Хижняков В. Записка о учителях-меламедах // Труды Черниговской комиссии по еврейскому вопросу. Чернигов: Губернская типография, 1881. С. 54–56.

References

Abalyan, A. “The problem of the status of the Jewish population of Russia and Germany in the late XX – early XX centuries.” *Politeks* 14, no. 2 (2014): 71–84 (in Russian).

Khizhnyakov, V. “Zapiska o uchitelyakh-melamedakh.” In *Trudy Chernigovskoy komissii po yevreyskomu voprosu*, 54–56. Chernigov: Gubernskaya tipografiya Publ., 1881 (in Russian).

Khizhnyakov, V. *Vospominaniya zemskogo deyatelya*. Petrograd: Ogni Publ., 1916 (in Russian).

Kotel'nitskiy, N.A. “Public activity of I.I. Petrunkevich in Chernigov Region (1868–1879).” *RUDN Journal of Russian History*, no. 4 (2010): 5–24 (in Russain).

Kotel'nitskiy, N.A. World view of I. Petrunkevich: details of a political portrait.” *Dialogues Over Time*, no. 66 (2019): 405–415 (in Russian).

Malakhov, V. *Sotsial'no-politicheskoe polozhenie evreiskogo naseleniya v regionakh Rossiiskoy Imperii. 50-e – nachalo 80-kh godov XIX veka.* PhD diss., Russian State University for the Humanities, 2015 (in Russian).

Sevost'yanov, A. “In the Russian-Jewish ethnic war.” *Nationalism Issues*, no. 4 (2016): 176–221 (in Russian).

Tikhonov, A. “Evreys'ki pogromi 1881r. v ukrains'kikh guberniyakh Rosiys'koy imperii.” *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*, no. 5 (2007): 65–74 (in Ukrainian).

Varzar, V. “Yevrei-arendatory v Chernigovskoy gubernii.” *Otechestvennyye zapiski*, no. 9–10 (1878): 175–205 (in Russian).

Vitenberg, M. *Vlast', obshchestvo i evreiskiy vopros v Rossii v 80-e gody XIX veka.* PhD diss., St Petersburg University, 2008 (in Russian).

Yegorov, V. “Reforms of Alexander II regarding the Jewish population of the Russian Empire.” *Vladimir Law Institute Journal*, no. 2 (2011): 147–150 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Котельницкий Назар Анатольевич, кандидат исторических наук, член-корреспондент Центра украинских исследований Института Европы Российской академии наук.

Nazar A. Kotelnitsky, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Corresponding Member of the Center for Ukrainian Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 47–60
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-47-60
Научная статья / Research article

Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в.

А.С. Кравчук
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
295004, Россия, Республика Крым, Симферополь, пр-кт Вернадского, 4,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
295015, Россия, Республика Крым, Симферополь, пер. Учебный, 8,
alexkravchuk7@gmail.com

Аннотация: На основе архивных данных, адрес-календарей и месяцесловов Российской империи впервые рассмотрено участие крымских татар и их численность на статской службе в Таврической губернии в первой половине XIX в. После присоединения Крыма к России правящие круги стремились проводить взвешенную политику по отношению к новым подданным. Стабилизации ситуации в регионе способствовало дарование крымским татарам широких прав. Также началось активное привлечение местной знати на военную и гражданскую службу, что должно было облегчить интеграцию старожильческого населения в общеимперское пространство. Если армейские чины находились на службе в национальных частях среди своих соплеменников, то статские служащие взаимодействовали с бюрократией, большинство представителей которой являлись славянами. Таким образом происходило знакомство крымскотатарского населения с русским языком, культурой и новым правовым полем. Наиболее активным было привлечение местной знати в областные органы управления в царствование Екатерины II. При ее приемниках наблюдался процесс постепенного сокращения доли представителей старожильческого населения в местных органах управления. Автор пришел к выводу, что взаимодействие российских властей с крымскотатарской знатью строилось на взаимовыгодных условиях. Государство получало лояльность местных верхов, что обеспечивало стабильность и возможность коммуникации с рядовым населением. В свою очередь, мурзы и беи, поступив на службу, приобретали звания и чины, что позволяло им поправить имущественное положение и повысить социальный статус. При этом численность крымских татар в органах управления Таврической губернии в рассматриваемый период была невысокой – они служили лишь по выборам от дворянства. Доступ в большинство органов местного управления для них был закрыт, одной из причин этого ограничения являлся низкий уровень образования – многие не знали русского языка и канцелярского порядка. Местная знать отдавала предпочтение службе в воинских формированиях, которая была более престижна и не требовала особой подготовки.

Ключевые слова: Новороссийский край, Таврическая область, Таврида, Крым, административная история, чиновничество

Для цитирования: *Кравчук А.С.* Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 47–60. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-47-60

Crimean Tatars in the Governing Bodies of the Taurida Province in the First Half of the 19th Century

Alexandr S. Kravchuk
V.I. Vernadsky Crimean Federal University Russian Federation,
4, Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007 Russia,
Fevzi Yakubov Crimea Engineering and Pedagogical University,
Uchebny Lane, Simferopol, 295015 Russia,
alexkravchuk7@gmail.com

Abstract: The author identifies the amount of Crimean Tatars who served as officials in Taurida Governorate in the first half of the 20th century. The article is based on archival data, address-calendars and mesyatseslovs of the Russian Empire. Russian politics in the region after the Crimean annexation was

© Кравчук А.С., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

characterized by an active interaction with the local population. The imperial authorities gave the Crimean Tatars broad rights and involved them in civil and military service. Tatar murzas and beys who entered service closely interacted with Russian officials and thus got acquainted with the Russian language and culture as well as with the new legal system. While the largest number of Crimean Tatars were in service during the reign of Catherine II, their number began to decline under her successors. The author argues that the Russian authorities' interaction with the Crimean Tatar nobility was based on mutually beneficial conditions. The state received the loyalty of local leaders, which provided stability and allowed for communication with the ordinary population. In turn, the murzas and beys received titles and ranks, which allowed them to increase their property and keep their social status. However, the number of Crimean Tatars in local government functions during the first half of the 19th century was low. They served in the governing bodies only by election from the nobility. This was a result of central policy but also of the low level of training among Tatar officials. Many of them were not familiar with legal procedures laws and could not read and write in Russian. Consequently, they preferred service in military formations, which was more prestigious and did not require special training.

Keywords: Novorossiya region, Crimea, Taurida, Taurida Governorate, Taurida Oblast, Crimean Tatars, administrative history, bureaucracy

For citation: Kravchuk, Alexandr S. "Crimean Tatars in the Governing Bodies of the Taurida Province in the First Half of the 19th Century." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 47–60 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-47-60

Введение

Включение земель Крымского ханства в состав Российской империи породило комплекс проблем, связанных с освоением новых территорий. Традиционно для Российской империи на присоединенных землях ключевыми приоритетами являлись обеспечение политической стабильности, военной безопасности и лояльности новых подданных. В условиях перманентных войн с Османской империей российское правительство вынуждено было добиваться расположения оставшегося на полуострове крымскотатарского населения и заручиться поддержкой местной знати. С этой целью уже в 80-е гг. XVIII в. представители знатных крымскотатарских родов начали привлекаться в местные органы управления. 7 ноября 1783 г. из крымскотатарской знати было организовано Крымское правительство, которое возглавил сначала Антон Богданович де Бальмен, а затем Осип Андреевич Игельстром[1]. Вскоре оно было несколько переформатировано: 11 июня 1784 г. для управления регионом сформировали Таврическое областное правление во главе с Василием Васильевичем Каховским[2]. Привлечение местной знати к управлению краем было взаимовыгодно – представители лояльной верхушки крымскотатарского общества стали получать чины и должности, позволяющие в условиях царящего тогда на полуострове беззакония поправить имущественное положение, а российская администрация создавала аппарат управления, преодолевая языковой барьер и ослабляя влияние османов. Курс на тесное взаимодействие с местными элитами был традиционен для политики Российской империи, проводимой на присоединенных территориях[3].

Впервые вопросы, связанные со службой крымских татар по гражданскому и военному ведомствам, были подняты на рубеже XIX–XX вв. видным крымскотатарским общественным деятелем и просветителем И.И. Муфтийзаде[4], а также военным историком Г.С. Габаевым[5]. И.И. Муфтийзаде обратился к истории создания национальных конных воинских формирований, а также раскрыл отдельные сюжеты участия старожильческого населения в органах управления Таврической обла-

[1] *Прохоров Д.А.* Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–124.

[2] *Прохоров Д.А.* Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 215–216.

[3] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 65.

[4] *Муфтийзаде И.И.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 30. С. 1–25.

[5] *Габаев Г.С.* Крымские татары под русскими знаменами. Краткая историческая справка // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137.

сти. В дальнейшем исследователи неоднократно обращались к истории крымскотатарских воинских формирований. Среди ряда современных работ в этом русле выделим труды М.В. Масаева[6] и А.В. Саковича[7].

Существенный вклад в исследование проблем, связанных с приобретением крымскотатарской знатью дворянского статуса, а также в восстановление родословных наиболее видных семей сделала украинский ученый О.С. Маврина[8]. Ее труды позволяют реконструировать отдельные сюжеты, связанные с гражданской службой представителей этих родов. Некоторые сведения, касающиеся службы крымских татар, нашли отражение в работах А.В. Макидонова[9]. Анализ участия крымского старожильческого населения в органах управления Таврической области в последней четверти XVIII в. провел Д.А. Прохоров[10]. При этом сюжеты, связанные со службой крымских татар по гражданскому ведомству в первой половине XIX в., ранее не рассматривались. Отметим, что с точки зрения изучения исторического процесса оценка основных принципов взаимодействия российской администрации с крымскотатарским населением в первой половине XIX в. является крайне важной. На смену импульсивным и часто вынужденным решениям, принимаемым в первые десятилетия российского господства в Крыму, пришла продуманная политика, предопределившая на длительное время ключевые принципы взаимоотношений Российской империи с крымскотатарским населением. Актуальность данной работы усиливается и тем, что на современном этапе развития отечественной исторической науки требуется переосмысление прошлого российской бюрократии[11]. Это станет возможным лишь в случае изучения региональной специфики, которая позволит рассмотреть чиновничество во всем его многообразии.

Статья подготовлена на основе традиционных методов исторического исследования. Ее целью является восстановление основных аспектов участия крымских татар в органах управления Таврической губернии. Помимо этого важным видится изучение и реконструкция трансформации политики центра в этой сфере в Тавриде в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.

Адрес-календари как источник по истории статской службы крымских татар

Основным источником, позволяющим восстановить штаты служащих Таврической губернии, являются адрес-календари и месяцесловы Российской империи. Впервые адрес-календарь был издан Академией наук в 1765 г. и с тех пор несколько раз менял свое название и трансформировался[12]. Это издание являлось одним из важнейших печатных трудов по учету чиновничества Российской империи[13]. В ходе

[6] *Масаев М.В.* Крымские татары в вооруженных силах России (конец XVIII – начало XX вв.). Харьков, 2003.

[7] *Сакович А.В.* Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016.

[8] *Маврина О.С.* Сторінки із сімейної історії мурз Ширінських у XIX ст. // Сходознавство. 2009. № 48. С. 109–128; *Маврина О.С.* Дело рода Сиджеут в фонде Таврического дворянского депутатского собрания // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. № 18. С. 444–455; *Маврина О.С.* Бейський рід Аргін на шляху до дворянства (XIX ст.) // Східний світ. 2014. № 2. С. 23–32.

[9] *Макидонов А.В.* К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008; *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011.

[10] *Прохоров Д.А.* Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017. С. 95–108.

[11] *Плех О.А.* Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 268–269.

[12] Справочники по истории дореволюционной России: библиографический указатель. М., 1978. С. 153.

[13] *Раздорский А.И.* Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи: Библиографический указатель. СПб., 1999. С. 8–9.

исследования нами были проанализированы адрес-календари и месяцесловы за период с 1802 г. (создание Таврической губернии) по 1854 г. (начало военных действий в Крыму в ходе Восточной (Крымской) войны). Выбор верхней границы исследования обусловлен тем, что военные действия, начавшиеся в Крыму, не только повлияли на работу местных органов управления, но и привели к восстанию части крымскотатарского населения против российской администрации. Последовавшая за этим массовая эмиграция старожильческого населения за пределы Российской империи также повлияла на принципы взаимодействия центральных властей с местным населением. Кроме того, с целью понимания динамики изменений по сравнению с екатерининскими временами нами были проанализированы данные за 1795 г. Архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 1349 – Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)) и Государственного архива Республики Крым использовались в качестве дополнения к данным из адрес-календарей. Сохранность документов в архивах не позволяет провести сквозной анализ и проследить имеющие место на протяжении всего рассматриваемого периода перемены. Особенно неполные сведения – за первые десятилетия XIX в.

В ходе исследования возник ряд сложностей, традиционных для работ подобного рода. Во-первых, адрес-календари содержат сведения только о кадровом составе высшего чиновничества губернского и уездного уровней – в них не фиксировались переводчики, письмоводители и другие многочисленные канцелярские служащие[14]. При этом согласно указу о разделе Новороссийской губернии переводчики полагались при Таврическом губернском правительстве и суде, а также в уездных присутственных местах[15]. В Крыму эти должности в губернских и уездных органах управления часто занимали крымские татары. Во-вторых, массово встречаются разночтения при написании имен и фамилий крымских татар, нередко фамилии вовсе отсутствуют. Данный факт особенно характерен для начала XIX в., уже в 1830–1840-е гг. под воздействием российской правовой традиции фамилии появились у всех чиновников татарского происхождения.

В рассматриваемый период времени было выявлено 74 крымских татарина, находившихся на гражданской службе в органах управления Таврической губернии. В большинстве случаев они занимали выборные посты: депутатов губернского собрания, заседателей совестного суда Таврической губернии, заседателей и исправников земских судов, уездных предводителей дворянства. Нами был обнаружен лишь один чиновник, служивший на не выборной должности. Это – Джелял Шах-мурза Кумников, который в 1853 г. состоял частным приставом Керчь-Еникальского градоначальства (должность, предшествующая полицмейстерской)[16].

Крымские татары в органах управления Таврической области по данным адрес-календарей

Массовое привлечение крымских татар в органы управления Таврической области началось сразу после вхождения полуострова в состав Российской империи. В последующие годы, при приемниках Екатерины II, произошел отказ от заданного первоначального вектора. Для понимания этого процесса рассмотрим состав служащих Таврической области в 1795 г. Данный год выбран нами не случай-

[14] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 15–16; *Шилов Д.Н.* Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX века): краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 91.

[15] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ): Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. С. 290.

[16] Адрес-календарь... С. 154–158.

но. Открытие присутственных мест в регионе состоялось в 1787 г.[17], при этом структурные изменения органов управления и замещение вакантных должностей продолжалось вплоть до 1793 г. К 1795 г. штаты служащих, в целом, были укомплектованы чиновниками. В областных органах управления на службе в этот год находилось двенадцать крымских татар, еще 26 служили в уездах[18]. Представители старожильческого населения не входили в высший орган власти в регионе – Правление Таврической области[19], состоявшее из четырех человек во главе с правителем генерал-майором Семеном Семеновичем Жегулиным.

В Палате уголовного суда, состоявшей из председателя, трех советников и секретаря, одним из советников служил Мегметша Ширинский. Идентичной была структура Палаты гражданского суда, где советником трудился премьер-майор Велиша-мурза. В Палате казенных дел из 15 чиновников двое были крымскими татарами – надворный советник Мегметша Аргинский и коллежский асессор Хамитага. Не было представителей старожильческого населения среди служащих прокуратуры, областного магистрата и верхней земской расправы[20]. Последние два учреждения являлись сословными судебными инстанциями – первое ведало рассмотрением апелляций уголовных и гражданских дел купцов и мещан, среди которых почти не было крымских татар, второе – апелляциями по делам государственных крестьян, однодворцев и казаков. Не служили крымские татары в карантинах и портовых таможнях[21].

Совестный суд Таврической области в 1795 г. функционировал под председательством статского советника Мегмет-аги, одним из двух заседателей являлся Кемаль-бей[22]. В двух департаментах Верхнего земского суда под председательством русских чиновников из десяти заседателей шестеро были крымскими татарами[23]. В областном магистрате и верхней расправе крымских татар не было. При областном правлении также находился и предводитель дворянства, которым в это время являлся статский советник Мегметша-бей Ширинский.

На уездном уровне крымские татары составляли более половины от числа служащих. Так, в Симферопольском уезде из тринадцати чиновников семеро были крымскими татарами, в Феодосийском – шесть из тринадцати, Евпаторийском – семь из двенадцати, Перекопском – шесть из десяти[24]. В уездах они служили преимущественно в дворянских опеках и уездных судах. Сохранение такого баланса было крайне важным в данный период, так как по отношению к местному населению продолжалось использование норм шариата по соглашению судящихся сторон. В отличии от крымскотатарской знати русские чиновники не знали традиций местного права, следовательно, данное обстоятельство воспринималось рядовыми обывателями положительно.

В последней четверти XVIII в. на службу набирали представителей наиболее видных местных знатных родов, проявивших лояльность российской короне и принимавших участие в присоединении Крыма к России. Отличительной особенностью данного периода было широкое награждение чинами и званиями поступивших на статскую службу. Они раздавались вне зависимости от выслуги лет, исключительно за личные заслуги, по инициативе Г.А. Потемкина-Таврического и самой

[17] Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
[18] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 390.
[19] ГАРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 6. Л. 21–197.
[20] Там же.
[21] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 394.
[22] Там же. С. 390–394.
[23] Там же. С. 391.
[24] Там же. С. 394.

Екатерины II. Таким образом, татарская знать получала официальное признание своих сословных прав, денежное вознаграждение за службу и широкие негласные возможности поправить финансовое положение за счет присвоение земель и имущества покинувших пределы Крыма соплеменников. Видя очевидные выгоды, беи и мурзы охотно шли на сближение с новыми властями. В свою очередь, российское правительство получало не только новых сторонников, но и посредников между администрацией Таврической области и крымскотатарским населением.

Крымские татары на статской службе в Таврической губернии

На протяжении первой половины XIX в. необходимость привлечения крымских татар в губернские органы управления неизменно снижалась. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, влияние Османской империи уже не было столь сильным, а наиболее активные ее сторонники к этому времени покинули приделы полуострова. Во-вторых, осталось в живых не так много деятельных участников событий, связанных с присоединением Крыма к Российской империи, которых, по мнению местной и центральной администрации, стоило в знак признательности привлечь к управлению краем и обеспечить жалованием. В-третьих, постепенно стабилизировалась ситуация в экономической жизни, началось хозяйственное освоение края, что положительно влияло на общее положение местного населения. В-четвертых, началась колонизация региона, следствием которой было постепенное сокращение доли крымских татар в общей численности населения полуострова.

Изменение ситуации в крае и вектора проводимой политики нашло отражение в указе Александра I о создании Таврической губернии от 8 октября 1802 г. Административная единица формально организовывалась на «особых условиях», при этом ее устройство мало чем отличалось от штатных губерний. Представителям старожильческого населения в переформатированных органах местного управления отводилось участие лишь в выборных судебных органах и дворянском собрании[25]. При земских исправниках полагалось четыре заседателя (в штатных губерниях их было двое) «определяемых на общих правилах по выбору от дворянства»[26]. В связи с незнанием крымскими татарами русского языка в каждом земском суде два заседателя должны были быть из русских дворян: «если же на первый случай окажется в оных недостаток, то губернское правительство имеет право определять на оные места от себя достойных людей»[27]. В реальности количество заседателей в земском суде редко достигало предписанной законом численности, часто их было два–три. Секретари, которые были из христиан, негласно выполняли функции надзора. Создание же уездных судов откладывалось на неопределенное время в связи с ожиданием прибытия значительного числа иностранных колонистов.

Таким образом, общее количество должностей по гражданскому ведомству, занимаемых крымскими татарами, в ретроспективе по десятилетиям распределились следующим образом: 1802–1809 гг. – 79 постов; 1810–1819 гг. – 120 постов; 1820–1829 гг. – 78 постов; 1830–1839 гг. – 14 постов; 1840–1849 гг. – 20 постов; 1850–1854 гг. – 19 постов. При этом пик численности представителей старожильческого населения на гражданской службе Российской империи приходился на 1819 и 1820 гг. – по 17 чел., в 1804 г. – 16 и в 1805 – 15 чел. В результате реформы Александра I в 1804 г. в отличие от 1795 г. присутствие крымских татар в органах управления губернского уровня сохранилось лишь в дворянском собрании – трое из семи депутатов[28]. Остальные тринадцать человек состояли на службе в уездах. Всего

[25] ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 539. Л. 48–54.
[26] ПСЗРИ–I. Т. 16. С. 290.
[27] Там же.
[28] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 262–267.

в 1804 г. в крымских уездах Таврической губернии, не считая канцелярских служащих, на службе находилось 37 чел.[29] При этом 1804 г. нельзя считать показательным, так как губернские штаты были приведены в соответствии с буквой закона лишь при участии второго таврического гражданского губернатора Д.Б. Мертваго, руководившего краем с 1803–1807 гг.[30]

В этой связи рассмотрим кадровый состав центральных и уездных органов власти в 1807 г. Согласно данным адрес-календаря за этот год, на службе находилось двенадцать крымских татар[31]. Представители старожильческого населения отсутствовали в гражданском и уголовном судах. В совестном суде под председательством капитана Е.П. Сарандинаки одним из двух заседателей был Азамат-мурза Аргинский[32]. В дворянском правлении из шести депутатов двое были крымскими татарами – коллежский асессор Муртаза Челеби и титулярный советник Бахтиша-мурза Ширинский[33]. Остальные девять человек служили в уездах. Предводителем дворянства Симферопольского уезда был Каябей Балатуков – будущий герой Отечественной войны 1812 г.[34] В Симферопольском земском суде половина заседателей были крымскими татарами – Ахмет-мурза и Абдураим Челеби. Предводителем перекопского дворянства являлся титулярный советник Менглиша-мурза, заседателем земского суда – Сейт-Осман Муртаза. Заседателями земского суда в Евпаторийском уезде трудились Амет-мурза Мансурский и Арсланша-мурза. В Феодосийском земском суде служили заседателями губернские секретари Менгли Герей-мурза Ширинский (впоследствии есаул Перекопского конно-татарского полка) и Мегметча-мурза Ширинский (впоследствии есаул Феодосийского конно-татарского полка)[35].

Как уже отмечалось, максимальное количество крымских татар, находившихся на службе по гражданскому ведомству в первой половине XIX в., зафиксировано в 1819–1820 гг. Так, в 1819 г. в совестном суде одним из двух заседателей был хорунжий Мегмет-бей Текятов[36]. Предводителями дворянства во всех крымских уездах были представители старожильческого населения: Смаил-бей Балатуков (Симферопольский уезд)[37], коллежский регистратор Мемет-мурза Вейрат-Крымтаев (Перекопский уезд), подполковник Адиль-бей Балатуков (Евпаторийский уезд), капитан Али-мурза Ширин (Феодосийский уезд)[38]. Исправниками в земских судах служили: в симферопольском – есаул Булат-бей Балатуков; перекопском – есаул Селямет-бей Хункалов; евпаторийском – поручик Батыр-бей Балатуков[39]. Заседателями в земских судах трудились: симферопольском – Меметча-мурза Булгак и коллежский регистратор Джелял-мурза Кипчак; перекопском – есаул Ак-мурза Бочала и хорунжий Адий-ага; евпаторийском – сотники Адильша-мурза, Темирша-мурза и Эрмашбет-ага; феодосийском – Тогай-мурза Аргин и Сеитча-мурза Ширин[40]. Таким образом, на рубеже двух десятилетий крымские татары занимали большинство выборных должностей в уездах, что в условиях преобладания татарского дворянства в Таврической губернии было вполне логично.

[29] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 3–87.

[30] *Непомнящий А.А., Кравчук А.С.* На службе Государю: высшая администрация Таврической губернии первой половины XIX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2018. Т. 47. № 1. С. 98–99.

[31] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 237–242.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 492. Л. 74–79.

[35] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 237–242.

[36] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 219 (1819). Л. 3–8.

[37] ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 492. Л. 100–101.

[38] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 250–259.

[39] Там же.

[40] Там же.

Сокращение численности представителей старожильческого населения в органах управления Таврической губернии началось в середине 20-х гг. XIX в. Это явление совпадает по времени с воцарением Николая I и началом генерал-губернаторства М.С. Воронцова в Новороссийском крае, которого современники считали покровителем крымских татар. Процесс шел на фоне интенсивной колонизации края, начавшейся в это же время. Активное приобретение российским дворянством земель в Крыму давало им право участвовать в дворянских выборах и вело к постепенному выравниванию соотношения христиан и мусульман в выборных органах власти. При этом на полуострове крымские татары к середине XIX в. составляли абсолютное большинство населения – до 75 %[41]. Сложившийся дисбаланс, безусловно, оказывал негативное влияние на понимание местной администрацией интересов крымскотатарского населения. Прямо повлияло на уменьшение числа представителей старожильческого населения в органах управления Таврической губернии утверждение Николаем I в 1837 г. «Положения о земской полиции». Согласно данному законопроекту в два раза сокращалось число заседателей земских судов, избираемых дворянством[42]. Эти должности в Крыму часто занимали мурзы и беи.

Уровень подготовки чиновников крымскотатарского происхождения был невысоким. В первую очередь, это выражалось в степени образованности поступавших на службу. Вплоть до 1827 г. в Крыму не существовало учебных заведений, созданных государством для старожильческого населения, а в Симферопольской мужской казенной гимназии они не обучались. Следовательно, образование поступавшей на службу знати ограничивалось домашним обучением или обучением при мечетях. Многие из них не могли объясняться по-русски, а уж тем более писать, что, безусловно, создавало существенные трудности.

В 1827 г. при Симферопольской гимназии было открыто татарское училищное отделение на 20 мест, просуществовавшее до Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. За это время полный курс отделения сумели окончить только 25 чел.[43] Учеба была сложной, не было специальных пособий, помимо усердия необходимы были средства на проживание в губернском центре и решение бытовых проблем. Позволить себе это могли лишь представители знати. Ненамного популярнее были открытые по инициативе Министерства государственных имуществ в 40-х гг. XIX в. волостные училища. Их целью была подготовка к работе волостными и сельскими писарями, помощниками фельдшеров и землемеров. Знать предпочитала поступать на военную службу, где для них был «более легкий способ получения чинов и званий»[44]. К тому же военная служба была куда престижней и привычней для местной аристократии.

Проблема образованности крымских татар беспокоила и военное командование, при участии которого в это же время предпринимались попытки привлечь к обучению за счет казны детей крымскотатарской знати в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а также в кадетских корпусах. По всей видимости предпринимаемые усилия особого успеха не имели. Об этом может свидетельствовать императорский указ от 23 июля 1842 г., согласно которому крымских татар, которые не окончили Кадетский корпус и не получили необходимые для выпускников знания, следовало принимать на службу не в лейб-гвардии Крымско-

[41] *Кравчук А.С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь, 2019. С. 196–197.

[42] ПСЗРИ–II. Т. 12: 1837: Ч. 1. С. 484–515.

[43] *Абибуллаева Д.И.* Из истории народного образования крымских татар в XIX в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 142–144.

[44] *Ханацкий К.В.* Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1876. С. 159–160.

татарский эскадрон, а в казачьи полки «с прикомандированием их к Крымскотатарскому эскадрону. В гвардию зачислять по выслуге трех лет»[45]. Но и эта мера никак не повлияла на сложившуюся ситуацию. По данным А.В. Саковича, никто из мурз до 1867 г. полный курс училищного обучения пройти так и не смог[46].

Поступавшие на гражданскую службу крымские татары были тесно связаны с национальными воинскими формированиями. Традиционно для Российской империи кадры аппарата государственного управления черпались в армии. В Крыму это взаимодействие было очень близким. Немногочисленность местной знати позволяла ей без особого труда найти место на службе. В ходе исследования нами были выявлены по меньшей мере 32 чиновника (40,5 % от общего числа бюрократов), которые в разное время служили в армии. Среди них выделяются две основные группы. К первой можно отнести тех, кто принимал активное участие в присоединении Крыма к Российской империи и получил военные чины в ходе Русско-турецких кампаний конца XVIII в., а также проходил службу в Таврических татарских дивизионах (Бешлие войско) в 1784–1796 гг. Ко второй группе относятся участники Отечественной войны 1812 года, те, кто служил в крымскотатарских конных полках (1807–1817 гг.) и позже в Крымскотатарском эскадроне (1827–1863).

В первой группе выделяются: исправник Феодосийского нижнего земского суда (1804–1805 гг.; 1811–1813 гг.) Касим-мурза Аргинский (в прошлом адъютант Г.А. Потемкина-Таврического); предводитель дворян Евпаторийского уезда (1804) Мердемша-мурза Мансурский (майор); заседатель Акмечетского нижнего земского суда (1802), заседатель Феодосийского земского суда (1807) Мегметча-мурза Ширинский (подпоручик Таврического конного дивизиона, титулярный советник Ногайского казачьего войска, есаул Феодосийского конно-татарского полка).

Вторая группа более многочислена. Это связано с тем, что большинство представителей российской знати вместе с другими сословиями встали на защиту отечества в войне с Наполеоном. В Крыму было сформировано четыре крымскотатарских конных полка, два из которых – Симферопольский и Перекопский принимали активное участие в боевых действиях. Во второй группе выделяются: комиссар Акмечетского нижнего земского суда Новороссийской губернии (1802 г.) Абдулла-ага Мамакский (впоследствии капитан, командир Евпаторийского конно-татарского полка (1808–1810)); предводитель дворян Евпаторийского уезда (1815–1825) Адиль-бей Балатуков (до поступления на гражданскую службу полковник Симферопольского конно-татарского полка); исправник Симферопольского земского суда (1819–1821) Булат-бей Балатуков (до поступления на статскую службу есаул Симферопольского конно-татарского полка); исправник Евпаторийского нижнего земского суда (1804–1805), предводитель дворян Симферопольского уезда (1806–1807) Кая-бей Балатуков (впоследствии генерал-майор, командир Симферопольского конно-татарского полка); исправник Перекопского земского суда (1822–1826) Максют-бей Биарсланов (до поступления на гражданскую службу есаул Симферопольского конно-татарского полка); заседатель Перекопского земского суда (1819–1820) Ак-мурза Бочала (до поступления на статскую службу есаул Перекопского конно-татарского полка); заседатель Симферопольского нижнего земского суда Амет-мурза Джаамин (впоследствии есаул и командир Евпаторийского конно-татарского полка); заседатель Евпаторийского земского суда (1815–1818) Садык-ага Кунтуганский (до поступления на гражданскую службу есаул конно-татарского Евпаторийского полка); заседатель Феодосийского земского суда (1837–1847) Сеитча Ягья Сеит-Аметов (до поступления на статскую службу есаул Феодосийского конно-татарского полка); исправник

[45] ПСЗРИ-2. Т. 17: 1842. Ч. 1. С. 787.

[46] *Сакович А.В.* Крымские татары на военной… С. 110.

Перекопского нижнего земского суда (1804–1805) Ахмет-бей Пармамбетов Хункалов (впоследствии майор, командир Перекопского конно-татарского полка); исправник Перекопского земского суда (1819–1821) Селямет-бей Хункалов (до поступления на гражданскую службу есаул конно-татарского Перекопского полка); предводитель дворян Феодосийского уезда (1819–1822; 1827–1831) Али-мурза Ширинский (гвардии полковник крымско-татарского эскадрона).

Проведенный анализ показал, что ведущие роли среди крымскотатарской знати как на статской, так и на военной службе играли одни и те же люди. Это может свидетельствовать о том, что, с одной стороны, наибольшим влиянием в местном обществе пользовался ограниченный круг семей. С другой, российские власти в своей деятельности опирались именно на них, оказывая всевозможную поддержку.

Об уровне подготовки и квалификации государственных служащих также может свидетельствовать наличие чинов, полученных по гражданскому ведомству. В рассматриваемый период наивысшим чином, до которого удалось дослужиться представителям крымскотатарского народа, являлся коллежский асессор (VIII чин по «Табели о рангах», дававший право на потомственное дворянство). Таких было трое: Муртаза Челеби, Али-мурза Ширинский (впоследствии перешел на военную службу и дослужился до гвардии полковника) и Сеитча-мурза Ширинский. Последнему чин был пожалован по воле Екатерины II. До титулярного советника (IX чин по «Табели о рангах») дослужилось семь человек: Касим-мурза Аргинский, Али-мурза Канчинский, Арслан-бек-мурза Кипчатский, Менглиша-мурза Улан, Джантемир-мурза Салманши, Сект-мурза Сарабузский, Бахшиша-мурза Ширинский. Один имел чин коллежского секретаря (X чин по «Табели о рангах»), еще восемь – коллежского регистратора (XIV чин по «Табели о рангах»). Таким образом, чины имели всего лишь 19 чел., из которых восемь – низший гражданский чин коллежского регистратора. Это достаточно низкий показатель, который свидетельствует о невысокой престижности гражданской службы в крымскотатарской среде и нежелании делать карьеру на статской службе. Отметим, что представители крымскотатарской знати, в течение всего XIX в. пытаясь доказать свое право быть причисленными к дворянскому сословию и не имея подтверждающих документов ханских времен, активно апеллировали к успехам своих предков на российской статской и военной службе.

О достижениях чиновников также может свидетельствовать их награждение. Адрес-календари не содержат сведений о причинах поощрения. В период службы по гражданскому ведомству награды имели семь человек. По одному представителю крымскотатарской знати были награждены Орденами Св. Анны II ст., Св. Анны IV ст., Св. Владимира III ст., а также Золотой медалью на Владимировской ленте. Двое были награждены Орденом Св. Анны III ст. Адиль-бей Балатуков являлся кавалером Орденов Св. Владимира IV ст. и Св. Анны IV ст.[47] При этом абсолютное большинство знаков отличия были получены на военной службе или за участие в формировании национальных воинских подразделений. Факты поощрения за успехи на статской службе в рассматриваемый период нами не были выявлены, в том числе в архивных материалах.

Что касается времени нахождения на гражданской службе, то некоторые из представителей старожильческого населения Крыма достаточно долго занимали свои посты. Это свидетельствует как о доверии к ним со стороны центральной и местной администрации, так и о том, что, в целом, они справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, например, Азамат-мурза Аргинский являлся заседателем Совестного суда Таврической губернии двенадцать лет (1807–1818); по одиннадцать лет отслужили Адиль-бей и Самил-бей Балатуковы и Адильша-мурза Карагутский.

[47] ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 492. Л. 82–89.

Первый был предводителем дворян Евпаторийского уезда (1815–1825)[48], второй возглавлял дворянство Симферопольского уезда (1810–1820)[49], третий был заседателем Евпаторийского уездного суда (1819–1829)[50]. Титулярный советник Арслан-бек-мурза Кипчатский занимал пост заседателя Совестного суда Таврической губернии десять лет (1836–1845)[51]; Амет-мурза Мансурский находился на службе тринадцать лет, занимал посты заседателя Перекопского уездного нижнего земского суда (1802–1803) и заседателя Евпаторийского земского суда (1804–1814)[52]. Титулярный советник Менглиша-мурза Улан двенадцать лет служил предводителем дворян Перекопского уезда (1807–1818)[53]; коллежский регистратор Сеитча Ягъя Сеит-Аметов одиннадцать лет занимал пост заседателя Феодосийского земского суда (1837–1847)[54]. В среднем представители крымскотатарской знати находились на службе более 4,3 года.

Некоторые из крымскотатарских чиновников за время службы занимали две-три различные должности. В одних случаях это происходило ввиду административных преобразований, в других – в связи со сменой места жительства, в-третьих – со сменой должности. На двух разных должностях успели послужить семь чиновников. На трех должностях – двое: Мемет-мурза Вейрат Крымтаев (исправника Перекопского земского суда, предводителя дворян Перекопского, а затем Симферопольского уездов) и Меджит Челеби (заседателя Симферопольского земского суда, заседателя Евпаторийского земского суда и исправника Евпаторийского земского суда).

Выводы

Присоединение территории Крымского ханства к Российской империи для местного населения означало не просто «смену господина»[55], а нарушало прежние традиционные устои общества, что было одной из причин нестабильности в регионе. С данным фактором вынуждена была считаться царская администрация эпохи Екатерины II при выработке политики по отношению к местному населению. В этой связи было налажено тесное сотрудничество между лояльной местной знатью и центральными властями. Для поощрения этого взаимодействия крымскотатарская знать активно включалась в областные органы управления, получая за это чины и жалование, что позволяло ей утвердить свое сословное и имущественное положение в новых реалиях.

В годы царствования Александра I и Николая I произошла трансформация первоначально заданного курса, изменился общий вектор внутренней политики во всей империи. В Тавриде было усилено военное присутствие, активно развивался Черноморский флот, ослаб османский фактор, медленно происходил рост немусульманского населения за счет переселения колонистов. Существовали также не зависящие от царских властей причины сокращения численности крымских татар в органах местного управления. Представители местной знати не спешили учить русский язык и знакомиться с правовой культурой государства. Это затрудняло их участие в управлении краем, вынуждало вводить дополнительные должности переводчиков, что лишь усиливало кадровый голод в Таврической губернии. При этом в течение первой четверти XIX в. появилась немногочисленная прослойка чиновни-

[48] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 207–216.
[49] Там же. С. 254–264.
[50] Там же. С. 232–244.
[51] Адрес-календарь… С. 189–192.
[52] Месяцеслов с росписью чиновных особ… С. 245–254.
[53] Там же. С. 250–259.
[54] Адрес-календарь… С. 177–180.
[55] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 80.

ков-христиан, знающих крымскотатарский или турецкий языки и способных изъясняться с местным населением. К тому же многочисленные следственные комиссии по урегулированию земельных споров в Крыму, существовавшие в первой половине XIX в., выявили не только злоупотребления местных государственных служащих, но и активное участие в этих процессах крымскотатарской знати. Последняя часто действовала в собственных интересах, ущемляя рядовое крымскотатарское население[56]. Данный факт пошатнул доверие центральных властей к беям и мурзам, на которых негласно возлагалась посредническая функция между местными органами управления и рядовыми обывателями Таврической губернии.

Проведенное исследование позволило опровергнуть широко распространенный в отечественной историографии, выдвинутый в конце XIX в. И.И. Муфтийзаде тезис о том, что «большинство выборных мест по Крыму было занято молодыми крымскотатарскими мурзами с чинами вплоть до 1840 года»[57]. Как показало наше исследование, данное утверждение не соответствовало действительности, а численность чиновников крымскотатарского происхождения начала снижаться еще в середине первой половины XIX в.

Важным фактором, влияющим на численность крымских татар в органах местного управления, была служба представителей мурзинских и бейских родов в национальных воинских подразделениях. Военная карьера считалась престижнее и сулила куда большие выгоды, не требовала специальной подготовки. Центральные власти поощряли участие крымских татар в этих формированиях, не столько из-за с их боевых качеств, сколько из-за возможности вывеси с полуострова наиболее активные слои населения, способные поднять мятеж. К тому же, находясь на службе, крымские татары так или иначе оказывались в российской культурной среде, некоторые учились говорить и писать по-русски. Тем не менее в условиях повсеместного доминирования крымскотатарского населения на территории полуострова их участие в деятельности местных органов управления представляется явно недостаточным, что приводило к непониманию настроений и желаний местного населения. Крайним проявлением данной проблемы стало участие крымских татар в восстаниях против администрации Таврической губернии в годы Восточной (Крымской войны) 1853–1856 гг. Данные события стали полной неожиданностью для местной администрации во главе с губернатором В.И. Пестелем[58].

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2020.

Библиографический список

Абибуллаева Д.И. Из истории народного образования крымских татар в XIX в. // Культура народов Причерноморья. 1998. № 3. С. 140–149.

Габаев Г.С. Крымские татары под русскими знаменами. Краткая историческая справка // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: с картами и планами. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1900. 438 с.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

[56] *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 24. С. 35–71; *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: окончание // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 25. С. 29–88; ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 52–52 об.

[57] *Муфтийзаде И.И.* Очерк военной службы… С. 6.

[58] *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя: с картами и планами. СПб., 1900. С. 292.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция-Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
Кравчук А.С. Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 244 с.
Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. № 23. С. 71–117.
Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 24. С. 35–71.
Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: окончание // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 25. С. 29–88.
Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). 3-е изд., испр. и доп. Запорожье: Просвіта, 2008. 140 с.
Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011. 336 с.
Маврина О.С. Сторінки із сімейної історії мурз Ширінських у XIX ст. // Сходознавство. 2009. № 48. С. 109–128.
Маврина О.С. Дело рода Сиджеут в фонде Таврического дворянского депутатского собрания // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. № 18. С. 444–455.
Маврина О.С. Бейський рід Аргін на шляху до дворянства (XIX ст.) // Східний світ. 2014. № 2. С. 23–32.
Масаев М.В. Крымские татары в вооруженных силах России (конец XVIII–начало XX вв). Харьков: Харьковский государственный университет, 2003. 26 с.
Муфтийзаде И.И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 30. С. 1–25.
Непомнящий А.А., Кравчук А.С. На службе Государю: высшая администрация Таврической губернии первой половины XIX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2018. Т. 47. № 1. С. 97–106. DOI: 10.13187/bg.2018.1.97.
Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 258–272. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi33
Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века // Культура народов Причерноморья. 1998. № 4. С. 123–138.
Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 213–225.
Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783 –1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 95–108.
Сакович А.В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 316 с.
Шилов Д.Н. Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX века): краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 90–95.

References

Abibullayeva, D. I. “Iz istorii narodnogo obrazovaniya krymskikh tatar v XIX v.” *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, no. 3 (1998): 140–149 (in Russian).
Gabayev, G. S. “Krymskiye tatary pod russkimi znamenami. Kratkaya istoricheskaya spravka.” *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voyenno-istoricheskogo obshchestva*, no. 3 (1913): 131–137 (in Russian).
Dubrovin, N. F. *Istoriya Krymskoy voyny i oborony Sevastopolya: s kartami i planami*. St. Petersburg: «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1900 (in Russian).
Kappeler, A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya*. Moscow: Traditsiya-Progress-Traditsiya Pub., 2000 (in Russian).
Kravchuk, A.S. *Dela i dni: tavricheskiye gubernatory, 1802–1854 gody*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2019 (in Russian).
Lashkov, F.F. “Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladeniya: prodolzheniye.” *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 23 (1895): 71–117 (in Russian).
Lashkov, F.F. “Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladeniya: prodolzheniye.” *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 24 (1896): 35–71 (in Russian).
Lashkov, F.F. “Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladeniya: okonchaniye.” *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 25 (1896): 29–88 (in Russian).

Makidonov, A.V. *K svetskoy i tserkovnoy istorii Novorossii (XVIII–XIX vv.)*. Zaporozh'ye: Prosvíta Publ., 2008 (in Russian).
Makidonov, A.V. *Personal'nyy sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka*. Zaporozh'ye: Prosvíta Publ., 2011 (in Russian).
Mavrina, O.S. "Storínki íz símeynoǐ ístoríǐ murz Shiríns'kikh u XIX st." *Skhodoznavstvo*, no. 48 (2009): 109–128 (in Ukrainian).
Mavrina, O. S. "The case of the Sidzheyut clan in the fund of the Tavrichesky noble deputy assembly." *Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*, no. 18 (2013): 444–455.
Mavrina, O. S. "Beys'kiy ríd Argín na shlyakhu do dvoryanstva (XIX st.)." *Skhídniy svít*, no. 2 (2014): 23–32 (in Ukrainian).
Masayev, M.V. *Krymskiye tatary v vooruzhennykh silakh Rossii (konets XVIII – nachalo XX vv)*. Khar'kov: Kharkiv State University Publ., 2003 (in Russian).
Muftiyzadeб I.I. "Ocherk voyennoy sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1889 god." *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 30 (1889): 1–25 (in Russian).
Nepomnyashchiy, A.A., and Kravchuk, A.S. "On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century." *Bylyye gody* 47, no. 1 (2018): 97–106 (in Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.1.97.
Plekh, O.A. "Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the twentieth century: Russian historiography of the late XX – early XXI century." *Voprosy istorii*, no. 11 (2019): 258–272 (in Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi33.
Prokhorov, D.A. "Gosudarstvennyye uchrezhdeniya Tavricheskoy oblasti v kontse XVIII veka." *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, no. 4 (1998): 123–138 (in Russian).
Prokhorov, D.A. "Organy upravleniya Tavricheskoy oblasti posle prisoyedineniya Kryma k Rossii (1783–1787)." *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, no. 5 (1996): 213–225 (in Russian).
Prokhorov, D.A. "Uchastiye krymskikh tatar v rabote gosudarstvennykh uchrezhdeniy Tavricheskoy oblasti i ikh rol' v ukreplenii rossiyskogo vliyaniya v regione." In *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825*, 95–108. Sevastopol': Al'batros Publ., 2017 (in Russian).
Sakovich, A.V. *Krymskiye tatary na voyennoy sluzhbe Rossiyskoy imperii*. M.: Fond «Russkiye vityazi» Publ., 2016 (in Russian).
Shilov, D.N. "Basic documents and reference books about civilian officials in Russia (end of XVIII – early XX century): a brief overview." *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 1 (2011): 90–95 (in Russian).
Zayonchkovskiy, P.A. *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v*. Moscow: Mysl' Publ., 1978 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Кравчук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Alexandr S. Kravchuk, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimea Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher, Museum of History of V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 000–000
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73
Научная статья / Research article

Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в.

З.А. Махмутов
Институт педагогики, психологии и социальных проблем,
420039, Россия, Казань, ул. Исаева, 12,
zufar@inbox.ru

Аннотация: Изучаются функции, которые выполнял институт татарских мулл на территории Казахстана в разные исторические периоды. Автор рассматривает деятельность духовных лиц в регионе, анализирует внутреннюю политику российского, а позже и советского государства, которое законодательными актами регламентировало их деятельность, создавая определенные политические контексты. Источниками для написания работы послужили материалы личного происхождения и делопроизводств, законодательно-нормативные документы, хранящиеся в архивах Казахстана и России. В статье показано, что первоначальный период колонизации Казахстана институт татарских мулл был встроен в систему управления Российской империи новоприсоединенными территориями. В данных условиях татарское духовенство обладало достаточно широкими полномочиями внутри казахской степи, помимо исполнения религиозных треб они вели гражданское судопроизводство, документооборот, обучали казахов грамоте и земледелию, участвовали в принятии государственных решений, им поручали дипломатические миссии. Их работа придавала легитимность действиям империи в глазах казахского населения и содействовала лояльности по отношению к новой власти. В середине XIX в. отношение царских чиновников к муллам кардинально изменилось, и их деятельность была существенно ограничена Временным положением 1868 г. Но, несмотря на предпринимаемые запреты, политическое, религиозное влияние улемов на казахов оставалось достаточно сильным. С приходом к власти большевиков значительная часть татарского духовенства была подвергнута репрессиям и полностью выведена из правового поля, однако на нелегальной основе они продолжали выполнять религиозные функции, а после некоторого религиозного послабления в период Великой Отечественной войны внесли весомый вклад в формирование казахстанского казията. На основе проанализированного материала автор приходит к выводу, что татарских мулл можно рассматривать как элиту мобилизованной диаспоры. Заметное влияние татарских улемов прослеживалось до середины XX века и выходило за рамки религиозной сферы.

Ключевые слова: татарская диаспора, ислам, мобильная диаспора, конфессиональная политика
Для цитирования: *Махмутов З.А.* Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73

The Roles and Activities of Tatar Mullahs in Kazakhstan, 18th to Mid-21st Century

Zufar A. Makhmutov
Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, 12 Isaeva St., Kazan, 420039 Russia,
zufar@inbox.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the functions by the Institute of Tatar mullahs in Kazakhstan at different historical periods. The author examines the activities of clergymen in the region, analyzes the internal policy of the Russian and later Soviet state, which regulated their activities by legislative

© Махмутов З.А., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

acts, creating certain political contexts. Research interest is also caused by the internal policy of the state, which regulated Tatar mullah's activities by legislative acts and it created certain political contexts. The sources for writing the work were materials of personal origin and office work, legislative and regulatory documents stored in the archives of Kazakhstan and Russia. In the initial period of the Kazakhstan's colonization the institute of Tatar mullahs was integrated into the management system of the newly-joined territory. In these conditions, the Tatar clergy had rather large powers in the Kazakh steppe. They conducted civil proceedings, document management, taught the Kazakhs literacy and agriculture, participated in government decisions, and carried out diplomatic missions. Their work gave legitimacy to the actions of the empire for the Kazakhs and promoted loyalty to the new government. In the middle of the 19th century, the attitude of the tsarist officials towards the mullahs changed dramatically. Activity of Tatar clergy was significantly limited by the Temporary Provision of 1868. Despite the prohibitions being undertaken, the political and religious influence of the ulama on the Kazakhs remained quite strong. In Soviet times, a significant part of the Tatar clergy was destroyed and completely removed from the legal field. However, although they were in an illegal situation, they continued to perform religious functions. After some religious relaxation during the Great Patriotic War, they made a significant contribution to the formation of Kazakhstani Kaziyat. The author considers that Tatar mullahs were the elite of the mobilized diaspora on the basis of the analyzed material. Tatar ulemahs conspicuous influence was until the middle of the 19th century and occurred outside the religious sphere as well.

Keywords: Tatar diaspora, Islam, mobile diaspora, confessional policy

For citation: Makhmutov, Zufar A. "The Roles and Activities of Tatar Mullahs in Kazakhstan, 18th to Mid-21st Century." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 61–73 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-61-73

Введение

Без осмысления деятельности мулл в Казахстане сложно представить и понять не только историю формирования местной татарской диаспоры, но и сложные межконфессиональные, межэтнические и межкультурные процессы, происходившие в данном полиэтничном регионе.

Работа татарских мулл в регионе из-за своей высокой значимости с самого начала находилась в фокусе внутренней политики Российской империи под пристальным вниманием государственных чиновников. Поэтому правовые рамки деятельности мулл в степной зоне интересны историкам тем, что характеризируют национальный курс и отношение к исламу в государстве в разные исторические периоды. С этой позиции данную тему изучали А.В. Ремнев[1], Ю.А. Лысенко[2], В.С. Дякина[3], А. Каппелер [4], Т.А. Каримов[5], М. Кемпер[6] и другие. По мнению А.В. Ремнева, «казахский case дает хороший материал и для анализа конкретной исторической ситуации, и для сравнительных исследований в области национальной политики империи в целом, а также для выявления ее региональной специфики»[7].

Роль Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС) в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных об-

[1] *Ремнев А.В.* Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

[2] *Лысенко Ю.А.* Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) // Народы и религии Евразии. 2017. № 3. С. 128–138.

[3] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.

[4] *Каппелер А.* Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–136.

[5] *Каримов Т.А.* Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII – начале XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 144–162.

[6] *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.

[7] *Ремнев А.В.* Татары в казахской Степи… С. 31.

ластей исследовалась П.С. Шаблеем[8]. Он акцентирует внимание на том, что данный орган на определенном этапе времени был важным элементом в реализации российской региональной политики[9].

Формирование конфессиональных и этнокультурных связей в дореволюционное время как результат активности татарских знатоков Корана рассматривали в своих работах Г.С. Султангалиева[10] и Э.М. Гибадуллина[11]. Историк Э.М. Гибадуллина подчеркивает, что их формированию способствовали такие внутренние ресурсы, как общность этнолингвистической системы с коренным населением Степи, материальная и духовная культура[12].

Несмотря на большое внимание исследователей к активности татарских улемов в дореволюционную эпоху, практически неизученной остается их работа в советское и в настоящее время.

Новизна данного исследования заключается в том, что в ней впервые комплексно анализируются функции татарских мулл в разные исторические периоды и в разнообразных политических контекстах.

Целью настоящей работы является выявление результатов деятельности татарского духовенства в различных сферах общественной жизни на протяжении дореволюционного и части советского времени их пребывания на территории современного Казахстана.

Для анализа деятельности института татарских мулл в дореволюционное и советское время были привлечены материалы личного происхождения (дневники, письма, журналы, личные наблюдения), делопроизводств, нормативно-правовые акты. Среди архивных документов особую ценность представляют фонд канцелярии Оренбургского генерал-губернатора в Государственном архиве Оренбургской области (Ф. 6), Пограничного управления Сибирскими казахами в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Ф. 374), личный фонд государственного секретаря, Сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1251), фонд Совета по делам религий при Совете Министров СССР Государственного архива Российской Федерации (Ф. 6991).

При исследовании поставленной проблемы использовался комплекс общенаучных методов: анализ, синтез, дедукция, индукция, а также структурно-функциональный подход. Также была применена теоретическая модель мобильной диаспоры Джона Амстронга. Под мобильной диаспорой ученый понимал этническую общность, расселенную дисперсно и характеризующуюся особой деятельностью ее элиты, которую не может выполнить доминирующее население. В контексте взаимодействия с многонациональным государством ученый подчеркивал, что в условиях присоединения новых территорий властные структуры нуждаются в мобильных диаспорах, но потом может могут с легкостью сделать их «козлом отпущения»[13].

---

[8] *Шаблей П.С.* Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: (1788–1868 гг.). Челябинск, 2013.

[9] Там же. С. 231.

[10] *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 20–36.

[11] *Гибадуллина Э.М.* Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII – XIX веке // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв). Казань, 2011. С. 117–123.

[12] *Гибадуллина Э.М.* Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVII – XIX веке // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв). Казань, 2011. С. 122.

[13] *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. № 2. P. 399–400.

Культурные посредники

С восхождением на престол Екатерины II конфессиональная политика Российской империи начинает меняться. Была закрыта Контора новокрещенских дел, принят указ Синода о веротерпимости, князья и мурзы татарского происхождения получили возможность пользоваться всеми преимуществами российского дворянства. Появление элементов прагматизма в политике российской власти по отношению к представителям ислама, вероятно, было связано и с решением вопроса о внутренней колонизации степной зоны, агентами которой должны были стать татарские муллы. Родственные языки, общая религия способствовали благосклонному восприятию казахским населением представителей данной группы, что в свою очередь должно было привести к росту лояльности по отношению к Российской империи и ее новым государственным институтам.

Еще в 1745 г. татарам было дозволено поселиться в Сеитовской слободе (ныне Татарская Каргала) вблизи Оренбурга, которая на долгие годы стала важнейшим отправным пунктом мулл в казахскую степь. Жители нового населенного пункта получили исключительное право от Императрицы Екатерины Второй исповедовать мусульманскую религию и возводить мечети[14].

В 1785 г. Императрица Екатерина II приказала губернатору Уфы и Сибири барону О.А. Игельстрому строить мусульманские мечети в казахской степи, способные вместить до 500 чел., при которых должны были функционировать школы, в наиболее же отдаленные районы отправлять татарских мулл «дав при посылке небольшую денежную сумму, а мере верности и тщания обнадежить и большим денежным вознаграждением»[15].

В этом же году О.А. Игельстром получил указ из Сената, в котором, в частности, говорилось: «Снабжение разных родов киргизских муллами немалую пользу в делах наших принести может; почему вы и старайтесь определить оных, и истребовать из Казани татарских людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргизцев в верности к нам, и к удалению их от набегов и хищничества в пределах границ наших»[16]. В список «благонадежных» религиозных деятелей, составленных первым муфтием М. Хусаиновым (Хусейновым, Гусейновым), вошли ахун Новой татарской слободы Казани Ш. Абдрашитов, ахун М. Юсупов, мулла А. Мухитдинов и другие[17].

Для координации работы татарских мулл в степи в 1788 г. было создано ОМДС, которое возглавил М. Хусаи́нов. Функция нового органа заключалась в испытании соискателей на получение духовного звания (выдаче свидетельств муллам на преподавание в степной зоне), разрешение на строительство мечети (однако только санкции ОДМС было недостаточно), рассмотрение жалоб на мусульманских духовных лиц, имущественные тяжбы, дела о соблюдении мусульманами норм шариата, официальное объявление государственных и правительственных постановлений, надзор за ведением метрических книг (с 1829 г.)[18].

---

[14] *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа. Казань, 1993. С. 127.

[15] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XXII. No 16292; Там же. № 16534.

[16] Там же. СПб., 1830. Т. XXII. № 16292.

[17] *Гибадуллина Э.М.* Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII – XIX веке. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв). Казань, 2011. С. 117–123.

[18] *Шаблей П.С.* Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (конец XVIII – XIX век). Челябинск, 2013. С. 47.

В обязанность татарских знатоков религиозного закона вменили вести метрические книги: фиксировать рождение, смерть, заключение брака и развод. Метрическая книга заполнялась в двух экземплярах: одна отправлялась в ОДМС, другая оставалась при мечети.

Также духовным мусульманским лицам поручалось проводить ревизии по уплате кибиточной подати, рассматривать судебные дела в рамках шариата, исполнять функции толмачей, собирать разведывательные сведения[19], а кроме того, наблюдать, чтобы мусульмане не занимались противозаконными действиями.

Обычным делом в это время и стало обучение татарскими муллами детей грамоте. Этнограф А.К. Гейнс, путешествуя по казахской степи в середине XIX века, отмечает в своих дневниках: «…во многих аулах родоначальники нанимают учителей – мулл из татар... Такой учитель живет в юрте у родоначальника, учит детей всего аула и получает... от 40 до 60 рублей в год. Деньги уплачиваются целым аулом. Ташкентцев учителями не нанимают, потому что их язык не имеет столько сходств с кайсацким, сколько татарский»[20]. Нередко сами ханы нанимали в качестве учителей для своих детей татарских мулл, которые исполняли также обязанности письмоводителей и переводчиков. Известно, что, например, у хана Абдулхаира и его сына Нуралы работал А. Нурмухамметов и У. Арсланов, у хана Айшуака – С. Касимов (выходец из Сеитовской слободы), у сыновей Айшуака ханов Ширгазы и Жантора – Н. Файзуллин (выходец из Сеитовской слободы) и И. Мустафин (из Казанской губернии), у старшего брата Айшуака хана Есима – мулла Г. Фаткулин, у хана Сергазы (1810–1822 гг.) – Г. Буляков и А. Сулейманов, у хана Аблая (1771–1780 гг.) – татарский мулла Я. Усманов и М. Мамметев, у султана Уруса в Среднем жузе – тобольский служилый татарин Т. Зарывкин[21] .

Для казахских ханов татарские толмачи осуществляли не только перевод русской дипломатической корреспонденции, но и вели переписку со Среднеазиатскими ханствами и Ираном[22], выступали третейскими судьями между русским и казахским населением[23]. Так, например, архивные документы свидетельствуют о том, что мулла И. Исбулатов (Ишбулатов), работавший у султана Шигая Нуралиханова, «разумом предполагал разрешение споров между русскими и казахами, доставляя обиженной стороне справедливость»[24].

Царская администрация старалась вводить татарских духовных лиц в органы управления. Так, муфтий М. Хусаинов, ахун М. Казиев входили в состав Ханского совета[25].

Некоторые татарские духовные лица (такие как Фатих Абдусалямов, А. Бекметев, ахун Ш. Абдрахимов (Габдрахимов), А. Мухаметов, муфтий М. Хусаинов и другие) выполняли дипломатические функции.

В частности, ахун Среднего Жуза казахов Ш. Абдрахимов улаживал конфликты между известными биями Шопа и Шорманом, вел переговоры о возврате откочевавших шестидесяти казахских семей в Кокчетавский приказ, вместе с А. Мухаметовым были командированы в Семиречье к уйсунским и найманским казахам для скло-

[19] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32. Л. 33.

[20] *Гейнс А.К.* Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Собрание литературных трудов. СПб., 1897. С. 256.

[21] *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа, 2002. С. 228–231.

[22] История Казахстана в документах и материалах. Караганда, 2013.

[23] *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 27.

[24] Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 2060. Л. 148.

[25] *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора... С. 28.

нения их к принятию российского подданства[26]. Ахун Оренбургской экспедиции, а позже муфтий ОДМС М. Хусаинов предпринимал усилия, чтобы внушить казахам доверие к российским административным и судебным учреждениям, выступал связующим звеном, посредником между пограничным судом и казахами, сам доставлял в эту инстанцию свидетельские показания от кочевого населения[27].

Д. Амстронг в своей теоретической модели «мобилизованных диаспор» подчеркивал, что навыки коммуникации всегда очень сильно ценились доминирующими элитами[28].

Были случаи, когда казахские родоправители просили правление сибирских киргизов о направлении к ним мулл для обучения местного населения домоводству и земледелию[29]. По мнению историка Г. Султангалиевой, переход казахского населения к земледелию был одним из средств, которое использовала империя для ассимиляции кочевников[30]. Были случаи, когда татарское духовенство занималось торговлей и разведением скота[31].

Точное количество татарских духовных лиц в казахской степи подчитать достаточно проблематично, поскольку татарские вероучители часто отправлялись туда без всяких санкций органов российской государственной администрации. Но их было немало. Известно, что в середине XIX в. лишь на территории Младшего жуза их насчитывалось приблизительно около тысячи[32].

Религиозное и культурное влияние татарских улемов на казахов было значительное. В середине XIX в. путешественник А. Харузин в этнографическом очерке писал: «Татарин для киргиза авторитет, киргизы сбрасывают свой халат и одевают татарский, надев его, они идут вместе с татарином на вечернюю молитву в мечеть, и высшая мечта казаха не обрусеть, а отатариться»[33]. Русский учитель Г. Хохлов, обучавший казахских детей в аулах Тургайской области, отмечает: «Кочевники начинают всячески стараться, чтобы во всем были похожи на татарина. Все они досиня выбриты и франтят в грязных тюбетейках…Старики больше уже не просрочивают, не забывают времени молитвы, аккуратно совершают омовение и намазы, хотя и видно, что дело им непривычное, новое: они делают постоянные ошибки не только в словах непонятных арабских и татарских молитв, но и в молитвенных рикягатах, т.е. поклонах, частенько смешиваются»[34].

Петропавловский уездный начальник докладывал в Акмолинское областное правление, что «если раньше киргизское население уезда руководствовалось обычаями, то теперь они руководствуются исключительно шариатом. Ранее киргизы к своей религии относились если неравнодушно, то лишь настолько, насколько требовали этого обстоятельства (какое-либо горе их заставляло обращаться с молитвой к Богу), то теперь они повсюду как в аулах, так и в глуши, ходят молиться в те часы, в которые ходят татары, при этом замечается, что они, как и татары, собирают-

[26] *Галиев В.З.* Шариф Габдрахимов – ахун Среднего жуза казахов // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень. 2009. № 4. С. 165.

[27] *Шаблей П.С.* Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: (1788–1868 гг.): дисс. Челябинск, 2013. С. 74.

[28] *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. № 2. P. 397.

[29] Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК) Ф. 374. Оп. 1. Д. 370. Л. 2–3.

[30] *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора… С. 29.

[31] *Шаблей П.С.* Социальный облик мусульманских служащих в Казахской степи (конец XVIII – середина XIX в.) // Мир ислама. 2010. № 2. С. 95.

[32] Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 14005. Л. 45.

[33] *Харузин А.К.* Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнографический очерк). М.,1889. С. 155.

[34] *Хохлов Г.* Тургайская область. СПб., 1906. С. 43.

ся целыми аулами и устраивают массовые моления. Ранее киргизы мало интересовались киргизской грамотой и учителя у них были исключительно киргизы, теперь же в каждом ауле имеется учитель из татар… что приводит настоящее религиозное движение среди киргиз…»[35].

Под влиянием татарских мулл менялись черты казахского быта и семейных ритуалов: при проведении никаха появилось чтение всеми присутствующими бату (короткой молитвы) и разделение юрты занавесом на две части: мужскую и женскую[36].

Деятельность татарских религиозных вероучителей представителями царской власти, а также ханской знатью в первое время оценивалась как успешное. Об это свидетельствует ряд государственных награждений М. Хусаинова, С. Усманова, Ш. Абдрахимова, А. Сулейманова, З. Хаметова и других[37]. Примечательно, что в некоторых случаях инициировали поощрение сами казахские ханы[38].

Наставники и подстрекатели

Во второй половине XIX в., после Кавказской и Крымской войн, обострения «польского вопроса» на западных окраинах империи, превращения казахской степи во «внутреннюю окраину», отношение царских чиновников к работе татарских улемов меняется. Царская власть начинает рассматривать татарское духовенство как «пятую колонну», как препятствие, мешающее сближению русского и казахского народов.

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский докладывал министру внутренних дел П.А. Валуеву о том, что на вверенной ему территории «в 1853–1854 году под влиянием духовенства население ждало появление турецких войск для освобождения от христианского ига…»[39]. Причину этого он усматривал в деятельности мусульманского духовенства, которое, по его мнению, было необходимо «поставить в более правильное отношение с правительством, подчинить его строгому контролю, способствовать освобождению самих мулл от невежества, установить надзор за преподаванием в народных училищах»[40].

Главная угроза для империи, по мнению историка А.В. Ремнева, стала видеться в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов, в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар[41]. «Предшествующая политика заигрывания с мусульманством и использования татар как культурных посредников была признана ошибочной», – констатирует исследователь[42].

Согласно теории Д. Армстронга большое влияние на изменение отношения к деятельности татарских мулл могла оказать и модернизация в Российской империи, так как при этом процессе услуги, предоставляемые мобильными диаспорами, становится все менее ценными[43].

Вступившее в силу в 1868 г. «Временное положение об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторством» воспрещало татарам быть мул-

[35] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1 Д. 3696. Л. 33.

[36] Записки и письма капитана Н.М. Изразцова // История Казахстана в документах и материалах. Алматы, 2011. С. 211.

[37] ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17863.

[38] *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора… С. 27.

[39] *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 811.

[40] Там же.

[41] *Ремнев А.В.* Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 7.

[42] Там же. С. 11.

[43] *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. № 2. P. 405.

лами у местного кочевого населения, которое было выведено из подчинения ОДМС[44]. Однако на нелегальной основе татарские муллы продолжали преподавать и вести религиозную деятельность в кочевьях и аулах. Огромное количество казахских детей получило образование у татарских наставников. Среди них были такие будущие классики казахской литературы, как А. Кунанбаев, М. Жумабаев, С. Муканов, представители духовенства Абылгази (’Абд ал-Азиз) мулла, Байдуйсен хазрат, Алдаберген хазрат, Науан хазрат и т.д.[45] В секретных посланиях царских чиновников конца XIX – начала XX в. указывалось, что «киргизы вслед за татарами теперь тоже хотят паломничать в Мекку»[46], «хотят иметь мечеть также в каждом ауле»[47]. Сугубо религиозные требования казахов начинают постепенно трансформироваться в политические, они просят в петициях вновь подчинить их ОДМС, допустить к работе в Государственной Думе, бракоразводные дела изъять из ведения военных губернаторов и уездных начальников, прекратить христианизацию, признать земли, занятые казахами, их собственностью и т.д.[48]

Заведующий розыскным пунктом в городе Верный жандармский ротмистр Астраханцев усматривает в этом политическом пробуждении отчетливое «татарское влияние»: «Приезжие учителя из татар открывают летучие школы в Степи для казахского населения. Они распространяют среди них вредного направления брошюры, отпечатанные на казахском языке в типографиях Уфы и Казани: «Уян, казах!» «(Проснись, казах!» – *З.М.*), «Тур, казах!» («Вставай, казах!» – *З.М.*) и сборник басен «Маса» («Комар» − *З.М.*). В них указывается на тяжелое бесправное положение казахов, живших будто бы гораздо лучше при казахских ханах»[49]. Акмолинский уездный начальник называет конкретные имена татар, «сеющих смуту» среди местного казахского населения: М. Бегишев и Р. Аюпов – муллы Петропавловска и Акмолинска[50].

В это же время в Нижнем Новгороде, а затем и в Петербурге начинают проходить съезды мусульман, на которых представители разных мусульманских народов (в том числе казахов и татар) договорились совместно отстаивать свои политические, общественно-культурные нужды, что положило началу образования самостоятельной политической силы со своей организацией. Съезд объявил о создании партии «Иттифак аль-муслимин», имеющей целью объединение всех мусульман России независимо от их классовых и национальных различий. Одним из основоположников идей панисламизма стал имам А. Ибрагимов, в юношеские годы проповедавший в степной зоне. Благодаря ему в Петербурге начала издаваться газета на казахском языке «Серке», где печатались статьи лидеров казахского национально-освободительного движения[51].

На Первом Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся 1–11 мая 1917 г. в Москве, были сформированы и общие политические структуры управления мусульман: Вакытлы Милли Идарэ (Временное национальное Правительство) и Милли Шуро (Национальные Советы) губерний. По решению съезда религиозные

[44] Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. Спб, 1883. С. 32.

[45] *Ghilmani S.* Biographies of the Islamic Scholars of Our Time. Almaty, 2013.

[46] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3475. Л. 28 об.

[47] Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938.

[48] Там же. Ф. 537. Оп. 1 Д. 2. Л. 14.

[49] Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 773. Л. 77–78.

[50] Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5667. Л 2–4.

[51] *Галиев В.З.* Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакипе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах»!). Алматы, 2011. С. 288.

отделы казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской областей перешли в ведомство мусульманского духовенства Оренбурга[52].

Приход к власти большевиков положил конец надеждам мусульман на национально-культурную автономию и заложил основу нового антирелигиозного курса государства, который отразился в том числе и на сфере деятельности всех татарских мулл новообразованной Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики.

Бродячие муллы

После принятия декретов «О расторжении брака» (от 16 декабря 1917 г.) и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (от 18 декабря 1917 г.) муллы были лишены возможности вести метрические книги, но еще некоторое время могли заниматься педагогической деятельностью. Например, муллой при мечети № 2 Хайруллой Валитовичем Бикбаевым (Бекбаевым), в Петропавловске были организованы курсы, которые предполагали обучение юношей, достигших 18 лет, мусульманскому праву, толкованию Корана, арабскому языку. Однако уже в 1925 г. курсы были закрыты, а их организатор привлечен к уголовной ответственности[53].

В 1929 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» ограничило деятельность религиозных служителей молитвенным домом и территорией, на которой постоянно проживали верующие религиозного объединения, им было запрещено вести обучение[54]. В это время были закрыты все мусульманские религиозные начальные и средние учебные заведения в Республике[55]. С этого времени началась активная секуляризация мечетей в Казахской Советской Социалистической Республике.

Влияние татарских улемов на мусульманскую умму в Республике еще до середины 1930-х гг. было достаточно сильным. Например, в постановлении бюро Казкрайкома «ВКП(б)» о мерах борьбы с мусульманским религиозным движением от 8 июня 1927 г. констатируется: «Мусульманское религиозное движение среди казахского населения развивается под сильным влиянием татарского и узбекского духовенства…»[56], а также подчеркивается, что «среди татар ислам является в большей мере орудием национализма и пантюркизма»[57].

В отчетном докладе ответственного инструктора ЦС Союза воинствующих безбожников о поездке в Туркмению, Казахстан и Узбекистан отмечается: «Влияние религии ислама в Казахстане можно разделить на три части. Одна часть Казахстана (Чимкент, Туркестан и другие, которая близка к Узбекистану) находится под влиянием узбекских ишанов, муридов, другая часть (Алма-Ата – Семипалатинск, Петропавловск) находится непосредственно под влиянием татарских мулл-реформаторов. Центром татарского духовенства является Семипалатинск. Руководителем этого движения является в Семипалатинске реформатор-мулла Хоззатол-Хаким, у которого в Китае тоже есть друзья…»[58].

Во второй половине 1930-х гг. начинаются массовые репрессии против духовенства. В «кровавые жернова» попали такие религиозные деятели, как Х. Абдра-

[52] Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы, 2004. С. 521.

[53] Северо-Казахстанский государственный архив (далее – СКГА). Ф. 8. Оп. 1. Д. 143.

[54] Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. 1929–1939. М., 1959, С. 29–45.

[55] *Сактаганова З.Г.* Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. 2017. № 3. С. 63.

[56] ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 4. Д. 3. Л. 281.

[57] Там же. Л. 279.

[58] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 179.

шитов (имам мечети № 4, Петропавловск), М. Абдулзалилов (акмолинский губернский мухтасиб), М. Акаев (имам мечети, с. Джилтавское), М. Аюпов (имам мечети № 3, Семипалатинск), М.Н. Бегишев (имам мечети № 3, Петропавловск), А.Г. Бегишев (имам мечети № 6, Петропавловск), З.Ф. Габдулжалилов (Абдулжалимов) (имам мечети, Павлодар), А. Исмагилов (имам мечети № 1, Акмолинск), И.И. Исмагилов (уполномоченный верующих мусульман, Петропавловск), Т. Мирвалиев (имам мечети № 2, Акмолинск), К. Рафиков (имам мечети, Ауле-Ата), Г. Тулебаев (имам мечети № 3, Уральск), Х. Халитов (имам мечети, с. Становое) и многие другие. Как правило, они привлекались по политическим статьям. Духовенство обвинялось в создании контрреволюционной группы, в связях с известными представителями татарской интеллигенции за рубежом. В этот период религиозные обряды начинают выполнять так называемые «бродячие муллы», получившие такое название, поскольку советская власть отказывала им в официальной регистрации[59].

Во время Великой Отечественной войны наблюдается некоторое ослабление антирелигиозной политики. В 1943 г. в Ташкенте был проведен съезд духовенства Средней Азии и Казахстана и было образовано Управление мусульман Средней Азии и Казахстана. Был избран Пленум и Президиум духовного управления во главе с муфтием. После создания Духовного управления Средней Азии и Казахстана (САДУМ) в Казахстане, как и в других республиках, был создан свой казият, а первым казием Казахстана с 1843 по 1952 г. стал мухтасиб города Семипалатинска, член Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана А. Шамсутдинов (1884–1953). Именно на него легла обязанность организовать работу всех мусульманских общин Казахстана. Отчеты Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по КазССР свидетельствуют, что он вел активную работу с «бродячими муллами» в республике, координируя их деятельность, пытался сохранить и отремонтировать недействующие мечети и сохранить мусульманские кладбища силами и средствами верующих мусульман[60]. По мнению члена Совета по делам религиозных культов при совете Министров СССР Л.А. Приходько, татарский улем единолично руководил религиозным движением мусульман в Казахстане[61]. Всего в 1950 г. в Казахстане действовало 20 мусульманских общин и около 450 бродячих мулл, было зарегистрировано лишь 20 служителей мусульманского культа, два из которых было татарами[62].

Из представителей татарской национальности помимо А. Шамсутдинова крупной фигурой в исламской умме был председатель ревизионной комиссии Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Ш. Хиялетдинов, который до 1930-х гг. служил имамом в атбасарской мечети. В качестве председателя ревизионной комиссии он не только проверял работу мутавалиатов и вел религиозную деятельность, но и назначал мулл в колхозы районов[63], содействовал оформлению религиозных общин и открытию мечетей, решал внутренние конфликты в духовном управлении, выступал посредником между верующими и советскими органами[64].

В послевоенное время Ш. Хиялетдинов работал муллой в чимкентской мечети, а потом возглавил петропавловскую домовую мечеть и пользовался, как свидетельствуют доклады уполномоченного Совета по делам религиозных культов, боль-

[59] *Сактаганова З.Г.* Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. 2017. № 3. С. 63.

[60] ГАРФ. Ф.Р. 6991. Оп. 3. Д. 9. Л. 107.

[61] Там же. Д. 350. Л. 265.

[62] Там же. Л. 214.

[63] Там же. Д. 12. Л. 75.

[64] Там же. Д. 963. Л. 205.

шим авторитетом как у казахской, так и у татарской общины[65]. В 1951 г. он был избран на почетную должность председателя Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири и покинул Казахстан.

С середины XX в. татарские улемы перестали играть какую-либо заметную роль в казахском казияте и лишь в редких случаях занимали должности имамов мечетей.

Выводы

Татарских мулл, согласно концепции Д. Армстронга, вполне можно рассматривать как элиту мобилизованной диаспоры, которую Империя стала использовать для выполнения специфических функций. Деятельность их носила разносторонний характер: выполнение религиозных обрядов и дипломатических поручений, ведение метрик, гражданского судо- и делопроизводства, обучение местного населения грамоте, а также земледелию, сбор разведывательных данных.

Во второй половине XVIII – начале XX в. работа татарских мулл рассматривалась достаточно положительно как со стороны имперской администрации, так и казахских ханов. Высокий авторитет муллы среди казахского населения содействовал этнокультурному подражанию и заимствованию религиозных практик и этнокультурных особенностей.

Изменение внутренней политики Российской империи в середине XIX в. привело к законодательному ограничению работы татарских мулл среди казахского населения. Однако многие казахи продолжали проходить обучение у татарских наставников.

В первые десятилетия советской власти духовенство было лишено возможности заниматься религиозной и педагогической деятельностью, многие видные представители татарского духовенства степной зоны были репрессированы.

После определенного ослабления антирелигиозной политики в 1940-е гг. такие татарские улемы, как Ш. Хиялетдинов и А. Шамсутдинов, заняли ведущие позиции в казияте Республики. Тем не менее большинство представителей татарского духовенства продолжало находиться в статусе «бродячих мулл», совершающих обряды внутри мусульманской уммы.

Таким образом, татарские муллы, проживая более двух веков в границах современного Казахстана, оказывали весьма заметное влияние на религиозную, политическую и этнокультурную жизнь региона: в дореволюционное время они внесли неоценимый вклад в формирование местной казахской интеллигенции и духовенства, в советскую эпоху содействовали организации работы казахского казията и сохранению мусульманских практик и обычаев.

Поступила в редакцию / Received: 17.05.2020.

Библиографический список

Галиев В.З. Шариф Габдрахимов – ахун Среднего жуза казахов // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень. 2009. № 4. С. 165–168.

Галиев В.З. Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакипе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах»!). Алматы: Мектеп, 2011. 525 с.

Гибадуллина Э.М. Векторы этноконфессиональных связей татар Поволжья и казахов Западного Казахстана во второй половине XVIII – XIX веке // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 117–123.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.

[65] ГАРФ. Ф.Р. 6991. Оп. 3. Д. 399. Л. 113.

Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–136.

Каримов Т.А. Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 144–162.

Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 678 с.

Лысенко Ю.А. Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) // Народы и религии Евразии. 2017. № 3. С. 128–138.

Ремнев А.В. Татары в казахской Степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

Сактаганова З.Г. Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // История повседневности. 2017. № 3. С. 60–77.

Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ, 2002. 262 с.

Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 20–36.

Франк А. Татарские муллы среди казахов и киргизов XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1993. С. 124–128.

Шаблей П.С. Социальный облик мусульманских служащих в Казахской степи (конец XVIII – середина XIX в.) // Мир ислама. 2010. № 2. С. 91–107.

Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения казахских степных областей: (1788–1868 гг.). Челябинск: ЧелГУ, 2013. 330 с.

Шаблей П.С. Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (конец XVIII – XIX век). Челябинск: ЧелГУ, 2013. 75 с.

Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. № 2. P. 393–408.

Ghilmani S. Biographies of the Islamic Scholars of Our Time. Almaty: Өнер, 2013. 565 p.

References

Armstrong, J. “Mobilized and Proletarian Diasporas.” *The American Political Science Review*, no. 2 (1976): 393–408.

Galiyev, V.Z. “Sharif Gabdrakhimov – Akhun of the Middle Zhuz of Kazakhs.” *Forums of Russian Muslims*, no. 4 (2009): 165–168 (in Russian).

Galiyev, V.Z. *Kniga, razbudivshaya narod (Razyskaniya o Myrzhakipe Dulatove i yego sbornike «Prosnis', kazakh»!)*. Almaty: Mektep Publ., 2011 (in Russian).

Ghilmani, S. *Biographies of the Islamic Scholars of Our Time*. Almaty: Өner, 2013.

Gibadullina, E.M. “Vektory etnokonfessional'nykh svyazey tatar Povolzh'ya i kazakhov Zapadnogo Kazakhstana vo vtoroy polovine XVIII – XIX veke.” In *Istoricheskiye sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Istoricheskiy opyt etnokonfessional'nogo vzaimodeystviya v Srednem Povolzh'ye i Priural'ye (XVI – nachalo XX vv.)*, 117–123. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2011 (in Russian).

Dyakin, V.S. *Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)*. St. Petersburg: LISS Publ., 1998 (in Russian).

Kappeler, A. “Two Traditions in the Attitude of Russia toward the Peoples of the Russian Empire.” *Russian History*, no. 2 (2003): 129–136 (in Russian).

Karimov, T.A. “Politika Rossiyskogo pravitel'stva i tatarskiye mully v severo-zapadnykh kazakhskikh zemlyakh (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.).” In *Istochniki sushchestvovaniya musul'manskikh institutov v Rossiyskoy imperii*, 144–162. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2009 (in Russian).

Kemper, M. *Sufii i uchenyye v Tatarstane i Bashkortostane: Islamskiy diskurs pod russkim gospodstvom*. Kazan': Rossiyskiy islamskiy universitet Publ., 2008 (in Russian).

Lysenko, Yu.A. “The position of officials of the Orenburg Department on the legal regulation of the spiritual life of the Kazakhs of the Ural and Turgay regions (40–80-ies of XIX century).” *Nations and Religions of the Eurasia*, no. 3 (2017): 128–138 (in Russian).

Frank, A. “Tatarskiye mully sredi kazakhov i kirgizov XVIII–XIX vekakh.” In *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda*, 124–128. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova AN RT, 1993 (in Russian).

Remnev, A.V. “Tatars in the Kazakh Steppe: Companions and Rivals of the Russian Empire.” *Eurasia Bulletin*, no. 4 (2006): 5–31 (in Russian).

Saktaganova, Z.G. “Soviet model of the state religious policy in Kazakhstan and the religious daily life of the Kazakstanis in the second half of the XX century.” *Everyday History*, no. 3 (2017): 60–77 (in Russian).

Shabley, P.S. “The social appearance of Muslim employees in the Kazakh steppe (late XVIII – mid-XX century).” *Pax Islamic*, no. 2 (2010): 91–107 (in Russian).

Shabley, P.S. *Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v obshchestvenno-politicheskoy i religioznoy zhizni naseleniya kazakhskikh stepnykh oblastey: (1788–1868 gg.)*. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2013 (in Russian).

Shabley, P.S. *Ocherk po istorii musul'manskikh obshchin Semipalatinska (konets XVIII – XIX vek)*. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2013 (in Russian).

Sultangaliyeva, G.S. *Zapadnyy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.)*. Ufa: RIO RUNMTS Publ., 2002 (in Russian).

Sultangaliyeva G.S. “Tatar” diaspora in confessional ties of the Kazakh steppe (XVIII–XX centuries).” *Eurasia Bulletin*, no. 4 (2000): 20–36 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Махмутов Зуфар Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем.

Zufar A. Makhmutov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in history], Senior Researcher, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 74–87
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-74-87
Научная статья / Research article

Кочевники степного Предкавказья в период Великих реформ в России

И.В. Лиджиева[a], Д.С. Кидирниязов[b]
[a]Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Чехова, 41, irina-lg@yandex.ru
[b]Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра, 367030, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, daniyal2006@rambler.ru

Аннотация: На основе анализа архивных документов и материалов периодической печати раскрывается влияние либеральных реформ Александра II на политику имперских органов по управлению кочевыми народами степного Предкавказья: калмыками, ногайцами и трухменами. Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в., по мнению авторов, оказали непосредственное влияние на формирование национальной интеллигенции, которая способствовала подъему национального движения на окраинах и последующей борьбе за самоопределение инородческого населения в период Великой российской революции 1917 г., что и обусловило актуальность рассматриваемой проблематики. Исследование построено на принципах научности и объективности. В качестве методов исследования использованы: реконструктивный, позволивший восстановить отдельные факты и события из жизни кочевников в конкретных социально-экономических и политико-правовых условиях; с помощью историко-генетического метода последовательно раскрыто влияние либеральных реформ на жизнедеятельность кочевых народов Ставропольской губернии. В ходе исследования авторы акцентируют внимание на мероприятиях местных властей, которые носили либеральный характер и проводились в контексте реформ Александра II. Авторы приходят к выводу, что степное Предкавказье – территория кочевания калмыков, ногайцев и трухмен, являясь национальной окраиной Российской империи, подпадавшей под особую систему управления, связанную с этническими и конфессиональными особенностями населения, не была вовлечена в орбиту либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. Между тем региональными органами исполнительной власти на местах санкционировался ряд мероприятий, в первую очередь направленных на удовлетворение потребностей имперской политики по инкорпорированию региона в общеимперское пространство и одновременно способствовавших позитивным изменениям в области просвещения, судоустройства и судопроизводства, в повседневной жизни кочевых народов Ставропольской губернии.

Ключевые слова: кочевые народы, инородцы, степное Предкавказье, Ставропольская губерния, либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в., просвещение, судоустройство, судопроизводство

Благодарности и финансирование: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Для цитирования: *Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С.* Кочевники степного Предкавказья в период Великих реформ в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 74–87. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-74-87

© Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Nomads of the Steppe Ciscaucasia during the Great Reforms in Russia

Irina V. Lidzhieva[a], Daniyal S. Kidirniyazov[b]
[a]Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
41, Chehova St., Rostov-on-Don, 344006, Russia,
irina-lg@yandex.ru
[b]Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences,
75, M. Yaragskogo St., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367030, Russia,
daniyal2006@rambler.ru

Abstract: Based on an analysis of archival documents and periodical press materials, the present paper studies the impact of the liberal reforms of Alexander II on the policies of the imperial authorities for the nomadic peoples of the steppe of Ciscaucasia: the Kalmyks, Nogais and Turkmens. The liberal reforms of the 1860s and 1870s had a direct impact on the formation of the national intelligentsia, which during the revolutionary events of the early 20th century led to the rise of the national movement in the empire's peripheries and to the struggle for self-determination of the non-Russian populations during the Russian Revolution of 1917. The article reconstructs individual facts and events from the life of the nomadic population under specific socio-economic and political-legal conditions. Using the historical-genetic method, the influence of liberal reforms on the vital activity of the nomadic peoples of the Stavropol province is revealed. The authors focus on the activities of regional authorities during the period under review, which were liberal in nature and carried out in the context of the reforms of Alexander II. The authors conclude that the pre-Caucasus steppe, the territory of the nomadic Kalmyks, Nogais and Turkmens, being the national edge of the Russian Empire and falling under a special system of governance related to the ethnic and religious characteristics of the populations, was not drawn into the orbit of liberal reforms. Meanwhile, a number of measures were approved by the regional executive authorities on the ground, of course, first of all, aimed at satisfying the needs of the imperial policy for incorporating the region into the common imperial space, but at the same time improving the lives of the nomadic peoples of the Stavropol province, in particular in the field of education and legal procedures.

Keywords: nomadic peoples, non-Russians, pre-Caucasus steppe, Stavropol province, liberal reforms of the 1860-1870a, education, judicial system, legal proceedings

Acknowledgements and Funding: The publication is prepared in the framework of the implementation of the State task of the SSC of the Russian Academy of Sciences, № project AAAA-A19-119011190182-8.

For citation: Lidzhieva, Irina V., Kidirniyazov, Daniyal S. "Nomads of the Steppe Ciscaucasia during the Great Reforms in Russia." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 74–87 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-74-87

Введение

Начало второй половины XIX в. ознаменовалось в Российской империи проведением императором Александром II объективно назревших либеральных реформ, способствовавших кардинальному изменению во всех сферах общества. Как пишет А. Миллер, «…империи гетерогенны по определению»[1]. Имперская Россия XIX в. также характеризовалась неоднородностью в плане административно-территориального состава и управления ее отдельными территориями. Полиэтничность и поликонфессиональность российского общества, а также неоднородность экономического развития в значительной степени предопределили дифференцированный подход имперских властей к процессу внутреннего управления страной. В этом отношении интересен подход А. Миллера, который считает, что к концу XIX в. такие имперские периферии, как западные губернии, Сибирь и Поволжье,

[1] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 70.

стали представляться как русская национальная территория, в то время как такие имперские окраины, как Кавказ и Средняя Азия, были исключены из нее и воспринимались как колониальные владения[2]. Не являясь сторонниками колониального подхода, в данном случае все-таки должны согласиться с А. Миллером. Так, степное Предкавказье оказалось исходя из рассматриваемого подхода на пограничье, географически, с одной стороны, Астраханская губерния, входившая в Поволжье, с другой стороны, Ставропольская губерния – Кавказ, что и обусловило специфичность не только сложившейся системы управления, но и подходов к формированию политики в отношении автохтонного населения.

Территория кочующих инородцев, административно-территориальная единица в составе Ставропольской губернии, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., была равна 21 254,3 км^2 и являлась местом кочевания калмыков, ногайцев и трухмен, численность которых составляла 47 780 человек, то есть 5,5 % от общего состава населения губернии. Как отмечает С.В. Фарфоровский, «по своим законам и обычаям, они живут особняком от окружающего их населения, будучи изолированы даже своим языком»[3]. В сословной структуре российского общества рассматриваемого периода указанные кочевые народы относились к инородцам; «…для них существовало особое законодательство, закрепляющее их правовое положение, так как предполагалось, что степень их гражданского развития была очень низкой»[4]. В первой половине XIX в. имперскими органами была создана нормативная правовая база, регулировавшая жизнедеятельность кочевых инородцев Ставропольской губернии, диспозиция которой допускала сохранение традиционных органов самоуправления с учетом этнических и религиозных особенностей народов. Так, 10 марта 1825 г. высочайше утверждены «Правила для управления калмыцкого народа»[5]; 6 февраля 1827 г. – «Учреждение для управления Кавказской области»,[6] куда входил «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области»[7]; 28 декабря 1835 г. – Положение об управлении калмыцким народом»[8]; 23 апреля 1847 г. – «Положение об управлении калмыцким народом»[9]. В этом отношении интересно положение калмыков Большедербетовского улуса, которые ни по языку, ни по своим религиозным верованиям не подходили к кочевым народам Ставропольской губернии. До 1860 г. Большедербетовский улус находился в административно-территориальном подчинении астраханского губернатора, а на основании указа императора Александра II от 13 марта 1860 г. он был передан под юрисдикцию ставропольского губернатора[10], что было вызвано отдаленностью улуса от губернского центра. Как отмечает К.Л. Васин, «политика самодержавия на Кавказе не могла быть тождественна политике Финляндии и Польше, в свою очередь политика по отношению к казахам не могла полностью совпадать с политикой по отношению к казанским татарам или калмыкам»[11].

---

[2] *Miller A.* The Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism // Imperial Rule. Budapest, 2004. P. 9–26.

[3] *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909. С. 1.

[4] *Мамедов К.Н.* Права подданных в различные периоды существования Российского абсолютизма // Государство и право в XXI в. 2017. № 1. С. 11.

[5] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Т. XL. № 30290. СПб., 1830. С. 155–161.

[6] ПСЗРИ-2. Т. II. № 878. СПб., 1830. С. 107–155.

[7] Там же. С. 145–155.

[8] ПСЗРИ-1. Прибавление к Т. IX. № 7560а. СПб., 1836. С. 18–39.

[9] Там же. Т. XXII. № 21144. СПб., 1848. С. 349–372.

[10] ПСЗРИ-2. Т. XXXV. № 35556. СПб., 1860. С. 222–223.

[11] *Васин К.Л.* Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской). Уфа, 2008.

Целью данного исследования является выявление влияния либеральных реформ Александра II на политику имперских органов по управлению кочевыми народами степного Предкавказья.

Указанная проблема не получила должного внимания в современной отечественной историографии, хотя отдельные аспекты развития кочевников степного Предкавказья, безусловно, рассматривались как дореволюционными исследователями, так и историками в советский и постсоветский периоды[12]. Между тем либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в., на наш взгляд, оказали непосредственное влияние на формирование национальной интеллигенции, которая в ходе революционных событий начала XX в. привела к подъему национального движения на окраинах и борьбе за самоопределение инородческого населения в период Великой российской революции 1917 г., что и обусловило актуальность рассматриваемой проблематики.

В рамках данной статьи поставлена задача показать влияние либеральных реформ на жизнедеятельность кочевых народов Ставропольской губернии, а также восстановить отдельные факты и события из жизни кочевников в конкретных социально-экономических и политико-правовых условиях.

Просвещение на территории кочующих инородцев в 1860–70-е гг.

Если еще в первой половине XIX в. государство в своей региональной политике сохраняло традиционные элементы управления на национальных окраинах, то уже во второй половине, по мнению А. Миллера, ясно прослеживался «…переход от политики непрямого правления, основанной на признании широкой автономии традиционных элит окраин, к политике более централизованной, опирающейся на современную бюрократию»[13]. Способ хозяйствования автохтонного населения степного Предкавказья, уровень его инкорпорации в общероссийское политико-правовое и социально-экономическое пространство, а также концепты государственной политики на данной территории обусловили отсутствие учреждений социальной сферы в современном их понимании. Во многом это было продиктовано теми задачами, которые ставило правительство для первостепенного разрешения, к которым образование и медицинская помощь явно не относились. Прежде всего, на первоначальном этапе, то есть в конце XVIII – начале XIX в., государство интересовали задачи фискального характера для пополнения казны. Кроме того, преследовались цели стратегического плана, небезынтересен этот регион и в сырьевом отношении, так что социальные, в том числе образовательные, проблемы кочевни-

[12] *Щеглов И.Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь: Сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян-овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910–1911; *Кочекаев Б.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1973; История горских и кочевых народов (Проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980; *Твалчрелидзе А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1991; *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены: историко-этнографические очерки. СПб., 1995; *Джумагулова А.Т.* Традиционные институты обычного права ногайцев в конце XVIII–XIX вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Черкесск, 2019. С. 66–72; *Джумагулова А.Т.* Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Современная наука и инновации. 2014. № 3. С. 35–40; *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017; *Лиджиева И.В*. Охрана общественного порядка инородческими органами местного самоуправления в XIX– начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 132–136.

[13] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 213.

ков стояли далеко не на первом месте. В связи с этим к решению вопросов просвещения населения органы исполнительной власти в рамках имперской политики приступают только в начале второй половины XIX в., и к этому их подтолкнули проблемы дефицита квалифицированных управленческих кадров, а также, на наш взгляд, на активизацию данного процесса повлияли и либеральные реформы императора Александра II. Так, в ходе либеральной школьной реформы 60-х гг. XIX в., имевшей в перспективе целью создание системы всеобщей школы, на территории кочевых инородцев Ставропольской губернии появляются первые образовательные учреждения.

Согласно представлению вице-губернатора Ставропольской губернии от 28 октября 1861 г. за № 6092, положительно был решен вопрос об открытии в Большедербетовском улусе калмыцкого училища на 10 мальчиков[14]. Данное указание было обусловлено, как отмечает Главный пристав в своем предписании, «недостатком в письменных и словесных переводчиках…»[15]. Между тем, согласно донесению попечителя улуса, открытие училища состоялось только 5 мая 1866 г. Священник села Ивановского Антип Сократов изъявил желание безвозмездно обучать семь набранных калмыцких мальчиков[16].

Первое училище для трухмен было открыто в 1861 г., которое имело два здания – на Зимней и на Летней ставке. Учебный год начинался на Зимней ставке, а оканчивался на Летней, потому что зимой все трухмены жили по близости Зимней ставки, а на лето перекочевывали в степи района второй ставки. Так продолжалось до 1889 г.[17]

Дальнейший анализ делопроизводственной документации по вопросу функционирования калмыцкого училища показывает, что его деятельность находилась под контролем не только попечителя улуса, но и губернатора. Так, например, в соответствии с предписанием губернатора от 8 октября 1867 г. все приходно-расходные операции по училищу должны были вноситься в особую шнуровую книгу; предстоящие расходы производились с утверждения губернатора, а также по требованию попечителя улуса представлять документы ему на ревизию[18].

В рапорте улусного попечителя Десятова Главному приставу кочующих народов от 10 января 1868 г. содержатся предложения по улучшению обеспечения учащихся и учителя, а именно: питание; одежда и обувь; отопление и освещение помещения; обслуживание, а также предусмотрено вознаграждение для учителя А. Сократова, обучавшего детей на безвозмездной основе. Практический опыт работы с калмыцкими детьми в течение года позволил Сократову сделать ряд предложений по повышению эффективности обучения, о чем сообщили Главному приставу кочующих народов. По его мнению, для получения результатов необходимо было объединить учеников калмыцкого и сельского училищ, ввести экзаменацию и поощрения за успехи в учебе, так как «между ними есть действительно способные мальчики, которые при прочих условиях могли бы развиваться…»[19].

В то же время со стороны губернских властей также наблюдался интерес к процессу обучения. Так, вице-губернатор в декабре 1868 г. предписывает Главному приставу кочующих народов представить сведения о том, «сколько именно со дня открытия в Большедербетовском улусном училище, то есть с 1862 г., было в нем

[14] Государственная академия славянской культуры (далее – ГАСК). Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 7.

[15] Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 6.

[16] Там же. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 10.

[17] *Володин А.А.* Трухменская степь и трухмены // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. С. 61.

[18] ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 38.

[19] Там же. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 51.

учеников, сколько человек обучено русской грамоте, какую именно ученики принесли пользу между своими соплеменниками и особо ведомость, на что именно и на какие предметы расходовались ежегодно 470 руб., отпускаемые на содержание училища»[20].

Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии П.З. Ланко в своем письме губернатору отмечает: «недостаток письменных и словесных переводчиков по вверенному мне Управлению ощутителен»[21]. Решение кадрового вопроса инородческого управления, а прежде всего подготовку переводчиков и толмачей, государство переложило на органы местного самоуправления, «на все предприятия сии, деньги будут расходоваться из общественного народного капитала…»[22]. Так, общество караногайцев Ставропольской губернии приговором, составленным 25 сентября 1866 г., определило: «Устраиваемую ими при ставке Терекли школу для обучения ногайских мальчиков русской грамоте назвать именем Его Императорского Величества Государя Императора Александра Николаевича, в память чудесного избавления Его Величества от покушения злодея»[23].

По ходатайству Главного пристава кочующих народов и согласно приговорам Ачикулакского и Караногайского обществ ставропольский губернатор издал приказ об открытии на средства общественного капитала двух начальных инородческих училищ на 25 и 20 мальчиков соответственно. Эта новость была опубликована в газете «Ставропольские губернские ведомости» за июнь 1880 г., где также сообщалось: «С открытием последнего училища в каждом приставстве будет существовать по одному правильно организованному училищу, затем предположено учредить одно центральное двухклассное училище на 45 учеников, общее для всех кочующих народностей, которое будет иметь целью приготовление народных переводчиков, писарей и учителей для татарских школ»[24]. Появление светских школ для инородческих детей, безусловно, имело положительное значение. Еще в 1858 г. в отчете частного пристава трухменского народа на вопрос «Заботятся ли мурзы почетные и духовные об образовании своих детей и куда именно отдают их для науки?» следовал ответ: «Все образование детей заключается в изучении чтению и письму по-татарски, чему духовные и зажиточные из трухмен обучают их у себя в народе, но некоторые из отцов отдают для этой надобности детей своих также в караногайский народ, в особенности в зимнее время, когда оба эти народа сближаются друг с другом своими кочевьями»[25]. Следует отметить, что увеличение образовательных учреждений в 60–80-е гг. XIX в. имело стойкую положительную тенденцию в губернии, обусловленную не только такими объективными факторами, как развитие экономического состояния региона в целом, но и субъективными – политикой государства. Например, по данным И.В. Бентковского, количество сельских школ увеличилось до 52, а число учащихся возросло с 954 до 1 648[26].

В официальной части газеты «Кавказ» от 23 августа 1880 г. в разделе новостей опубликовано сообщение из Ставрополь-Кавказского от 1 августа о состоянии образования в среде инородческого населения, где констатировался следующий факт: «Распространение грамотности между кочующими инородцами, путем учре-

[20] ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 67.

[21] Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 6.

[22] Там же. Л. 2.

[23] Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 34.

[24] Открытие двух инородческих училищ в Караногайском и Ачикулакском приставствах Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1880. 28 июня. С. 3.

[25] ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1633. Л. 38–48.

[26] *Бентковский И.В.* Беглый обзор развития экономического состояния ставропольской губернии за 25-летие царствования Государя Императора // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 8. С. 2.

ждения школ – дело весьма серьезное и важное, требующее большой осмотрительности. До сих пор успешное разрешение этого вопроса тормозили: неимение оседлости инородцев и происходящее от этого неудобство постоянной школы, недостаток учителей и вековое отвращение инородцев от русской грамоты…»[27]. Отсутствие педагогических кадров привело к преподаванию случайных лиц, например, из числа чиновников приставств. «Так, в школе, учрежденной при ставке пристава кочующих трухмен, учительское место было поручено одному из чиновников местного управления. Чиновник этот, занимая еще другое место, не имел возможности постоянно находиться при школе, а заглядывал в нее лишь только по временам, и то очень редко»[28]. Между тем, по утверждению современников, стремление кочевников к получению светского образования имело место. Так, С.В. Фарфоровский пишет: «Среди ногайцев во второй половине XIX в. наблюдалось стремление… дать своим детям и русское образование и некоторые из них даже просят давать им частные уроки»[29]. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издаваемом Управлением Кавказского учебного округа, за 1905 г. отмечается, что «в общем, среди калмыков заметная сильная жажда образования, которая и поддерживается местной администрацией. Калмыки учатся в Ставропольской гимназии и в духовном училище, и в высших учебных заведениях»[30].

Статистические сведения, представленные в таблице 1, отражают состояние грамотности инородцев, проживающих непосредственно на территории кочующих инородцев Ставропольской губернии, по материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Таблица 1 / Table 1

Численность грамотных инородцев по возрастам / Number of literate foreigners by age

Возрастные границы, лет Age limits, years	Общая численность, чел. Total number, peoples		Из них грамотных, чел. (%) Literate among them, peoples (%)	
	Мужчины *Men*	*Женщины* *Women*	*Мужчины* *Men*	*Женщины* *Women*
10–19	5 134	3 974	527 (10,3)	147 (3,7)
20–29	5 395	4 123	606 (11,3)	134 (3,3)
30–39	4 133	2 697	452 (11)	90 (3,3)
40–49	2 823	1 851	296 (10,4)	26 (1,4)
50–59	1 911	1 306	128 (6,7)	13 (1)
60–69	1 054	711	78 (7,4)	10 (1,4)
70–79	323	245	13 (4)	1 (0,4)
80–89	66	46	3 (4,5)	–
90–99	7	10	–	–

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 67. Ставропольская губерния. Тетрадь II (последняя). СПб., 1905.

Source: N.A. Troynitskiy ed. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* Vyp. 67. Stavropol'skaya guberniya. Tetrad' II (poslednyaya). St. Petrsburg, 1905.

Наибольший показатель грамотных приходится на возрастную группу от 10 до 19 лет у женщин (3,7 %) и от 20 до 29 лет у мужчин (11,3 %), т. е. у людей,

[27] Кавказ. 1880. 23 августа. № 225. С. 3.

[28] Там же.

[29] *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909. С. 34.

[30] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа… С. 87.

рожденных в период с 1868–1887 гг. Наименьший – от 70 лет и старше, как у мужчин, так и у женщин. Таким образом люди, рожденные в период с 1868 по 1877 г., показали наибольший процент грамотности. На наш взгляд, представленные в таблице показатели свидетельствуют о том, что увеличение доли грамотных связано с мероприятиями в ходе либеральных реформ Александра II. В фондах Ставропольского историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве хранится небольшая коллекция фотографий «Школы Ставропольских кочевых инородцев (калмыки, ногайцы и трухмены)», посвященная инородческим школам Ставропольской губернии. Альбом включает всего 20 фотографий, из них 10 отображают образовательные учреждения Большедербетовского улуса, 5 – трухменские и 5 – ногайские[31]. Несмотря на то, что фотографии предположительно датируются началом XX в., так как были переданы музею Главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии А.А. Польским, занимавшим эту должность в период с 1909–1913 гг., они отражают ситуацию в сфере просвещения калмыков, ногайцев и трухмен, ставшей следствием тех мероприятий, проводившихся в среде кочевых инородцев в 60–70-е гг. XIX в. и способствовавших формированию национальной интеллигенции. В 1917–1918 гг. в Ставрополе представителями кочевых инородцев, получивших образование во второй половине XIX в., издавалась газета «Ставропольский инородец», в заголовочной части которой указывалось: «Газета, освещающая жизнь, нужды и интересы ставропольских инородцев – трухмен, калмыков и ногайцев – и ставящая своей целью культурно-национальное и экономическое возрождение этих инородцев»[32].

Судопроизводство в среде инородцев в 1860–1870-е гг.

Система судоустройства и судопроизводства в среде кочевых инородцев Ставропольской губернии была детально проработана в нормативной правовой базе имперским законодателем. Так, в соответствии со статьей 117 «Учреждения Управления Ставропольской губернии» в судебном производстве по управлению кочевыми инородцами различают три рода дел. К первому роду принадлежат: 1. измена; 2. возмущение в народе; 3. побег за границу с злым умыслом; 4. подвод хищников заграничных. Ко второму роду принадлежат: 1. убийство; 2. разбой и насилие; 3. поджоги и изготовление фальшивой монеты; 4. кражи и угон лошадей другого рода. К третьему роду принадлежат дела исковые, к коим причисляются все предметы[33]. Между тем, согласно статье 66 «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», уголовные дела разделяются на две степени. Следственные мероприятия и судопроизводство по делам первой степени производятся приставом с военным чиновником, тогда как дела второй степени рассматриваются приставом совместно с Головой и старшиной[34]. Статья 121 «Учреждения» гласит: «За преступления и проступки маловажные, за дурное поведение, грабеж и кражу до тридцати рублей и притом не менее трех раз кочевые инородцы подвергаются, по мирскому приговору, с ведома Головы и Старшины и с утверждения надлежайщаго полицейского начальства смотря по степени вины, исправлению или телесному наказанию, которое ни в каком случае не должно превышать ста ударов розгами». Таким образом, уголовные преступления находились в юрисдикции компетентных органов империи, а гражданские проступки в случае непре-

[31] Ставропольский историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Ф. № 54. Ед. хр. 1860.

[32] Ставропольский инородец. 1918. № 10. 27 мая (6 июня)

[33] Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого, составленный. Т. II. Ч. II. Тетр. 2. СПб., 1857. С. 28

[34] ПСЗРИ-2. Т. II. № 878. СПб., 1830. С. 145–155.

вышения суммы иска 30 руб. – органами внутреннего управления инородцами. Так, например, С.В. Фарфоровский, изучая проблемы функционирования правовых институтов в среде кочевых народов Ставропольской губернии, писал: «Для разбора гражданских дел у трухмен есть гражданский третейский суд «маслахад». Истец, желающий разобрать дело по маслахаду, первоначально заявляет об этом трухменскому приставу; последний дает приказ на имя старшины того аула, где живет проситель. Истец и ответчик должны выбрать по равному числу «почетных стариков», которые и разбирают дело, склоняя обе стороны к примирению. Бракоразводные дела, раздел наследства и другие судятся по шариату. Дела эти должны представляться закавказскому муфтию на заключение. Суды маслахадный и шариатный – устные»[35].

Правовые нормы, вступившие в силу в 1827 г., затем получившие детализацию в «Учреждении» 1857 г., в начале второй половины XIX в. подверглись пересмотру на региональном уровне, причем его основанием послужил мирской приговор общества трухмен, составленный 16 июня 1859 г.[36]

Пристав Трухменского и Киргизского народов штабс-капитан Петр Николаевич Иванов 27 августа 1859 г. представил рапорт за № 783 Главному приставу кочующих народов, подполковнику Петру Михайловичу Иванову, в котором сообщает о желании общества трухмен «получить право разбора по степным обычаям такого рода гражданских исков и случаев воровства, в которых не представляется достаточных оснований для начала следствия». В свою очередь, Главный пристав направляет представление от 7 сентября 1859 г. за № 1445 ставропольскому гражданскому губернатору П.А. Брянчанинову со словами: «…представляя при сем сказанном приговор на благоусмотрение…»[37].

20 ноября 1859 г. П.А. Брянчанинов в своем письме предлагает Главному приставу П.М. Иванову выразить свое мнение по поводу приговора трухмен, ответив на вопрос: «Трухмян, в том ли что в кругу их замечена уклончивость от явки к разбирательству жалоб, которые на таковое передаются Приставом, или же трухмяне хотят расширить права свои, делая суд и расправу во всех жалобах и даже гражданских исках, по народным их обычаям, кроме дел уголовных?»[38].

Данная переписка продолжалась в течение всего следующего года и характеризовалась осознанием важности проблемы всех ее участников. Так, на наш взгляд, правовая система рассматривалась в качестве механизма, конструирующего управленческий опыт имперских органов власти на региональных окраинах. Наши предположения находят подтверждение в трудах современных исследователей права, где утверждается следующее: «Процесс накопления знаний о местном праве непостоянен. Это тактический инструмент – гибкий и манипулятивный, воздействие которого может быть взаимовыгодным (для колонизаторов и колонизируемых) или же отражать интересы одной из сторон»[39].

И только 24 августа 1860 г. частный пристав трухменского народа П.Н. Иванов направил Главному приставу подробный ответ, в коем выразил свое мнение о судоустройстве и судопроизводстве в среде кочевых магометан. Его предложения по поводу реформирования указанной сферы строились на том, что, прежде всего, правовые нормы существующего законодательства, регулирующего данный про-

[35] *Фарфоровский С.В.* Народно юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк. 1909 года. Ставрополь-Кавказский, 1910. С. 12.

[36] ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3878. Л. 5 об.

[37] Там же. Л. 1.

[38] Там же. Л. 2.

[39] *Саратори П., Шаблей П.* Эксперименты знаний: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019. С. 24.

цесс, не соответствуют условиям жизни кочевых народов. «Закон действительно невозможно применить на деле»[40], – пишет П.Н. Иванов, сталкивающийся с этим в каждодневной своей практике на посту частного пристава. Далее им приводятся конкретные факты: «…На общественные низамы не собираются даже ста человек…»[41]. Для составления мирского приговора необходим кворум выборных должностных лиц органов местного самоуправления, чтобы решение схода было легитимным. Зачастую участники схода отправлялись на заработки на длительный срок в соседние села. В условиях кочевого способа хозяйствования населения, а также обширности территории их проживания соблюдение этого условия являлось практически невозможным. Во-вторых, обвиняемые в совершении противоправных действий, зачастую использовали вышеприведенный недостаток и склоняли отсутствующих выборных к принятию необходимого им решения.

Разработка проекта об изменении порядка суда над кочевыми магометанами приобрела либерально-демократический характер. На первом этапе для разработки проектного варианта правил частным приставам был разослан перечень следующих вопросов: «а) Число необходимых для каждого народа судей?; б) Порядок избрания и утверждения в должностях; в) Срок службы судей, их права и преимущества; г) Порядок утверждения произносимых судьями приговоров над однородцами; д) Род и степень исправительных наказаний коим инородцы по приговорам словесных судей подвергаться могут»[42].

Полученные ответы позволили сформировать первоначальный вариант проекта правил суда над кочевыми магометанами[43]. Частные приставы, имевшие значительный багаж знаний о жизнедеятельности кочевых магометан, усвоившие их традиции и обычаи, предлагая внесение изменений в существующую систему отправления правосудия, отмечали, «Нет сомнения, что суд целого общества есть вернейший и беспристрастный, какой только может желать правда…»[44]. Между тем они вынуждены были констатировать необходимость внесения изменений в систему судопроизводства, с учетом способа хозяйствования и требований времени. Так, чиновники в своих проектах предусмотрели как способы повышения эффективности правосудия, предлагая создание путем выборов на определенный срок коллегиального органа, состоящего, например «из каждого куба по одному судье и одному кандидату, могущему заступить за место первого в случае болезни или необходимого отсутствия, всего шести судей и кандидатов», так и механизмы, позволяющие повысить привлекательность сих должностей, освободив судей на время их службы от всех повинностей, а «пристрастных и злонамеренных судей сменять прежде срока». Кроме того, в качестве возможных способов наказания были предложены арест и денежный штраф в пользу истца или общественного капитала, записи в штрафную книгу с недопущением участвовать в общественных делах, наказания розгами до 100 ударов, ссылка во внутренние губернии России и в арестантские роты.

13 апреля 1861 г. П.А. Брянчанинов направляет П.М. Иванову предписание, в котором сообщает об одобрении проекта. При этом считает необходимым «…предварительно, для предупреждения ропота и неудовольствий со стороны народа, и чтобы не возбудить толков и сравнений магометан в правах с государственными крестьянами, предложить обсуждение этого вопроса народу для соглашения об изменении его теперешнего порядка…»[45]. Проект был предложен на обсуждение на сходе общества ногайцев с представлением их решения в мирских приговорах.

[40] ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3878. Л. 18 об.
[41] Там же. Л. 19.
[42] Там же. Л. 23–24 об.
[43] Там же. Л. 40–42 об.
[44] Там же. Л. 37 об.
[45] Там же. Ф. 249. Оп. 2. Д. 21. Л. 25.

Обсуждение предполагаемого нововведения завершилось 13 апреля 1862 г., когда по приказанию П.А. Брянчанинова проект правил о производстве суда над магометанами был отложен «…впредь до того времени, пока не приведутся в исполнение разные другие предположения Правительства касающиеся улучшения блага кочующих магометан, например, приучение их к оседлой жизни, к занятию хлебопашеством»[46].

В июле 1862 г. исполняющий должность Главного пристава кочующих народов П.О. Рудановский в своем рапорте от 19 июня 1862 г. на имя ставропольского гражданского губернатора сообщает: «Находя со своей стороны образование словесных судей между магометанами делом чрезвычайно полезным, я осмеливаюсь выразить здесь мысль, что при настоящих условиях, когда вышеозначенные нововведения не успели еще вполне привиться к народу, нельзя надеяться на успех к осуществлению этого предположения мирно и путем убеждения на подведомственных мне кочующих племен»[47].

В 1864 г. вновь возвращаются к вопросу о внесении изменений в судопроизводство кочевых инородцев, теперь уже по предложению Караногайского пристава П.О. Рудановского, который 5 марта 1864 г. обратился к Главному приставу, отмечая, что такая мера наказания, как «выдержание провинившихся при ставке до того слабо…», что правонарушители «не придают ему никакого значения»[48]. Его предложение заключалось в «…переселении известных воров и мошенников, по крайней мере, в другие приставства к ставкам для ближайшего над ними наблюдения», так как, по его мнению, «лишение свободы располагать местом жительства и удаление от родины и родных в круге чуждых им людей сильно должно подействовать на остальных ногайцев подозрительного поведения и эта мера по всей вероятности принесет ожидаемые плоды, для спокойствия общества и сохранения его интересов»[49].

Предложение П.О. Рудановского получило широкое распространение. В фондах Государственного архива Ставропольского края отложился ряд приговоров, в которых зафиксированы решения выборных должностных лиц о выселении «порочных инородцев». Так, например, в соответствии с приговором общества трухмен Игдырова, Чавдурова и Соин-Аджиева родов Адай Кутлыбаев был сослан в Харьков «за дурное поведение и кражу скота»[50]. В следующем приговоре общество караногайцев ходатайствует о выселении в более отдаленные места «…поселенных по распоряжению начальства в соседней с караногайским приставством Астраханской губернии Язмамбета Адаидуллаева, Болота Джанибекова, Беймурзы Садымова, Азиса Ахметова и Ярыка Исках Аджиева»[51].

Контроль над действиями местных правовых институтов, которые необходимо было реформировать в соответствии с требованиями политики русификации, осуществлялся как частными приставами, так и Главным приставом и находился под пристальным вниманием ставропольского гражданского губернатора.

Анализ делопроизводственной практики в системе органов управления кочевыми инородцами Ставропольской губернии в 60–70-е гг. XIX в. позволяет утверждать, что власти стремились изменить существующий порядок судоустройства и судопроизводства в среде кочевых магометан, за исключением калмыков, исповедовавших буддизм. Произведенные частичные изменения, так же, как и планируемые мероприятия по организации судебной власти и осуществлению судебного

[46] ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3878. Л. 34.
[47] Там же.
[48] Там же. Ф. 249. Оп. 2. Д. 169. Л. 1.
[49] Там же. Л. 1 об.
[50] Там же. Д. 920. Л. 157.
[51] Там же. Л. 144.

производства, были направлены на упрощение процедуры последнего, что было обусловлено способом хозяйствования автохтонного населения, а также на одновременное повышение эффективности судебного разбирательства при декларировании принципа ограничения вмешательства администрации в процесс отправления правосудия, так как это повышало авторитет и престиж власти в среде инородцев. Ведь полная их социально-экономическая и политико-правовая интеграция являлась основной целью имперской политики на национальных окраинах.

Выводы

Таким образом, степное Предкавказье – территория кочевания калмыков, ногайцев и трухмен, являясь национальной окраиной Российской империи и подпадавшая под особую систему управления, связанную с этническими и конфессиональными особенностями населения, не была вовлечена в орбиту либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в.

Между тем региональными органами власти на местах санкционировался ряд мероприятий, в первую очередь направленных на удовлетворение потребностей имперской политики по инкорпорированию региона в общеимперское пространство, прежде всего в обеспечении преодоления языкового барьера в управленческом процессе. С этой целью открывались светские школы для инородцев, где и осуществлялась подготовка квалифицированных кадров, столь необходимых властным структурам. С другой стороны, этот процесс был обоюдовыгодным. Преимущества светского образования, безусловно, были осознанны кочевыми народами, в своем большинстве имевшими исторический опыт национальной государственности.

Следующим моментом является легитимизация имперскими властями местных правовых норм, основанных на постулатах обычного права. Внесение изменений в рассматриваемый период в существующую законодательную базу, регулирующую жизнедеятельность кочевников, соответствовало целям и задачам внутренней политики по постепенной интеграции национальных окраин в общеимперское правовое пространство.

Поступила в редакцию / Received: 17.02.2020.

Библиографический список

Бентковский И.В. Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии за 25-летие царствования Государя Императора // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 8. С. 2–12.

Васин К.Л. Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской). Омск: Омский государственный университет, 2008. 26 с.

Володин А.А. Трухменская степь и трухмены // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1908. С. 1–98.

Джумагулова А.Т. Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Современная наука и инновации. 2014. № 3. С. 35–40.

Джумагулова А.Т. Традиционные институты обычного права ногайцев в конце XVIII–XIX вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Черкесск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, 2019. С. 66–72.

Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX вв. Алма-Ата: Ставропольское книжное издательство, 1973. 185 с.

Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 237 с.

Лиджиева И.В. Охрана общественного порядка инородческими органами местного самоуправления в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 132–136. DOI: 10.17223/15617793/427/17.

Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный: АН Чеченской республики, 2017. 400 с.

Мамедов К.Н. Права подданных в различные периоды существования российского абсолютизма // Государство и право в XXI в. 2017. № 1. С. 10–14.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Саратори П., Шаблей П. Эксперименты знаний: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.

Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 743 с.

Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1909. 34 с.

Фарфоровский С.В. Народно юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк. 1909 года. Ставрополь-Кавказский: Электропечатня Вайнблат, 1910. 17 с.

Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь: Сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян-овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1910–1911. 483 с.

Miller A. The Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism // Imperial Rule. Budapest: Central European University Press, 2004. P. 9–26.

References

Bentkovskiy, I.V. “Beglyy obzor razvitiya ekonomicheskogo sostoyaniya Stavropol'skoy gubernii za 25-letie tsarstvovaniya Gosudarya Imperatora.” *Stavropol'skiye gubernskiye vedomosti*, no. 8 (1880): 2–12 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. “Trends in the administrative and legal development of the Nogai of the North Caucasus as part of the Russian Empire at the end of XVIII – 60s. XX century.” *Modern Science and Innovation*, no. 3 (2014): 35–40 (in Russian).

Dzhumagulova, A.T. “Traditsionnyye instituty obychnogo prava nogaytsev v kontse XVIII–XIX vv.” In *Nogaytsy: XXI vek. Istoriya. YAzyk. Kul'tura. O istokov – k gryadushchemu. Materialy Tret'yey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 66–72. Cherkessk: Karachayevo-Cherkesskiy gosudarstvennyy universitet im. U.D. Aliyeva, Karachayevo-Cherkesskiy institut gumanitarnykh issledovaniy pri Pravitel'stve KCHR Publ., 2019 (in Russian).

Farforovskiy, S.V. *Nogaytsy Stavropol'skoy gubernii. Istoriko-etnograficheskiy ocherk*. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo Publ., 1909 (in Russian).

Farforovskiy, S.V. *Narodno yuridicheskiye obychai turkmen Stavropol'skoy gubernii. Etnograficheskiy ocherk. 1909 goda*. Stavropol'-Kavkazskiy: Elektropechatnya Vaynblat Publ., 1910 (in Russian).

Kochekayev, B.B. *Sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye nogayskogo obshchestva v XIX – nachale XX vv*. Alma-Ata: Stavropol'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1973 (in Russian).

Kurbanov, A.V. *Stavropol'skiye turkmeny: istoriko-etnograficheskiye ocherki*. St. Petersburg: Yazykovoy tsentr SPbGU Publ., 1995 (in Russian).

Lidzhiyeva, I.V. “Protection of public order by foreign bodies of local self-government in the XIX and early XX centuries.” *Tomsk State University Journal*, no. 427 (2018): 132–136. DOI: 10.17223/15617793/427/17

Magomaev, V.Hk., and Kidirniyazov, D.S. *Nogaytsy v severokavkazskom istoricheskom protsesse v XVI – nachale XX v*. Groznyy: AN Chechenskoy respubliki Publ., 2017 (in Russian).

Mamedov, K.N. “The rights of subjects in different periods of the existence of Russian absolutism.” *State and Law in XXI*, no. 1 (2017): 10–14 (in Russian).

Miller, A. “The Empire and Nation in the Imagination of Russian Nationalism.” In *Imperial Rule*, 9–26. Budapest: Central European University Press, 2004.

Miller, A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010 (in Russian).

Saratorim P., and Shabley, P. *Eksperimenty znaniy: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2019 (in Russian).

Shcheglov, I.L. *Trukhmeny i nogaytsy Stavropol'skoy gubernii. Stavropol': Svedeniya o khozyaystve osedlykh i kochuyushchikh inorodtsev, russkikh krest'yan i khutoryan-ovtsevodov v Trukhmenskoy i Achikulakskoy stepi Stavropol'skoy gubernii*. Stavropol': Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1910–1911 (in Russian).

Tvalchrelidze, A. *Stavropol'skaya guberniya v statisticheskom, geograficheskom, istoricheskom i sel'skokhozyaystvennom otnosheniyakh*. Stavropol': Kavkazskaya biblioteka Publ., 1991 (in Russian).

Vasin, K.L. *Administrativnyye i sudebnyye reformy 60–90-kh gg. XIX v. v stepnykh oblastyakh Zapadnoy Sibiri (Akmolinskoy, Semipalatinskoy i Semirechenskoy)*. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2008 (in Russian).

Volodin, A.A. "Trukhmenskaya step' i trukhmeny." In *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*, 1–98. Tiflis: Tip. Kantselyarii Namestnika Yego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze i K. Kozlovskogo Publ., 1908 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук.

Irina V. Lidzhieva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher of the Department of Humanitarian Research, Federal Research Center, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Daniyal S. Kidirniyazov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Leading Researcher of the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 88–107
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107
Научная статья / Research article

«Обратная сторона» петровских реформ

Т.В. Черникова
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76,
tchernikova1961@mail.ru

Аннотация: Рассмотрен вопрос о «революционности» преобразований Петра I. В центре внимания автора находятся два вопроса: насколько изменился присущий Московскому государству XV–XVII вв. социокультурный вотчинный уклад под воздействием реформ Петра I и какую роль играли в петровское время произвол, взятки, казнокрадство и другие проявления коррупции. В статье рассмотрены наиболее значимые для социального статуса различных русских сословий преобразования первого русского императора: введение подушной подати и расширение в свете этого крепостного права вглубь и вширь за счет появления новых категорий крепостных крестьян, превращения черносошных крестьян в крепостных государства; интенсификация дворянской службы и сокращение землевладельческих привилегий дворянства по указу о единонаследии 1714 г. Автор приходит к выводу о том, что социальная политика Петра I не вела к разрушению социокультурного вотчинного уклада, свойственного Московскому государству в XV–XVII вв. Более того, вотчинный уклад в царствование Петра I достиг своего исторического апогея, что было одним из главных причин успешного внедрения в русскую жизнь разнообразных начинаний царя, встречающих значительное недовольство. Анализируя европеизацию (вестернизацию) в петровскую эпоху, автор приходит к выводу, что глубинный смысл, работающий на внутреннюю модернизацию страны, имели только начинания в области науки, высокого искусства и светского образования для шляхетского сословия. В остальном петровская европеизация была поверхностным подражанием. Затронут также вопрос о такой ментальной категории русского сознания, как «воля». Показана связь, казалось бы, противоположных явлений – народного стремления к воле и произвола служилых людей. В статье изучается коррупция петровского времени, которая рассматривается как одна из системообразующих основ во взаимоотношениях царской власти и социально-политической элиты, допускаемой как средство поддержания лояльности элиты, и способы манипулирования ею.

Ключевые слова: Петр I, Петр Великий, вотчинный социокультурный уклад, европеизация России, воля, произвол, коррупция

Для цитирования: *Черникова Т.В.* «Обратная сторона» петровский реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 88–107. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107

The “Flip Side” of Peter the Great’s Reforms

Tatiana V. Chernikova
Moscow State Institute of International Relations, 76, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russia,
tchernikova1961@mail.ru

Abstract: Under discussion the question if Peter the Great’s reforms were truly revolutionary. The author focuses on two aspects: the extent to which his innovations altered the patrimonial system that had dominated Muscovy over the previous three centuries, and the role arbitrariness, bribery, embezzlement and other kinds of corruption played during his reign. She examines the first Russian emperor’s

© Черникова Т.В., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

changes that most affected Russia's various estates, including the introduction of a poll tax, the conversion of peasants on state lands into state serfs, as well as the intensification of the nobility's service obligations and the reduction of its privileges. The author concludes that Peter not only did not destroy Muscovy's traditional patrimonial system, but intensified it and even used it to impose his reforms on a reluctant population. Meanwhile, although the emperor's initiatives in the sciences, arts and secular education were important, they only affected the upper class. In other respects, Peter's efforts to westernize his realm were only superficial. The author also considers how Russians regarded the notion of "freedom." She argues that there is a connection between seemingly opposite phenomena – the popular desire for freedom and arbitrariness of the service nobility. The author pays particular attention to corruption, which she considers to have had a major impact on the government's relationship with the elite, and was tolerated both to maintain the latter's loyalty but also to manipulate it.

Keywords: Peter I, Peter the Great, sociocultural patrimonial structure, Europeanization of Russia, freedom, arbitrariness, corruption

For citation: Chernikova, Tatiana V. "The 'Flip Side' of Peter the Great's Reform." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 88–107 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107

Введение

Позитивные стороны петровских преобразований достаточно изучены в отечественной историографии. Так, по вопросу пользы для России превращения ее в великую европейскую державу вследствие итогов Северной войны солидаризуются не только апологеты Петра I, но и его решительные критики, начиная с публицистов-славянофилов и кончая профессиональными историками, склонными к доказательству противоречивых итогов петровской политики. Также в большинстве своем исследователи солидарны в том, что преобразования первого русского императора означали настоящий переворот во внутренней общественно-политической жизни России. Известный историк конца XIX – начала XX в. А.А. Кизеветтер писал: «Видели грандиозный исторический катаклизм, который за раз и подвел окончательные счеты старой "московской" истории и могущественно предопределил весь дальнейший ход нашей экономической жизни?»[1]. Историки XX в. задавали вопрос: можно ли вслед за С.М. Соловьевым называть Петра I «революционером на троне»[2]?

Мы безусловно согласны с тезисом о пользе для России роста ее геополитического могущества, но вопрос о «революционности» преобразований Петра I требует более детального изучения. Кроме хорошо видимой новаторской части петровских реформ у этих преобразований была и, так сказать, «обратная сторона». Она была связана, во-первых, с совсем «непереворотным» воздействием реформ на суть прежнего вотчинного уклада социокультурной системы России. Во-вторых, в эпоху Петра явно возросли в сравнении с московским периодом масштабы коррупции во всех эшелонах власти, а главное, коррупция была включена в систему взаимообщения высшей государственной власти с политической элитой России, что, естественно, не может быть оценено положительно.

Задачами статьи будет выяснения вопросов о том, насколько преобразовательная деятельность Петра I в социальной области укрепила (или разрушила?) старомосковский вотчинный уклад, т.е. фактический статус государя как верховного собственника всех земель и ресурсов страны, выстраивающего отношения со всеми социальными слоями в рамках системы подданичества по принципу «государь – холопы». Также важно понять, почему произвол, казнокрадство и взятки не были истреблены карательными органами, созданными в конце XVII – начале XVIII в. в

[1] Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2003. С. 640.

[2] *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 326; *Эйдельман Н.Я.* Петровский период // «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 68–73.

ходе преобразований Петра I. Петровские указы, материалы делопроизводства различных органов власти, записки современников предоставляют обширный материал для изучения поставленных выше вопросов.

Петровские преобразования и вотчинный уклад в России

Социальные преобразования Петра I имели парадоксальный эффект. С одной стороны, они заложили предпосылки для перехода к подлинной европеизации образа жизни и менталитета социальной элиты России. С другой, основная масса российского населения так и не вышла из средневекового и бесправного положения «холопов государевых».

Этот итог будет понятен, если вникнуть в природу петровской вестернизации, которая явилась новым этапом того процесса, который начался еще с создания единого Русского государства в княжение Ивана III и продолжался в XVI–XVII вв. Этот процесс представлял собой своеобразную поверхностную европеизацию, сутью которой являлось заимствование разнообразного военного, технического и культурного опыта модернизирующейся Европы. При этом внутри Московии государство и церковь поддерживали социокультурный барьер на пути прямого взаимодействия русского населения с западноевропейским влиянием.

Целенаправленно разрушить данный барьер попытался Лжедмитрий I, а до него – отчасти Борис Годунов. Спонтанно и переменчиво в данном направлении развивались события весь XVII в. – от Смуты до регентства царевны Софьи в начальный период царствования Ивана V и Петра I. По-настоящему самостоятельным правителем Петр стал только в 1695 г., после смерти своей матери, и сразу заявил о себе решительными военными и внешнеполитическими действиями (Азовскими походами 1695–1696 гг. и Великим посольством 1697–1698 гг.). В это время его почти детское восхищение Западной Европой, порожденное увиденным в столичной Немецкой слободе, переросло в желание сделать европеизацию России стержнем государственной политики.

Петр своей волей государя разрушил социокультурный барьер на пути общения подданных с иностранцами, что выглядело настоящей революцией. Но так ли была глубока «петровская революция»?

Заставив дворян получать светское образование дома или за границей, царь заложил базу для интеллектуальной модернизации элиты. Это было необходимо в условиях Северной войны для завершения процесса создания регулярной профессиональной армии, который был начат еще первыми Романовыми. Военные нужды также простимулировали рост национальной промышленности и внешней торговли, что отчасти способствовало появлению в экономике России тех ростков, которые могли дать старт процессу модернизации хозяйства и всего общества в будущем.

Но ломало ли это внутренний «каркас» вотчинного уклада? Несмотря на наличие прежних форм общественно-политического бытия, он как раз не претерпел кардинальной перестройки, более того, именно вотчинное служилое устройство российского государства позволяло царю Петру сравнительно легко преодолевать недовольство тяглых слоев населения, вызванное ростом налогов, государственных работ, расширением крепостничества. Старомосковские традиции служилых людей способствовали беспрепятственному увеличению интенсивности их службы при сокращении с 1714 г. землевладельческих привилегий дворян. Государство предписывало подданным форму одежды, причесок, определяло, как строить дома, чем жать рожь, каких заводить овец и т.д. Царь не стремился услышать мнения сословий, которые к тому же не имели никаких корпоративных институтов для выражения или защиты своих сословных интересов, а потому у государя не было необходимости в лавировании между различными слоями элиты. Такое положение было

естественным для государств вотчинного типа, но в корне отличалось от западноевропейских политических систем, как средневековых, так и раннего Нового времени. Чуть ниже мы покажем, что в сравнении со «старомосковскими временами» вотчинное государство Петра I усилилось, а вотчинный уклад организации жизни в целом достиг своего исторического апогея. К.С. Аксаков правильно констатировал установление Петром I «ига государства над землею»[3], но, как все славянофилы, будучи склонным к идеализации старомосковской Руси и перенесению реалий земской монархии, установившейся после Смуты на короткое время 1613–1653 гг., на весь старомосковский период, не понял прямого родства петровской России с вотчинным укладом Московской Руси XV–XVII вв.

Вотчинный уклад в России в силу своей конструкции всегда имел персоналистское воплощение. Петр I был харизматичен и решителен не менее Ивана Грозного и подобно последнему был склонен к силовым решениям социально-политических конфликтов. «Начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни», – написал А.С. Пушкин. «Казни» Петра одержали полную победу над всеми вооруженными выступлениями стрельцов, донских казаков, горожан Астрахани, башкирских повстанцев. Бегущие в леса и «спасающиеся гарями» раскольники были вытеснены из числа действующих лиц истории, способных влиять на судьбу русской нации. Остальные старообрядцы, обложенные двойными налогами или угодившие на каторгу, «тянули» на государя более прочих православных тяглецов.

Ярче всего проступает сохранность вотчинного уклада в петровской России через анализ перемен в статусе всех русских сословий в 1695–1725 гг.

Противоречащий сути модернизации процесс расширения крепостного права вглубь и в ширь в конце царствования Петра вышел на новый рубеж. После введения в 1724 г. подушной подати крестьянство, составлявшее более 90 % населения, практически все стало крепостным. Исключением можно считать лишь немногочисленный слой однодворцев, однако они помимо тягла должны были нести регулярную военную службу. К частновладельческим крестьянам, которых появившаяся при Петре практика продажи крепостных без земли приблизила к статусу прежних холопов, прибавились новые категории крепостных в лице приписных и поссесионных крестьян. Значительная часть монастырских крепостных, подобно дворцовым крестьянам, эксплуатировалась государством, т.к. Петр через возрожденный в 1701 г. Монастырский приказ, а с 1721 г. через Синод переводил значительную часть доходов церковного землевладения на государственные нужды. Бывшие черносошные крестьяне при реализации подушной реформы были не просто переименованы в государственных. Необходимость выплаты ими сверх подушного оклада в 74 коп. еще и оброка государству, приравненного к среднему размеру оброка с частновладельческих помещечьих крестьян в 40 коп., свидетельствовала о крепостном статусе государственных землепашцев. Просто их владельцем напрямую являлась казна. Никуда не делась и прежняя практика XV–XVII вв. одним расчерком пера государя-вотчинника превращать бывших черносошных, а с 1724 г. государственных крестьян в помещичьих крепостных. Многочисленные безродные птенцы гнезда Петрова составили через это новую землевладельческую знать. Например, один из них – Александр Меншиков, получивший от царя 100 тыс. крепостных, вошел наряду с родовитыми Б.П. Шереметевым и А.М. Черкасским в число самых богатых после царя частных персон.

Правда, головокружительный успех безродных любимцев, как и богатство старой знати, легко разрушались при потере доверия монарха, что происходило и при Петре и после него в эпоху дворцовых переворотов. Имения и имущество

[3] *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 195.

опальных, а также членов их семей, несмотря на отмену еще в 1682 г. местничества как системы коллективной ответственности родственников, конфисковывалось в казну, а неудачники кончали жизнь в ссылке или на плахе. Судьбы В.В. Голицына, М.П. Гагарина, А.Я. Нестерова, П.П. Шафирова, А.А. Курбатова, а в послепетровское время А.М. Дивиера, А.Д. Меншикова, многочисленных Долгоруковых, А.И. Остермана, Ф. Миниха, Лопухиных и многих других – тому пример.

Если же перейти от отдельных персон к дворянскому классу в целом, то при Петре его землевладельческие права сократились в сравнении с практикой и законодательством предшествующих царствований второй половины XVII в. В противовес определениям школьных учебников русская вотчина XV–XVII вв., конечно, не была безусловной собственностью своего владельца. Однако любой вотчинник мог законно распоряжаться ею, по своему усмотрению продать, подарить, заложить, разделить ее между наследниками. В случае изъятия вотчины государем без опалы он, как правило, получал в компенсацию другую вотчину или поместье. Последнее было, конечно, хуже, т.к. закон, включая Соборное уложение 1649 г., не позволял завещать, дробить, дарить, продавать, закладывать поместья. Отпущенному в отставку негодному к службе человеку оставляли на прожиток лишь часть прежнего поместья в отличие от вотчины. Также поступали в отношении вдовы служилого по отечеству и его малолетних отпрысков. Однако у сыновей дворян, когда они в 15 лет во исполнение своего сословного долга выходили на бессрочную государеву службу, было право получить свое новое поместье. К тому же во времена Алексея Михайловича и Федора Алексеевича появилась практика с согласия Разрядного и Поместного приказов, допускавшая с просьбы дворян служить с отцовского поместья, а также по согласованию с названными приказами обмениваться поместьями и даже производить между собой по обоюдному согласию обмены поместий и вотчин.

Петровский указ о единонаследии 1714 г. разрушил связь между сословной обязанностью российских служилых людей по отечеству нести пожизненно службу государю и их правом на получение землевладения (поместья, реже – вотчины). Слияние в 1714 г. поместья и вотчины в одну форму дворянского имения привело не к росту землевладельческих привилегий шляхетства, а как раз к их урезанию. Вотчинники утратили свои прежние права на свободное распоряжение вотчиной. Продажа и заклад всех дворянских имений были Петром запрещены, права наследования урезаны. Отцы могли завещать поместье и крепостных только одному наследнику, остальные дети мужского пола должны были довольствоваться денежным жалованием за службу. Причем Петр подчеркивал в своем указе, что сделано это, чтобы от службы не укрывались, а имели большее к ней хотение. Учитывая постоянное пребывалие дворян в полках и гражданских учреждениях, отмену испомещения за службу, несвоевременную выплату жалования и невысокий по западным меркам его размер, конкуренцию с попавшими в число новых личных и потомственных дворян по Табели о рангах 1722 г. выходцах из «подлых» сословий, положение российских служилых людей по отечеству вряд ли можно считать улучшившимся.

Усиление служебных обязанностей дворян на фоне усилевшегося вмешательства верховной власти в их землевладельческие привелегии, падение социального статуса всех категорий крестьянства, привлечение к исполнению обязательных государственных служб купцов и посадских людей при постоянном росте прямых и косвенных налогов на них приводит к мысли, что понятие «закрепощения всех сословий», введенное в научный оборот в XIX в., как нельзя лучше характеризует общественно-политические итоги социальных реформ Петра I.

Это даже отдаленно не напоминало ведущую тенденцию социально-политической жизни Запада, где наблюдался неуклонный распад старой сословной структуры, а поднимающаяся из третьего сословия буржуазия, чьи интересы, преимуществен-

но экономические, неплохо защищала верховная власть, вместе с дворянством шпаги и мантии стала частью социальной опоры монархий. Западноевропейский абсолютизм, многие институты которого и внешний облик так успешно копировал Петр, в социальной природе своей был совершенно не похож на петровское самодержавие. Абсолютизм Петра опирался на его право государя быть верховным собственником земли и всех ресурсов, в то время как абсолютизм западноевропейский проистекал из постоянного лавировании монарха между интересами перового и второго сословий и поднимающейся буржуазии. Так что знаменитая фраза, приписываемая французскому «королю-солнцу» Людовику XIV: «государство – это я», куда лучше подходит российскому царю Петру I.

Сам Петр чувствовал, что его методы правления отличаются от европейских, и объяснял это природой своих подданных. Современники приписывали царю следующее высказывание: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если б не употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей»[4].

Диссонанс между «европейскими» стремлениями и «неевропейскими» методами Петра требует анализа целеполагания Петра в ходе его преобразований.

Противоречия идеологических установок Петра I

Курс на «закрепощение всех сословий» стал приводным ремнем для достижения военных и внешнеполитических целей правительства. При этом идеологическое оформлении преобразований всегда имело вестернизаторскую риторику, что резко отличало его от внешней формы прежней государственной идеологии.

В сознании Петра диалектически слились два противоположных начала. С одной стороны, интуитивно усвоенное им право государя-вотчинника самому определять национальные интересы страны и отказывать обществу в праве иметь иные интересы, кроме служения верховной власти. С другой стороны, в идейной парадигме Петра после возвращения из Великого посольства присутствовала западноевропейская идея о государстве как инструменте, призванном осуществить высший идеал общественного блага. Первое присутствовало как средневековая религиозно-идеологическая ментальная аксиома, второе было следствием напряженной работы рациональной составляющей сознания монарха.

В идеологии европейского Просвещения абсолютный монарх представлялся главным слугой Отечества. Именно в этой роли являет себя Петр в речи перед армией накануне Полтавской баталии 27 июня 1709 г.: «Ведала бо российское воинство, что оной час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродитися России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себе быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»[5]. Возможно, прав Е.В. Анисимов, предположивший, что приведенные выше слова не были сказаны Петром непосредственно перед участниками Полтавской битвы[6]. По крайней мере в «Журнале или Поденной записке» на страницах, где описано участие царя в Полтавском сражении, никакая речь не значится[7]. Скорее

[4] Петр I в его изречениях. Репринт с издания 1910 г. М., 1994. С. 111.

[5] *Павленко Н.И.* Петр Первый и его время. М., 1983. С. 67.

[6] *Анисимов Е.В.* Миф Великой Виктории: Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. 2009. № 7. С. 50–55.

[7] Журнал или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1770–1772. С. 210–215.

всего, текст речи появился впервые в истории России, доведенной до 1709 г.[8], которую, как полагают, составил Феофан Прокопович. Этот профессор Киевской духовной академии привлек внимание Петра своим блистательным панегириком в честь Полтавской победы, и впоследствии Прокопович стал главным пропагандистом государственных начинаний царя.

Но сам момент рождения данной речи и ее авторства не так важны. Важно, что государственная идеология первой четверти XVIII в. декларировала именно такое понимание монархом своего долга. Именно в таком ракурсе выстраивалось описание деятельности царя первой русской печатной газетой «Ведомости», в таком духе выдерживалась риторика петровских указов и сам царь неустанно напоминал подданным, что считает себя первым слугой государства. Выдающиеся сподвижники Петра I и большинство публицистов разделяли подобный заимствованный у европейского Просвещения взгляд. Через идейный пафос панегириков и публицистики Феофана Прокоповича, труда П.П. Шафирова о причинах Северной войны[9], двух петровских изданий «Марсовой книги», в гравюрах и текстах, прославлявших подвиги российского воинства на полях Северной войны, постулаты, сформулированные в «полтавской речи Петра», стали маяком официального нравственного и идейного целеполагания внутренней и внешней политики европеизированной России. Дальнейшую канонизацию такого понимания как единственно верную провели историки петровской эпохи второй половины XVIII в. – И.И. Голиков и П.Н. Крешкин.

Субъективное стремление Петра следовать просвещенческому пониманию своего гражданского долга сопровождало царя всю его сознательную жизнь (за исключением двух эпизодов малодушия[10]). В готовности Петра к самопожертвованию во имя государственных интересов не сомневались ни его современники, оставившие мемуары, ни потомки. Для режима русской просвещенной монархии, как ее понимала Екатерина II, действия Петра стали ориентиром, что символически было выражено в установленном по ее приказу Медном всаднике со много говорящей надписью на пьедестале: «Петру Первому Екатерина Вторая». Не меньшее впечатление фигура царя-реформатора произвела на «некоронованного короля» просвещенной Европы Вольтера. В своей истории царствования Петра I знаменитый просветитель представил российского императора чуть ли не идеалом прогрессивного европейского правителя, который как первый слуга Отечества стоял выше своего противника Карла XII, призвавшего шведов перед началом Полтавской битвы помнить о своей славе лучшей армии Европы.

Однако ментальное наследие вотчинного уклада не дало русскому царю Петру Алексеевичу понять вторую сторону европейской идеи просвещенной абсолютной монархии, где общество есть равноправный партнер государства. Наследие московской средневековой государственной традиции с ее социальным институтом подданичества, порождающим инфантильность сословий, неспособность их к внутренней консолидации и самостоятельным общественно-значимым действиям, представления о патернализме как идеальном политическом режиме, побуждали Петра как «отца Отечества» видеть в шляхетстве и прочих сословиях лишь слуг, долг которых, как и у прежних «холопов государевых», в безропотном повиновении. Не случайно

[8] *Болтин И.Н., Львов Н.А.* Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии. СПб., 1779.

[9] *Шафиров П.П.* Рассуждение, какие законные причины его Царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский… к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел… СПб., 1717.

[10] Речь идет о бегстве в Троице-Сергиев монастырь по получении 8 августа 1689 г. ложного слуха о движении войск Софьи на Преображенское и оставлении в ноябре 1700 г. армии под Нарвой на произвол судьбы при известии о высадке шведского десанта.

идеалом правителя для Петра I был не какой-нибудь просвещенный монарх Европы, а «родной» Иван Грозный.

Характерен в этом плане эпизод, описанный в «Дневнике» Ф.В. Берхгольца, сына голштинца, генерала русской службы. Сам Берхгольц много прожил в России, в 1721 г. вернулся сюда, будучи камер-юнкером у голштинского герцога Карла Фридриха, жениха старшей дочери Петра I Анны. В январе 1722 г. Петр прибыл в Москву, где праздновали триумф по случаю Ништадского мира. Карл Фридрих построил арку, украшенную портретами Ивана Грозного с надписью «Incepit» *(начал)* и Петра I с надписью «Perfecit» *(усовершенствовал)*. Петру аналогия понравилась и он сказал: «Этот Государь (указав на царя Ивана Васильевича) – мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в храбрости; но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойств его народа и великих его заслуг, называют его тираном»[11].

Трудно здесь не вспомнить и вывод-афоризм В.О. Ключевского, который писал: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»[12].

Правда, по нашему мнению, «совместное действие деспотизма и свободы» скорее характеризует эпохи Екатерины II и Александра I, нежели время Петра I, где трудно найти свободу какого-либо сословия или частного лица, за исключением самого царя. В лексике петровских законов редко встречается понятие «общественное благо», но его аналогом служит часто употребляемое словосочетание «добрый порядок». То, что подданные плохо его соблюдают или вообще норовят нарушать, Петр объяснял тем, что «...обычай есть, – проклятым ябедникам все указы своими вымыслами портить»[13].

В помыслах Петра и в практике его действий война являлась главным средством обеспечения «государственного блага». Подобный взгляд был своего рода политической догмой всех правителей, начиная от властителей Древнего мира и кончая просвещенными монархами Европы XVII–XVIII вв. Европейская элита раннего Нового времени вполне разделяла этот взгляд, отдавая приоритет военной службе и выработав четкие представления о нравственном долге мужчин как прежде всего воинов. Современной и совершенно европейской для XVIII столетия являлась и главная политическая мечта Петра I видеть Россию в «клубе великих держав».

При этом одержимость Петра войной опиралась не только на любезные ему европейские представления, но и на особенности становления Московской Руси как единого и независимого государства. Без наличия к середине XV–XVI вв. идущего снизу от общества необходимого социально-экономического фундамента для централизации страны военное принуждение к единству со стороны верховной власти перед лицом явных, а порой и выдуманных внешних врагов явилось главным инструментом конструирования Российского царства. Реальная бедность Московии компенсировалась быстрым ростом страны вширь, количественным прибавлением ресурсов и тяглецов, что позволяло монарху-вотчиннику концентрировать в своей руке все большие

[11] *Анисимов Е.В.* Петр Великий личность и реформа. СПб., 2009. С. 11.

[12] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1989. С. 203.

[13] *Гилленкрок А.* Современные сказания о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 69–70.

доходы, которые, в свою очередь, выливались в рост военной силы. Она обеспечивала российскую колонизацию в восточном направлении и позволяла сохранять конкурентоспособность России перед лицом более развитых западных соседей.

Петр, как и прежние старомосковские монархи, воспринимал рост территории России в качестве главного инструмента обеспечения «пользы и прибытка общего». В речи, произнесенной 22 октября 1721 г. по случаю заключения Ништадтского договора, он говорил, что «...надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам перед очи кладет как внутрь, так и вне, отчего облегчен будет народ»[14].

Петр и незавершенность процесса модернизации в России

Другое дело, что, как видно с высоты XXI в., национальные интересы России состояли не в превращении ее в великую европейскую державу за счет роста военного и внешнеполитического могущества, а в модернизации страны, преодоления ее средневековой в сравнение с западноевропейскими странами социокультурной отсталости. Эта задача петровским временем решена не была, а спровоцированный военными потребностями процесс породил новые суррогатные формы европеизации, мешавшие развитию глубинных модернизационных тенденций, особенно в вопросе состыковки государственного понимания «общего блага» с реальными интересами различных сословий.

Предпосылки для подлинной модернизации петровская политика создала лишь в области перенесения на русскую почву западноевропейских науки, архитектуры и изобразительного искусства, в создании системы светского образования. Однако все это коснулось лишь образа жизни шляхетского сословия и частично верхов городского населения. В итоге возник мучительный раскол средневекового российского большинства с российской элитой, интеллектуально и ментально идущей уже в Новое время. Этот глубокий социокультурный разлад внутри российского общества славянофилы неправильно восприняли как противоречие «истинно русского народного» с «чужим, западным», усвоенным дворянской верхушкой.

Незавершенность модернизации всех сфер российской жизни станет в дальнейшем (вплоть до современной России, вступившей вместе с остальным человечеством в эпоху постмодерна), хронической болезнью (или особенностью) русской социокультурной системы. Усиление крепостного права при Петре I стало одним из главных механизмов консервации не только средневековых форм хозяйства и структуры общества, но и иррациональных форм мышления подавляющей части населения.

Средневековые ментальные пережитки сохранялись и в сознании элиты. Одной из таких ментальных средневековых констант, роднящих стереотипы сознания и дворян и простонародья, была тяга к воле. Мечта о воле была антиподом подданического чувства необходимости подчинения верховной власти, хотя провоцировалась она и одновременно загонялась в подсознание именно прессингом власти. Воля для бесправного простолюдина – это уход от всех обязанностей: по отношению к государству, обществу, семье, законам, морали и даже в какой-то степени вере, ибо дает возможность игнорировать нагорную проповедь Христа и страх наказания за смертные грехи. Стремление к воле толкало наиболее отчаянных и отчаявшихся простолюдинов к татьбе и разбою. Прелестные письма вождя крестьянского восстания Кондратия Булавина призывали «чернь», казачью «голытьбу», «атаманов-молодцов, дорожных охотников, воров и разбойников... с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить»[15]. Народный бунт был высшим проявлением жажды воли. Именно это и делало его

[14] *Павленко Н.И.* История Петра Великого. М., 2006. С. 477.

[15] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Национализм и европеизм. М., 1995. С. 179.

«бессмысленным» по результатам для общества и «беспощадным» к тем, кого считали губителями воли.

При этом народная память возвеличивала тех, кто в наибольшей степени приблизился к воле. И нет ничего удивительного, что в фольклоре среди таких счастливцев не только атаманы-разбойники (от мифического Кудеяра до реальных Стеньки Разина и Пугача), но также и волевые цари! Иван IV – не «Ужасный» (как переводили его прозвание западные иностранцы) – он Иван Грозный, а царь Петр – не Антихрист из старообрядческих сказаний, он – Петр Великий, во многом именно в силу того, что произвол над подданными и того и другого государя был явно выше прочих русских правителей.

Слова «произвол» и «воля» неслучайно однокоренные слова. Элита, наделенная государем частью власти над «подлыми людьми», также стремилась по своей воле выйти за рамки дозволенного официальным законом. Желание народом воли и произвол «начальников» вытекали из одного ментального источника. Нет поэтому ничего удивительного, что «птенцы гнезда петрова», поднятые из простонародья, часто превосходили в произволе по отношению к прежним своим социальным собратьям родовитых господ.

Стоит ли указывать, что рожденное модернизацией западноевропейское понятие свободы как совокупности прав и обязанностей в рамках гражданского общества совершенно не совпадает с тягой русского человека к воле.

Коррупция как часть управленческой системы

С петровским временем связано много историй о произволе и попытках царя бороться с этим. Одна из них рассказывает, как однажды в Сенате, слушая дела о казнокрадстве, Петр приказал генерал-прокурору Павлу Ягужинскому писать указ: кто украдет государственных средств, достаточных для покупки веревки, будет повешен. «Всемилостивейший государь, – заметил на это с улыбкой Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все воруем, с тем только различием, что один ворует более и приметнее, нежели другой». Эти так кстати сказанные слова произвели свое действие: государь рассмеялся и не сказал более ни слова»[16].

Указ не состоялся. Да и была ли в нем нужда? Артикул Воинский уже в 1715 г. систематизировал уголовное право, введя суровые наказания за казнокрадство, взятки и произвол военных и прочих чинов. А всего с 1689 по 1725 гг. на эту тему было издано 392 указа, что свидетельствует не столько о борьбе с коррупцией, сколько о безуспешности попыток ее пресечь.

О казнокрадстве и взятках постоянно сообщают иностранные резиденты. Например, Вебер, брауншвейгский посол, писал своему правительству «со слов сведущего русского», что из 100 руб. податей лишь 30 поступают в казну, «остальные чиновники делят между собою за труды... и хотя повелением его величества многие из них искореняются, но чиновники с изумительной быстротой приискивают новые»[17].

До 1710 г. практически не возбуждалось громких дел о служебных злоупотреблениях и казнокрадстве. Однако в 1711 г. наметилась новая тенденция. Указом от 22 февраля 1711 г. Петр учреждает ведомство фискалов. Что было причиной? Исследовавший этот вопрос современный историк Д.О. Серов пишет: «Возможно лишь предположить, что на решение царя создать фискальскую службу могли повлиять его опасения за уровень налоговой платежеспособности населения (от которого слишком за-

[16] Анекдоты и предания о Петре Великом (По Голикову и др.) СПб., 1806. URL: https://coollib.com/b/351943/read.

[17] *Павленко Н.И.* История Петра Великого… С. 490.

висела боеспособность действующей армии). Между тем достигшие значительных размеров неуказные сборы и взятки чиновников на местах (вовсе не слышать о которых Петр I не мог) грозили эту платежеспособность вконец расстроить»[18].

Фискальское ведомство, подчиненное Сенату, формально вначале возглавлялось бывшим учителем Петра I, добродушным и недалеким Н.М. Зотовым. На деле главой службы в 1711–1715 гг. стал обер-фискал М.В. Желябужский, которому были подчинены провинциал-фискалы (24 человека), а тем – городовые фискалы. В Москве действовало четыре провинциал-фискала. При Желябужском в Петербурге находилось два провинциал-фискала – А.Я. Нестеров и С.Н. Шепелев. По данным Д.О. Серова, к весне 1713 г. в фискалах помимо новой столицы числилось 153 человека[19]. Огромный штат по тем временам, больше, чем у двух органов политического сыска вместе взятых – Преображенского приказа и возникшей в связи с делом царевича Алексея в 1718 г. Тайной канцелярией. В конце петровского – начале екатерининского царствований в России действовало уже 233 фискала, причем все их «ипостаси» указом от 23 ноября 1724 г. были возведены в чины, равносильные военным чинам от поручика до генерал-майора[20]. В 1711 г. перед фискалами поставили задачу смотреть, чтобы «преступлений не было указам». Конкретизировали компетенции фискалов указом от 17 марта 1714 г., где «помимо общего надзора, законодатель возложил на фискальские органы полномочия возбуждать уголовные дела и собирать по ним доказательства, а также выступать с обвинением в суде от имени государства»[21]. Высшей судебной инстанцией выступал Сенат, низшими – прочие административные органы. Это было курьезно, т. к. в случае, например, преступлений сенаторов их же коллеги и должны были выносить вердикты.

В 1712–1713 гг. фискалы завели множество дел. Только от московских фискалов за июль – октябрь 1713 г. в Сенат поступило 107 дел. Доносили на управленцев разных должностей – от низших чинов провинциальных канцелярий до высокопоставленных особ (так, по «подрядной афере» (поставка ружей в армию) проходили фаворит царя А.Д. Меншиков, сенаторы В.А. Апухтин и Г. И. Волконский).

Петр отреагировал на фискальское рвение выпуском ряда грозных законов. Указ от 23 октября 1713 г. разрешал подданным сообщать о казнокрадстве, взяточничестве и неуказном произволе прямо царю. За правый донос доносителю полагалась половина конфискованного имущества преступника или половина наложенного на него штрафа. Жестокими казнями грозил казнокрадам и взяточникам указ от 24 декабря 1714 г. Но на практике быстро наказывали и часто казнили лишь низших и средних чинов, а большинство дел статусных сановников «зависали». Сенат уклонялся от принятия решений по множеству возбужденных фискалами дел. «...По их фискалским доношениям… чинитца медление… А которые люди по оным их фискалским доношении достойны бо суть возваны быти на суд, и таким продолжением чинитца им лгота»[22], – читаем в донесении московского провинциал-фискала А.П. Ляпина.

К 1714–1715 гг. репутация самого института фискалов стала противоречивой. Фискалов ненавидели, часто справедливо из-за ложных доносов, за которые они не несли ответственности. Фискалы не имели жалования и жили лишь отчислениями с имущества или штрафов с преступников. Местоблюститель патриаршего престола С. Яворский с церковной кафедры однажды осудил фискальский произвол, за что получил от царя нагоняй. Но в 1714 г. появился царский указ, наказывающий фис-

[18] *Серов Д.О.* Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в. Екатеринбург, 2010. С. 22.

[19] Там же.

[20] *Кириллов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. С. 338.

[21] Там же. С. 24.

[22] Там же. С. 25.

кала за ложный донос тем же штрафом, который мог быть наложен на напрасно оговоренных. Но если ложно было сказано по ошибке, без умыслу, то этот указ освобождал фискала от наказания.

Самым опасным считали провинциал-фискала А.Я. Нестерова, фанатика своего дела. Этот уже не молодой выходец из «подлого сословия» служил рьяно, чем и заработал похвалы Петра I. Нестеров не страшился вельмож. Доносил он и на главу военного ведомства, сенатора известного своей принципиальностью петровского любимца князя Я.Ф. Долгорукова, и на его брата Григория. У первого открылись манипуляции доходами с не принадлежавших ему земель, незаконные доходы при поставке ружей в армию и незаконная торговля клеем. Григорий Долгоруков скрывал дезертиров, заставляя их работать на себя. Однако заслуги Долгоруковых на государевой службе заставили Петра закрыть глаза на их проступки. В 1714 г. А.Я. Нестеров представил также доказательства вины своих коллег. Многих фискалов он обвинил в отсутствии деятельной службы. Нестеров доносил, что штрафы, которые он на этих «тунеядцев» налагал, отменял Желябужский по корпоративным шляхетским соображениям, а случаи вымогательства и казнокрадства были и за самим Желябужским. Нестеров добился увольнения собственного начальника – оберфискала Желябужского и назначения себя на эту должность.

Вскоре открыли 20 крупных дел. Под следствием оказались видные сановники, включая сенатора Г.И. Волконского (скрывал дезертиров), «первостатейного купца» в столицах М.Г. Евреинова с сыном (с дозволения сибирского губернатора Гагарина вели незаконную торговлю в Сибири табаком), астраханского губернатора А.П. Волынского (взял у купцов на государственные нужды 20 000 руб. и присвоил себе), сибирского губернатора князя М.П. Гагарина с племянниками. Явились подозрения в огромном казнокрадстве и произволе светлейшего князя Меншикова, и царь приказал Нестерову собирать доказательства вины своего любимца. Но Нестеров, с которым заносчивый Меншиков всегда держался уважительно, решался доносить на светлейшего князя, лишь когда видел признаки охлаждения к нему Петра I.

Тем временем царь, видя нелогичность жалоб на сенаторов, делает перестановки в фискальско-судебной системе. Суды по делам, заявленным фискалами, изымаются из Сената и прочих административных органов и передаются в создаваемые «майорские канцелярии», в которые царь отряжает лично знакомых ему гвардейских офицеров. Сопряжение военной службы с судейскими функциями неподготовленных к судейскому ремеслу военных было, конечно, вне всякой логики и принципов построения европейского регулярного суда Нового времени. Зато было совершенно в духе служебных традиций старомосковского вотчинного государства, не знавшего разделения между военной, судейской и прочими видами службы. А главное, не доверяя полностью ни сенаторам, ни фискалам, царь экспериментировал, надеясь найти в главах «майорских канцелярий» то «око государево», через которое он лично будет в курсе всего негатива и сам будет решать, кого миловать, а кого казнить, просто передавая свои вердикты главам «майорских канцелярий». На проверку судебная волокита не уменьшилась, а основная масса высокопоставленных обвиняемых отделалась испугом, начислением «начетов» (сумм, которые надо было вернуть в казну в течение нескольких лет). Из видных особ единицы были выдраны кнутом или отстранены от должности. Меншикова, по легендам, царь лично бил дубинкой, грозил, что кончит тот веревкой, а по документам, на светлейшего начисляли крупные «начеты», которые тот так до конца и не выплатил.

Меншиков находился под следствием с 1713 по 1725 гг. Выяснилось, что он оформлял подряды на подставных лиц на поставку хлеба в армию, при этом завышал цену, по которой казна оплачивала его подряды. Сначала в 1710 г. доход светлейшего составлял 15,6 %, в 1712 – уже от 60,3 % по одним подрядам до 63,7 % по

другим (общая сумма дохода 48 343 рубля). По царскому же указу прибыль подрядчика не могла превышать 10%. В итоге общая сумма «начета» на Меншикова в 1714 г. вместе со штрафами составила 144 788 рублей. Однако канцелярия В.В. Долгорукова, которая вела следствие по махинациям Меншикова, решила продолжить изучение его дела и обнаружила факты прямого казнокрадства на «фантастическую», как ее охарактеризовал Н.И. Павленко, сумму в 1 018 237 руб. На петербургского генерал-губернатора должен был пасть «начет» в 1 163 025 руб. Меншиков отбивался, говоря, что в 1703–1709 гг. много казенных денег издержал на подкупы при иностранных дворах и для оплаты шпионов, что проверить было невозможно. В итоге считали растраты с 1710 г. и насчитали 324 354 руб. Из этого долга царь велел вернуть в казну 162 177 руб.[23] Все это время Александр Данилович оставался обладателем высоких чинов и должностей, не лишившись их и до кончины императора.

А на эшафоте, как того требовали законы, из видных знатных особ оказался один князь М.П. Гагарин. На его случае стоит остановиться. Интересный материал о князе Гагарине был собран в начале XX в. сибирским краеведом и военным историком Г.Е. Катанаевым[24], на него мы и будем опираться. Гагарин был стольником еще в регентство Софьи, но и у Петра I долго находился в полном доверии, о чем свидетельствует назначение его Московским комендантом в 1707 г., когда ожидали движения шведов к Москве. Именно в 1707–1709 гг., в период своего фавора у царя, князь стал одним из богатейших людей России, построил роскошные дома в Москве и Петербурге. С 1710 г. фортуна стала отворачиваться от него. Первоначальное фискальское обвинение Нестерова поступило на Гагарина в 1714 г. и сводилось к тому, что князь свои товары и товары близких ему людей продает в Китай под видом государственных и от того имеет большую выгоду и допускает к торговле с Китаем только «своих». Гагарину приказали выслать из Сибири родню и друзей, но не более. Но Нестеров продолжал «копать», и в 1715 г. Гагарин уже был вызван в Петербург для выяснения, почему за 1711 г. из Сибири в бытность его губернатором поступило мало налогов. Но комиссия В.В. Долгорукова оправдала князя, т.к. реально Гагарин был отправлен в Тобольск только в 1712 г. Недоимка за Сибирской губернией числилась большая, и дело по ней велено было продолжать. Назначили новую комиссию. К 1718 г. Гагарин отослал в зачет недоимки более 200 тыс. руб., но по таможенным сборам оставалось еще 300 тыс. Пока шло следствие, в 1715 – начале января 1719 гг. князь продолжал управлять Сибирью.

Документы, отразившие деятельность Гагарина на посту губернатора, рисуют его даровитым и предприимчивым управленцем, настоящим сыном своего времени, не упускавшим случая нарастить и собственное состояние. За время его губернаторства в Тобольске был построен каменный Кремль и обнесен каменной стеной с башнями Малый город. По царскому приказу, князь распоряжался судьбой сосланных в Сибирь шведских пленных. Часть их работала на возведении Кремля, другая была отправлена в Охотск для строительства судов, на которых эти же шведы организовали морское сообщение между Охотском и Камчаткой. По поводу пленных шведов современник камер-юнкер Ф.В. Берхгольц записал в своем «Дневнике», что Гагарин «...делал, как говорят, много добра сосланным туда пленным шведам, для которых в первые три года своего управления истратил будто бы 15 000 рублей собственных денег»[25]. В 1716 г. по приказу губернатора прорыли канал, соединивший Тобол и Иртыш недалеко от их устья. В начале XVIII в. в Сибири получил распространение промысел «бугровиков», потрошителей скифских курганов. Часть найден-

[23] *Павленко Н.И.* История Петра Великого… С. 493–494.
[24] *Катанаев Г.Е.* Князь Матвей Петрович Гагарин. Сибирь эпохи Петра Великого. Тюмень, 2005.
[25] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725. М., 1902. С. 71.

ных драгоценностей оседала в «кармане» губернатора, часть он отсылал в подарки важным лицам. Сам Петр получил в 1716 г. посылочку золотых вещей весом в 22 кг. В 1717 г. губернатор издал приказ, что все найденные ценности из курганов надлежит сдавать в казну, хотя, бесспорно, часть найденных богатств по-прежнему отходила Гагарину. Но вряд ли хищения Гагарина могли сравниться с размахом казнокрадства петербургского губернатора Меншикова, но обошелся с ним впоследствии царь куда суровее.

В 1718 г. Петр приказал Гагарину прибыть в столицу для участия в суде над царевичем Алексеем, но после находившегося еще под следствием губернатора опять отпустили в Тобольск. Окончательно Гагарин был отставлен от должности и отдан под караул 11 января 1719 г. Прибывший в Тобольск майор Лихарев составил перечень злоупотреблений князя, в который вошли и явно надуманные обвинения, типа предумышленной задержки дипломатической переписки с Китаем и виновности князя в плохой организации экспедиций за границу России в поисках золотых приисков, отчего большая часть участников этой авантюры погибла (идея послать экспедицию исходила от царя).

Завершение долгого дела Гагарина пришлось на 1721 г. В феврале велели пытать слуг Гагарина, дабы подтвердить вины их хозяина, это была формальность, т. к. уже были даны распоряжения о конфискации имений и всего имущества князя. В марте поднимали на дыбу и пытали огнем уже самого бывшего губернатора. По мнению, распространившемуся в Петербурге, свои вины тот отвергал. Берхгольц утверждал, что царь готов был помиловать князя, если он во всем признается. На самом деле сохранилось письмо Гагарина Петру I, где он признает вину и просит его помиловать. В 1718–1720 гг. Гагарин просил о помощи Меншикова и царицу. Вот чего не сделал Гагарин, так это не выдал своих «сообщников и покровителей». Возможно, надеялся, что в последний момент уже на эшафот придет прощение. Такое, в частности, случилось позже с вице-канцлером Шафировым. Палач даже успел ударить топором, но «промахнулся». Тут и зачитали волю императора заменить казнь ссылкой в Сибирь, а по дороге Шафиров был оставлен на жительство в Нижнем Новгороде.

Но публичная казнь князя Гагарина через повешение все-таки состоялась 11 марта 1721 г. в Петербурге на площади перед Юстиц-Коллегий. Потом труп Гагарина провисел более полгода в назидание. По некоторым данным, это исклеванное птицами страшилище перевозили с одной улицы на другую. Склонный к карнавальной клоунаде царь в день казни устроил «поминальный обед» по Гагарину с оркестром и пальбой из пушек, куда обязаны были явиться все родственники казненного.

Камер-юнкер Берхгольц завершает рассказ о Гагарине так: «Он был одним из знатнейших и богатейших вельмож в России; оставшийся после него сын женат на родной дочери вице-канцлера Шафирова. Этот молодой Гагарин теперь далеко не в том положении, в каком был. После смерти отца его разжаловали в матросы, и он лишился также всего состояния, потому что все большие поместья и вообще все имущество его отца были конфискованы. История несчастного Гагарина может для многих служить примером; она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличает знатного от незнатного»[26]. Имения Гагарина были отданы Петром одному из судивших его Дмитриеву-Мамонову, еще трем высокопоставленным и не утратившим доверия царя людям. Другим сановникам были пожалованы городские дома Гагарина. Показательность и назидательность процесса Гагарина очевидны.

Не совсем понятно только, почему был выбран именно Гагарин, явно радеющий за государево дело. Обычно последнее влекло снисхождение царя, как было с

[26] Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца… С. 71–73.

Меншиковым, Яковом и Григорием Долгоруковыми, Мусиным-Пушкиным. Последний у царя находился в особым фаворе. Петр завал его «братцем», которому в итоге простил уничтожение трех ящиков документов, представленных обер-фискалом Нестеровым в Сенат для доказательства вин Гагарина. Почему же наказал царь одного Гагарина? Позже ходили слухи, будто тот готовил мятеж, рассчитывая опереться на обласканных им шведов (о чем сообщал в своих «Записках» в середине XIX в. историк П.В. Долгоруков).

Измены, как показало дело царевича Алексея 1718 г., Петр не мог пропустить никому. Фельдмаршал В.В. Долгоруков, разбивший в 1708 г. Булавина, а в Полтавской битве командовавший Преображенским полком, утратил благосклонность царя, когда тот заподозрил его в сочувствии царевичу Алексею. Еще до бегства Алексея в Австрию В.В. Долгоруков сказал ему как-то: «Кабы царица не смягчала государева жестокого нрава, нам бы было жить нельзя: я бы первый изменил»[27]. К счастью для фельдмаршала, об этой фразе Петр не ведал, но знал, что В.В. Долгоруков обозвал поверившего в прощения царя, вернувшегося в Россию и выдавшего своих помощников царевича «дураком, что повелся на уговоры отца». За это он был отправлен в Соликамск с лишение чинов, откуда был возвращен в 1724 г. по случаю коронации Петром своей второй супруги Екатерины и пожалован в полковники.

Глубоко ошибочно распространенное мнение о ничтожности феномена царевича Алексея, как и трактовка петровского решения о казни царевича лишь свойственной Петру жестокостью или неким подражанием столь ценимому им Ивану Грозному. Сам по себе Алексей был, действительно, слабовольной личностью, совершенно не способной стать во главе оппозиции отцу, хотя многие начинания Петра ему не нравились. О «программных» взглядах Алексея известно немного. Забота о народе сводилась у него к наивной фразе: «Мне только здорова была бы чернь», а политические планы будущего, нашептываемые возлюбленной девке-простолюдинке Афросинье, сводились к следующему: «Я старых всех (имеется ввиду ближайших помощников отца – *Т.Ч.*) переведу и изберу себе новых по своей воле; буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; кораблей держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хочу: буду довольствоваться старым владением»[28]. Но в силу своего положения наследника Алексей становился символом, с которым многие связывали надежды. Кроме узкого круга друзей царевича, в высшей социально-политической элите существовала «молчаливая оппозиция» Петру, куда входила часть образованных и успешных «родословных людей» (Голицыны, Куракины, Долгоруковы и др.), а также ряд иноземцев на русской службе и даже некоторые из выдвиженцев Петра «из подлых».

Это не была «партия старины», напротив, это были сановники, которых историки применительно к XVII в. называли «партией западников». Их понимание европеизации было порой глубже часто поверхностного и внешнего подражания Европе у Петра. Им претил образ жизни Петра с его грубыми развлечениями типа свадьбы карликов-шутов, а главное им не нравились методы, темпы, формы и самое существенное – целеполагание петровского курса. По их мнению, правильная государева линия (образцом который вспоминался курс В.В. Голицына в регентство Софьи) не должна была вести к разорению народа, особенно дворянства, и царь должен был действовать с совета по крайней мере части высшего сословия в лице «умных людей», выдвинувшихся на русский политический Олимп. Собственно таковой являлась политическая практика земской монархии Михаила Федоровича, самодержавие времен Алексея Михайловича Тишайшего и его сына Федора III.

[27] *Милюков П.Н.* Очерки по истории… С. 180.

[28] Там же. С. 181.

«Молчаливые оппозиционеры» исправно несли службу в петровском генералитете; были среди них дипломаты, придворные, служившие в Сенате, которые надеялись, что, когда наступит время внука Тишайшего царя Алексея II, все будет поправлено. Современник-иностранец, секретарь прусского посольства в России Фоккеродт (Johann Gotthilf Vockerodt), написавший спустя двенадцать лет после кончины Петра I «Записку» с рассказом о деле царевича Алексея, передает разговоры «молчаливых оппозиционеров» с царевичем. «Отец твой хотя и умен, – говорили они ему, – но только людей не знает, а ты умных людей знать будешь лучше»[29].

После дела царевича Алексея подозрительность Петра к ближайшему окружению усилилась, потому он и оставил действовать далее организованную в связи с делом царевича Алексея Тайную канцелярию, возглавляемую верным его выдвиженцем из незнатных дворян Петром Толстым, в параллель прежнему органу политического сыска Преображенскому приказу, персонал которого был подобран в свое время знатным Федором Ромодановским, умершим в 1717 г.

Тем временем к 1722 г. фискальская служба, так и не покончившая с коррупцией, но сама, как показали розыски Нестерова, не свободная от мздоимства, разочаровала Петра, и он создал еще один обще-контрольный институт, своего рода противовес фискалам – прокуратуру. Указ 12 января 1722 г. гласил: «Надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». О последнем в указе от 27 апреля 1722 г. сообщалось: «...Сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных». Первым генералом-прокурором стал П.И. Ягужинский, начавший службу пажом Ф.А. Головина, с 1701 г. – преображенец и денщик Петра I, который открыл в нем талант дипломата. Обер-прокурором Синода назначили Г.Г. Скорнякова-Писарева.

Первым крупным расследованием Ягужинского стало дело обер-фискала Нестерова. Тот был арестован в ноябре 1722 г. Сначала на него дал показания с пытки, возможно и ложные, ярославский провинциал-фискал Савва Попцов, который утверждал, что вынужден был регулярно отсылать начальнику взятки. Потом появились и документальные подтверждения мздоимства обер-фискала. Так, за помощь в назначении Лариона Воронцова воеводой в Сибирь обер-фискал взял 500 руб. По такой же таксе платили за кабацкие откупа и т.д. К концу расследования получалось, что Нестеров нанес ущерб казне на 300 тыс. руб. Петр негодовал. Попцова, Нестерова и нескольких еще фискалов жестоко пытали. В январе 1724 г. все они были казнены. Бывшего обер-фискала Нестерова колесовали (этот вид мучительной казни прежде не был известен в Московском царстве и был «завезен» Петром из Западной Европы).

Нестеров пал скорее всего жертвой перераспределения ролей между контрольными ведомствами и игры против него обиженных вельмож. Вскоре в результате борьбы различных «кланов» в элите был сослан вице-канцлер Петр Шафиров. Понятно, что в обоих случаях, как и в деле Гагарина, обвинения в коррупции были лишь поводом к устранению «проигравших» и «спектаклем устрашения» со стороны верховной власти. Процессы эти саму коррупцию ни сколько не уменьшали.

Почему столь решительный и скорый на расправы Петр I, издавший 392 указа о борьбе с коррупцией, был на деле непоследователен в борьбе с чиновным произволом, взятками и даже с казнокрадством?

На наш взгляд, дело в том, что взятки, казнокрадство и прочие служебные злоупотребления являлись к началу XVIII в. частью служебного обычая (или служебной культуры), сформировавшейся еще в пору Московского вотчинного госу-

[29] *Милюков П.Н.* Очерки по истории… С. 180.

дарства XVI–XVII вв. Возникли означенные преступления задолго до первой их фиксации Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г. Оба законодательных памятника грозили смертной казнью всем казнокрадам и взяточникам. Но еще до них в челобитных государю Ивану III в конце XV в. писали с мест, что его наместники действуют «аки волки алчные». Однако центральная власть смотрела на подобное «сквозь пальцы» ибо понимала, что бедность Казны не способна по достоинству оплачивать труд ее служилых людей, особенно в провинции. Служба наместников была «корыстной», они не получали за нее ни жалования, ни дополнительных земельных дач, но сидели на «кормлении» (старомосковские служебные термины очень говорящие). Воевода в праве был получить законные подношения при въезде и выезде, в его пользу шел и судебный прикуп, особый налог с проводимых им судебных разбирательств. Последнее создавало прекрасную почву для возникновения «носов» и произвола. Центральная власть полагала, что то, что не дала она, ее «агент» вправе взять с людей. Мало оплачиваемый приказной штат центрального аппарата имел свои неформальные преференции, из практики которых в фольклор вливались крылатые поговорки («тянуть волокиту», «уйти с носом», «брать не по чину», «жалует царь, но не жалует псарь»).

По мере развития товарно-денежных отношений и перевода приказных и ряда служилых (например, после 1653 г. большей части иностранных офицеров) на денежное и кормовое жалование «антикультура» побора и злоупотреблений нисколько не уменьшилась, особенно в отношении высокопоставленных вельмож, о чем свидетельствуют предыстория Соляного бунта 1648 г., многочисленных городских восстаний середины XVII в., Медного бунта 1662 г., стрелецкие обиды на произвол начальников второй половины XVII в. О коррупции в среде «псарей» есть трагикомическое свидетельство из «Дневника генерала Патрика Гордона». Этот шотландец поступил на русскую службу капитаном в начале 1660-х гг. и какое-то время не мог получить свое первое достаточно высокое жалование от дьяка, несмотря ни на царский указ, ни на вмешательство боярина, главы Иноземского приказа, который дважды самолично и показательно избивал дьяка на глазах шотландца, пока иноземцы старого выезда не объяснили Патрику, что дьяку просто следует дать небольшой «нос», неформально воспринимаемый здесь всеми как норму. Гордон так и поступил и сразу получил свое жалование.

Судя по документам фискальской службы, коррупция в петровское время только возросла. Отчасти, это было продолжением старой служебной привычки и тяги к «воле», отчасти – следствием «забывчивости» государства вовремя платить жалование, но отчасти провоцировалось и самим Петром, прощавшим тех, кто, судя по запискам современников, проявлял личную преданность императору.

Но главное было в том, что для России XVII–XVIII вв. коррупция стала одним из системообразующих механизмов поддержания лояльности служилой элиты. Коррупция позволяла «вознаградить» и не за государственный счет «нужных» самодержцу управленцев и любимцев, и в то же время монарх мог в любой момент «дернуть за крючок» и осадить «зарвавшегося», ставшего чрезмерно самостоятельным, дерзнувшего манипулировать царским доверием, не говоря уже о нелояльных или показавшихся таковыми.

Дрязги между старой и новой знатью, а также внутри «служилых кланов», бюрократических «партий» привели к тому, что доносы о взятках, казнокрадстве и неуказном произволе стали одним из главных методов карьерной борьбы. Мы не видим попыток Петра обуздать эту «войну» между его сподвижниками, потому что это позволяло российской абсолютной монархии еще больше держать под своим контролем политическую элиту.

Выводы

Взятки, произвол, казнокрадство и «грызня» внутри элиты играли в XVIII в. ту же роль, что прежде местничество. Став частью системы взаимодействия царя и служилой элиты, эти «постоянные» оказались для поверхностно европеизированного, но внутри по-прежнему вотчинного государства Петра I способом поддержания господства царской воли над официальным законом, бюрократами и военными чинами, способом воспитания их преданности и заинтересованности в службе.

Без этого, как без прямого усиления крепостничества в отношении тяглых сословий, петровский апогей старого российского самодержавия был бы невозможен. В целом социальная политика Петра I не вела к разрушению основы социокультурного вотчинного уклада, свойственного Московскому государству в XV–XVII вв. При этом стоит отметить, что модернизация науки, высокого искусства, образования элиты открывала путь для формирования предпосылок модернизации в иных сферах русской жизни, что и произошло, но уже после кончины Петра I.

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2020.

Библиографический список

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

Анисимов Е.В. Миф Великой Виктории: Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. № 7. 2009. С. 50–55.

Анисимов Е.В. Петр Великий личность и реформа. СПб: Питер, 2009. 446 с.

Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М.: Вече, 2009. 340 с.

Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен: Россия XVII столетия. М.: Индрик, 2008. 364 с.

Гилленкрок А. Современные сказания о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 69–70.

Дергачева И.В. «Лекарство душевное» как памятник религиозной антропологической литературы // Человек между царством и империей. М.: Институт человека РАН, 2003. С. 379–389.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 230 с.

Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории. М.: Правда,1989. 656 с.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. СПб.: Наука, 2029. 670 с.

Катанаев Г.Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Сибирь эпохи Петра Великого. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. 208 с.

Кошелева О.Е., Наседкин Е.Н. Феномен реформ в XVII столетии в России и их интерпретация в XVIII веке // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома и Л.А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2013. С. 179–191.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.

Ключевский В.О. Лекции XXXVIII, XL. Курс русской истории. Ч. II // Сочинения в 9-ти томах. М.: Мысль, 1988. С. 308–327, 347–373.

Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.

Лубский Р.А. Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6. С. 9–13.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Национализм и европеизм. М.: «Прогресс», «Культура», Редакция газеты «Труд», 1995. 480 с.

*Мининкова Л.*В. Теория вотчинного государства и особенности русской истории // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 104–119.

Ермолаев И.П. Становления Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 393 с.

Павленко Н.И. Петр Первый и его время. М.: Просвещение, 1983. 222 с.

Павленко Н.И. История Петра Великого. М.: Вече, 2006. 350 с.

Серов Д.О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2010. 25 с.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 642 с.

Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: МГУ, 1986.

Черникова Т.В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–22.

Черникова Т.В. Россия и Европа. «Век новшеств». XVII в. М.: «Академический проект», Издательство «Культура», 2019. 665 с.

Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии: Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–45.

Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины его Царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский, … к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел… СПб.: [Б.и.], 1717. 128 с.

Эйдельман Н.Я. Петровский период // Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Изд-во «Книга», 1989. С. 68–73.

Chernikova T.V. New world outlook in the light of the westernization of Peter I // MGIMO University Bulletin. 2018. № 2. С. 7–25.

Kamenskii A.B., Griffiths D. The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World. Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 1997. 307 p.

Košeleva O.E. La Storiographia Russa Moderna sull'epocca pre-petrina (secolo XVII): problemi, metodi, orientamendi // Acme. 2015. № 1. P. 83–98. DOI: http://dx.doi. org.10.13130/2282–0035/5137.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven; L.: Yale Univ. Press, 1998. 640 p.

Zhivov V.M. Notes on Byzantine Culture in Early Modern Russia // Russia medievalis. München: Wilhelm Fink, 2001. P. 325–344.

References

Anisimov, Ye.V. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samoderzhaviye Petra Velikogo*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1997 (in Russian).

Anisimov, Ye.V. "The Myth of Great Victoria: Poltava in Russian consciousness and collective memory." *Rodina*, no. 7 (2009): 50–55 (in Russian).

Anisimov, Ye.V. *Potr Velikiy lichnost' i reforma.* St. Petersburg: Piter Publ., 2009 (in Russian). Bogdanov, A.P. *Nesostoyavshiysya imperator Fedor Alekseyevich*. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).

Buseva-Davydova, I.L. *Kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen: Rossiya XVII stoletiya*. Moscow: Indrik Publ., 2008 (in Russian).

Dergacheva, I.V. " 'Lekarstvo dushevnoye' kak pamyatnik religioznoy antropologicheskoy literatury." In *Chelovek mezhdu tsarstvom i imperiyey*, 379–389. Moscow: Institu cheloveka RAN Publ., 2003 (in Russian).

Chernikova, T.V. "New world outlook in the light of the westernization of Peter I." *MGIMO University Bulletin*, no. 2 (2018): 7–25.

Chernikova, T.V. "Paradoxes of Peter's Europeanization." *New and Recent History*, no. 5 (2018): 3–22.

Chernikova, T.V. *Rossiya i Yevropa. «Vek novshestv»*. Moscow: Akademicheskiy proyekt Publ., Kul'tura Publ., 2019 (in Russian).

Gillenkrok, A. "Sovremennyye skazaniya o pokhode Karla XII v Rossiyu." *Voyennyy zhurnal*, no. 6 (1844): 69–70 (in Russian).

Eydel'man, N.Ya. "Petrovskiy period." In Eydel'man N.YA. *'Revolyutsiya sverkhu' v Rossii*, 68–73. Moscow: Kniga Publ., 1989 (in Russian).

Kavelin, K.D. *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii*. Moscow: Pravda Publ., 1989 (in Russian).

Kamenskiy, A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. Opyt tselostnogo analiza*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019 (in Russian).

Katanayev, G.Ye. *Knyaz' Matvey Petrovich Gagarin. Sibir' epokhi Petra Velikogo*. Tyumen': Mandr i Ko Publ., 2005 (in Russian).

Kosheleva, O.Ye. "Nasedkin Ye.N. Fenomen reform v XVII stoletii v Rossii i ikh interpretatsiya v XVIII veke." In *Fenomen reform na zapade i vostoke Yevropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.)*, 179–191. St. Petrsburg: Yevrop. un-t Publ., 2013 (in Russian).

Kobrin, V.B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.)*. Moscow: Mysl' Publ., 1985 (in Russian).

Klyuchevskiy, V.O. “Lektsii XXXVIII, XL. Kurs russkoy istorii.” In *Sochineniya v 9-ti tomakh*, 308–327, 347–373. Moscow: Mysl' Publ., 1988 (in Russiab).

Kirillov, I.K. *Tsvetushcheye sostoyaniye vserossiyskogo gosudarstva*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).

Lubskiy, R.A. “Russian statehood as a subject of conceptual thinking.” *Philosophy of Law*, no. 6 (2014): 9–13 (in Russian).

Milyukov, P.N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury. Natsionalizm i yevropeizm*. Moscow: «Progress» Publ., «Kul'tura» Publ., Redaktsiya gazety «Trud» Publ., 1995 (in Russian).

Mininkova, L.V. “The theory of the patrimonial state and features of Russian history.” *A New Past*, no. 3 (2018): 104–119 (in Russian).

Rubinshteyn, N.L. *Russkaya istoriografiya*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1941 (in Russian)

Pavlenko, N.I. *Petr Pervyy i yego vremya*. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1983 (in Russian).

Pavlenko, N.I. *Istoriya Petra Velikogo*. Moscow: Veche Publ., 2006 (in Russian).

Sharf. K. “Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii: Transfer i adaptatsiya yevropeyskikh idey i evolyutsiya vozzreniy na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya.” In *«Vvodya nravy i obychai Yevropeyskiye v Yevropeyskom narode»: K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii*, 9–45. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).

Shafirov, P.P. *Rassuzhdeniye, kakiye zakonnyye prichiny yego Tsarskoye Velichestvo Petr Pervyy, tsar' i povelitel' vserossiyskiy, … k nachatiyu voyny protiv korolya Karola 12, shvedskogo 1700 godu imel…* St. Petesburg: [B.i.], 2017 (in Russian).

Serov, D.O. *Fiskal'naya sluzhba i prokuratura Rossii pervoy treti XVIII v.* Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2010 (in Russian).

Tsimbayev, N.I. *Slavyanofil'stvo (iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka)*. Moscow: MGU Publ., 1986 (in Russian).

Yermolayev, I.P. *Stanovleniya Rossiyskogo samoderzhaviya. Istoki i usloviya yego formirovaniya: vzglyad na problemu*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta Publ., 2004 (in Russian).

Zhivov, V.M. “Notes on Byzantine Culture in Early Modern Russia.” In *Russia medievalis*, 325–344. München: Wilhelm Fink, 2001.

Zimin, A.A. *Vityaz' na rasput'ye. Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* Moscow: Mysl' Publ., 1991 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Черникова Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации.

Taniana V. Chernikova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 108–124
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-108-124
Научная статья / Research article

Запах фракционности: левая оппозиция в Вятской губернской организации РКП(б) в 1923–1924 гг.

Ю.Н. Тимкин
Вятский государственный университет, 610036, Россия, Киров, ул. Московская, 36, timkin43@mail.ru

Аннотация: Изучена деятельность вятской левой оппозиции, возникшей в ходе внутрипартийной дискуссии осенью 1923 – весной 1924 г. Работа основана на архивных источниках Центрального государственного архива Кировской области, а также материалах партийной газеты «Вятская правда». Выяснена платформа местной оппозиции, выступавшей против фракций и группировок, но настаивавшей на уточнении этих понятий. Левая оппозиция объединяла партийную общественность губернского города и прилегающих рабочих районов. Партийцы уездов в большинстве изначально выразили полное доверие ЦК партии большевиков. Анализ архивного материала показывает, что вятские оппозиционеры пытались внедрить в практику широкое обсуждение вопросов внутрипартийной жизни. В губернском центре действовал партийный дискуссионный клуб, в стенах которого шли жаркие дискуссии. Фокус дискуссии на уточнение понятий фракций и группировок отражал стремление сторонников оппозиции избежать обвинения в предательстве партии и измене делу революции. Подчеркивается, что до начала января 1924 г. левая оппозиция имела абсолютную поддержку среди партийцев в Вятке. Проанализирована технология подавления местной оппозиции в январе – феврале 1924 г. ЦК ВКП(б) с помощью искусных приемов А. Сольца и его сторонников. На заключительном этапе борьбы среди членов оппозиции возникла группа «примиренцев», которая и способствовала победе линии ЦК. Выяснены причины и обстоятельства поражения оппозиции, среди представителей которой не было никого, кто бы открыто выступил против большинства ЦК и призвал бы рядовых членов к акциям протеста. Выявлена сущность феномена местной левой оппозиции как ситуативного объединения разнородных сил, недовольных бюрократизацией партии, усиливающимся диктатом ЦК, «приезжими», а также засильем партийных и советских назначенцев. Показано, что в ходе дискуссии в организациях РКП(б) проявилось понимание необходимости развития внутрипартийной демократии и свободного обсуждения стоящих проблем, что свидетельствовало о наличии потенциальной альтернативы сталинизму. Особенностью левой оппозиции являлось то, что она сформировалась и временно победила в преимущественно непролетарской Вятке, где до революции 1917 г. сложилось развитое земское и городское демократическое самоуправление, что означало сохранение в местном социуме запроса на свободу и демократию.

Ключевые слова: партийная дискуссия, троцкизм, Л.Д. Троцкий, политическая борьба
Для цитирования: *Тимкин Ю.Н.* Запах фракционности: левая оппозиция в Вятской губернской организации РКП(б) в 1923–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 108–124. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-108-124

The Smell of Factionalism: Left Opposition in the Vyatka Provincial Organization of the Bolshevik Party in 1923–1924

Yuri N. Timkin
Vyatka State University, 36, Moskovskaya St., Kirov, 610036, Russia, timkin43@mail.ru

Abstract: The activity of the Vyatka left opposition that arose during the internal party discussion in the fall of 1923 and the spring of 1924 is studied. The work is based on archival documents from the Central State Archive of Kirov Region, as well as on materials from the Vyatka Pravda party

© Тимкин Ю.Н., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

newspaper. The platform of the local opposition opposed the formation of factions but insisted on clarifying what factionalism is supposed to mean. The Left Opposition united the party community of the provincial city and adjacent working areas. Most party members initially expressed full confidence in the party's Central Committee. An analysis of archival material shows that the Vyatka opposition tried to establish a broad discussion of problems in internal party life. In the provincial center there was a party discussion club that organized heated discussions. The focus on clarifying the concepts of factions and groups reflected the desire of opposition supporters to avoid being accused of betraying the party and the cause of the revolution. Remarkably, until early January 1924 the left opposition had absolute support among party members in Vyatka. The article analyzes the Central Committee's suppression of the local opposition in January – February 1924, and in particular the skillful techniques of Aron Solts and his supporters. At the final stage of the struggle, a group of "conciliators" arose among the members of the opposition, and contributed to the victory of the Central Committee line. The article clarifies reasons and circumstances of the defeat of the opposition, none of whose representatives openly stood in opposition to the majority of the Central Committee or called on ordinary members to protest. The authors demonstrate that the local left opposition was a situational unification of diverse forces, dissatisfied with the bureaucratization of the party, the growing dictatorship of the Central Committee, the newcomers, as well as the dominance of appointees from the Party and the Soviets. During the discussion in the organizations of the Party, the need for developing internal party democracy and a free discussion of the problems emerged, showing that there was a potential alternative to Stalinism. The main feature of the left opposition was that it formed and temporarily won the predominantly non-proletarian Vyatka, where before the 1917 revolution the zemstvo and city democratic self-government has gained roots; this is interpreted as a preservation of the demand for freedom and democracy in local society.

Keywords: party discussion, Trotskyism, Leon Trotsky, political struggle

For citation: Timkin, Yuri N. "The Smell of Factionalism: Left Opposition in the Vyatka Provincial Organization of the Bolshevik Party in 1923–1924." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 108–124 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-108-124

Введение

Осенью 1923 г. – в начале весны 1924 г. большинство Вятской городской организации и губкома РКП(б) оказалась в оппозиции ЦК партии, тогда как большинство уездных парторганизаций выразили доверие центральному комитету. Оппозиция смогла установить контроль над партийным аппаратом, но использовала его, главным образом, для изоляции своих оппонентов в Вятке, не пытаясь изменить соотношение сил в губернии. Связано это с тем, что оппозиция осознала свою субъектность только после XIII партийной конференции РКП(б) (середина января 1924 г.), когда один из ее руководителей – Марк Миньков – голосовал за резолюцию оппозиции. Со второй половины декабря 1923 г. и до середины января 1924 г. оппозицию объединяло только одно – признание необходимости уточнения понятий «фракция» и «группировка», требование развития внутрипартийной демократии. В губернской парторганизации возникает оппозиционное движение, состав и идеи которого будут рассмотрены в данной статье.

Тема левой оппозиции в партии в настоящее время привлекает все большее внимание исследователей. Интерес обусловлен не только наличием «белых пятен» советской истории, перипетиями политической и внутрипартийной борьбы в 1920–1930-х гг., поисками альтернатив сталинизму, но и выяснению природы феномена оппозиции в правящей партии.

Современный общероссийский уровень исследования темы представлен работами В.З. Роговина, Г.Л. Олеха, А.В. Резника[1]. Особый интерес представляет анализ практик политической внутрипартийной борьбы, предпринятый А.В. Резником[2].

Все большее внимание привлекает региональный уровень исследований, так как на просторах огромной страны в каждой губернии сложились свои специфиче-

[1] *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию. 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992; *Резник А.В*. Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 гг.». СПб., 2014.

[2] *Резник А.В.* Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923–1924 гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 175–185.

ские условия, обусловленные местными особенностями и обстоятельствами. Наиболее важными с точки зрения понимания местной специфики можно назвать работы А.В. Резника[3] (Пермь), В.В. Демидова, Т.Н. Морозовой, В.Н. Гузарова[4] (Сибирь), А.В. Баранова[5] (юг России), В.М. Кружинова[6] (Урал). Общий обзор регионального уровня представлен в работе А.В. Резника[7]. Из работ зарубежных авторов следует назвать исследования Р. Дэниелса и Д. Хинкса[8].

В историографии, посвященной партийной дискуссии 1923–1924 гг. в Вятской губернии, следует выделить статью В.И. Бакулина[9], автор которой приходит к выводу, что руководители местной оппозиции Марк Миньков и Федор Лизарев изначально были идейными троцкистами, установившими связь со своими сторонниками в Москве и сознательно инициировавшими создание оппозиционной группировки в Вятке.

Работа написана на основе архивных источников и периодической печати, с использованием принципа историзма, методов исторического институционализма и кейс-стади. Автор ставит целью представить всесторонний анализ феномена местной левой оппозиции, для чего рассматривает ход, итоги внутрипартийной дискуссии, поведение ее субъектов.

Начало дискуссии в партии и реакция в Вятской губернской парторганизации

В октябре 1923 г. Л. Троцкий, а затем и группа «Заявление 46» выступили с критикой бюрократической системы, которая стала складываться в партии. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б) (октябрь 1923 г.) осудил выступление Троцкого и его сторонников, расценив его как попытку раскола партии. 7 ноября 1923 г. в «Правде» вышла статья Г. Зиновьева «Новые задачи партии». Зиновьев заявил, что в партийной жизни установился «нежелательный штиль», члены партии в массе своей инертны и безнадежно отстали от возросшего культурного уровня беспартийных рабочих. Главная беда партии состояла в том, что, по мнению автора, «почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз “предрешенными”»[10]. По словам Зиновьева, необходимо было «применять на деле внутрипартийную рабочую демократию, усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам»[11].

[3] *Резник А.В.* Оппозиция 1923 года в РКП(б) по материалам Перми // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 2. С. 109–119.

[4] *Демидов В.В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994; *Морозова Т.И.* Троцкистская оппозиция в представлениях партийного руководства Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 55–62; *Гузаров В.Н.* Борьба секретаря Томского губернского комитета РКП(б) В.С. Калашникова против троцкизма (1923–1924 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2012. № 4. С. 157–160.

[5] *Баранов А.В.* «Троцкистская» оппозиция в контексте консолидации партийно-государственной элиты на Юге России (1923–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 34–41.

[6] *Кружинов В.М.* «Новый курс» Л.Д. Троцкого и большевистская элита Урала // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 113–120.

[7] *Резник А.В.* Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годы. М., 2010.

[8] *Robert V*. Daniels. The Left Opposition as an Alternative to Stalinism // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 2. P. 277–285; *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies. 1992. № 1. P. 137–152.

[9] *Бакулин В.И.* «Аппарат разладился и разлагается»: ход и итоги борьбы левой оппозиции за внурипартийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 – весна 1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 96–115.

[10] *Зиновьев Г.* Судьбы нашей партии. М., 1924. С. 10.

[11] Там же. С. 11.

Отклики на статью Зиновьева немногочисленны, но весьма примечательны. 28 ноября 1923 г. на общем собрании членов и кандидатов РКП(б) Советского уезда прошло обсуждение данной статьи. С докладом выступил ответственный секретарь укома Петр Сиротин. В прениях первым выступил Сергей Черепанов, сыгравший большую роль в установлении советской власти в Яранском уезде. Он отмечал: «Все коммунисты-рабочие занимают ответственные административные посты и само их вступление в РКП можно объяснить желанием получить видную должность»[12]. Поэтому нужно было отказаться от назначенства. Другой активный большевик Ляпунов подчеркивал, что деревенские коммунисты газет почти не читают, нужна коллективная подписка. Рабочая демократия в партии была «почти незаметна», уездная организация по своему составу также была не рабочая, а крестьянская. Доклады на партийных собраниях почти не обсуждались, «отсутствовали» «оценки событий». Работник укома партии Константин Альдов отметил недооценку воспитательной работы в организации. Докладчик Сиротин в заключительном слове подвел печальный итог: в организации существует острый недостаток ответственных работников.

Обсуждение статьи показывает, что в уездных парторганизациях, преимущественно крестьянских по составу, актуальны оказались не вопросы рабочей демократии, а проблемы, которые давно волновали партийцев – недостаток ответственных партработников, практика назначенства, слабая воспитательная работа, крайне низкий уровень грамотности, в том числе и политической.

Газета «Вятская правда», отражающая официальную партийную позицию, отреагировала на статью Зиновьева лишь 21 ноября, причем весьма своеобразно. В статье редактора газеты П. Пионтковского на тему «Задачи партии» говорилось о необходимости «всколыхнуть ряды партии, втянуть рядовых членов в активную работу, поднять их самодеятельность и расширить творчество всей массы»[13]. Конкретные предложения автора свелись к известным партийным штампам: «усилить», «вовлечь», «пересмотреть». О развитии внутрипартийной демократии в статье не говорилось ничего.

Реакция среди рабочих ячеек была более определенной. На закрытом собрании ячейки РКП(б) фабрики «Красный труд» в г. Вятка 4 декабря собравшиеся решительно поддержали критику Зиновьева. Так, Петрова отметила: «Товарищи, занимающие высокие посты в партии, ведут себя слишком начальственно, отталкивая от себя массы своим поведением»[14]. Солоницын указал на «полнейшую пассивность» в парторганизациях, а по словам Яговкина, вся партийная работа «проводилась по указке». Выдвигалось требование «допустить свободу критики внутри партии, организовать дискуссионный клуб, оживить газету «Вятская правда». В целом реакция на статью Зиновьева в Вятке, как и по стране, «была слабой»[15].

7 декабря 1923 г. «Правда» опубликовала резолюцию ЦК и ЦКК «О партстроительстве», в которой была сделана попытка дать анализ обсуждаемой проблемы и ее решения. Вскоре на страницах «Правды» развернулась напряженная дискуссия. 11 декабря 1923 г. «Правда» публикует статью Л. Троцкого «Новый курс», в которой говорилось о необходимости освежить партийный аппарат, ликвидировать аппаратный бюрократизм, дать импульс развитию самоуправления в партии. С критикой взглядов Троцкого выступил И. Сталин, заявивший о необходимости

[12] Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. П-13. Оп. 6. Д. 15. Л. 8 об.

[13] Вятская правда. 1923. 21 ноября.

[14] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 440. Л. 34, 34 об.

[15] *Резник А.В.* Троцкизм и Левая оппозиция… С. 24.

сохранить и укрепить партийный аппарат[16]. Реакция «Вятской правды» и губкома на полемику между партийными лидерами примечательна: в местной прессе статьи Зиновьева, Троцкого, Сталина не публикуются. Вместо этого «Вятская правда» 7 декабря сообщила своим читателям об открытии в городе дискуссионного клуба[17].

О том, как откликнулись парторганизации уездов, свидетельствуют материалы городского партсобрания Советска 19 декабря 1923 г. После доклада Петра Сиротина наступило молчание. Именно о «молчунах» Константин Альдов говорил: «Они заслушивают доклады и механически соглашаются с докладчиками». Петр Сиротин, констатируя отсутствие политической работы внутри ячеек, отмечал: «Крестьянину приходится сталкиваться с партийцем только при исполнении административных обязанностей». Его поддержал Василий Свалов: «…крестьяне выбирают одних, а на съезде отчет заслушивают от других. Необходимо до минимума сократить переброски, улучшить советский аппарат, так как по нему судит крестьянин о партии»[18]. Петр Сиротин в заключительном слове был больше всего озабочен «молчанием» в организации. Он отмечал: «О том, что товарищи не могут выступать, я никак не могу понять. Если 5 лет состоишь в партии, то неужели не можешь говорить по партийным вопросам, а тем более, когда вопрос касается тебя лично? ...Мотивируют тем, что не подготовлены…»[19].

Собрание в Советске примечательно во многих отношениях. Подготовка к обсуждению резолюции ЦК и ЦКК партии заняла две недели, а обсуждения фактически не получилось. Вопросы, прозвучавшие на собрании, поднимались и раньше. «Оглушительное» молчание рядовых партийцев было же весьма симптоматичным.

Лица вятской оппозиции

Оппозицию возглавили ответственный секретарь губкома Марк Миньков и председатель губисполкома Федор Лизарев. Марк Миньков прибыл на Вятку в марте 1922 г., будучи назначенным заведующим организационным отделом Вятского губкома РКП(б). В ноябре того же года он был избран ответственным секретарем Вятского губкома партии, проработав в этой должности до 27 февраля 1924 г. Федора Лизарева, работавшего в структуре народного комиссариата путей сообщения, по распоряжению орготдела ЦК партии от 16 февраля 1923 г. откомандировали на Вятку вместо Ивана Попова. Такое решение было принято после обсуждения доклада ответственного инструктора ЦК партии Д.И. Шорохова «О состоянии Вятской партийной организации»[20]. К числу активных оппозиционеров можно отнести и председателя, а затем ответственного секретаря Вятской губернской контрольной комиссии в 1921–1925 гг. Николая Агалакова и члена губкома Александра Зыкова. Все четверо – Миньков, Лизарев, Агалаков и Зыков – партработники с дореволюционным стажем, имели большой жизненный опыт, навыки государственной деятельности. Среди них были как «приезжие», так и «местные».

Примыкали к оппозиции заведующая губернским женотделом Зинаида Прищепчик, председатель губернского профсоюза рабочих химической промышленности и член губкома Иван Деришев и некоторые другие.

«Дедушка вятских большевиков», как называли Ивана Деришева, весьма точно выразил то состояние, в котором находились многие: «Я, старый партиец, боялся, что не доживу до сегодняшнего дня. Я боялся, что умру в застывшей организа-

[16] Правда. 1923. 15 декабря
[17] Вятская правда. 1923. 7 декабря.
[18] ЦГАКО. Ф. П-13. Оп. 7. Д. 14. Л. 6, 6 об.
[19] Там же. Л. 3.
[20] Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 405. Л. 14.

ции» [21]. Он считал, что было необходимо широкое и свободное обсуждение всех вопросов, включая вопрос о внутрипартийной демократии. Вероятно это высказывание Деришева и побудило В.И. Бакулина довольно подробно остановиться на его личности и карьере, акцентируя внимание на «мелких дисциплинарных проступках, а то и правонарушениях». Таким, как он, «импонировал тот заряд анархии, каковой несла в себе платформа левой оппозиции образца 1923–1924 гг.»[22]. Очевидно, Бакулин стремился показать, кто поддерживал оппозицию. Это были, по его мнению, не очень чистоплотные, склонные к нарушению закона, не вполне грамотные местные кадры. Стремление к свободному обсуждению всех вопросов Бакулин объясняет «зарядом анархии», с чем никак нельзя согласиться.

Все оппозиционеры критиковали «штиль» в партийной жизни, выступали за развитие рабочей демократии, соглашались с запрещением фракций и группировок, но требовали уточнения формулировок этих понятий. Разногласий между оппозицией и цекистами в методах партийного руководства в принципе не было, что признает и В.И. Бакулин. Он отмечал следующее: «В период секретарства Минькова метод назначенства… и кооптации широко практиковался как на губернском, так и на уездном уровнях, что воспринималось в соответствующих партийных инстанциях как нечто само собой разумеющееся»[23].

Мнение В.И. Бакулина о Минькове как активном троцкисте, который, готовясь к борьбе со своими оппонентами, заранее расставлял на партийные должности своих сторонников, не выдерживает критики. Назначение А.П. Канютина руководителем 1-го городского райкома партии 27 ноября 1923 г., ставшего позднее активным участником оппозиции, никак не было связано с оппозицией, так как нет никаких свидетельств о его ранних связях с Миньковым или другими оппозиционерами. Поездка Минькова в Москву летом 1923 г. и встреча его с «братом» Исааком Минковым также ничего не доказывает. Данных о принадлежности к оппозиции Исаака Минкова нами также не было обнаружено, точно так же, как мы не можем с полной уверенностью сказать, что они были братьями.

О Марке Минькове как о «троцкисте» можно говорить только с того момента, когда он, будучи делегатом XIII Всероссийской партконференции голосовал за левую оппозицию. До этого времени единственное, что он предлагал – уточнение формулировки понятий фракции и группировки, поддержка идеи рабочей демократии. Смена же руководства 2-го райкома Вятки на собрании 12 октября 1923 г. произошла тогда, когда в партии еще не было оппозиции. Конечно, если исходить из того, что Миньков был сторонником левой оппозиции еще до ее возникновения, то тогда можно найти и другие «доказательства». Не обосновано и утверждение, что оппозиционное «большинство бюро губкома подготовку к грядущим баталиям начало несколько ранее, работая на опережение в сфере кадровой политики»[24], так как никаких аргументов, кроме связанных с Марком Миньковым и рассмотренных выше, приведено не было.

Противником оппозиции традиционно считается член губкома В.Н. Панфилов, присланный в Вятку в феврале 1923 г. В ноябре 1923 г. Владимир Панфилов, вероятно, откликаясь на статью Зиновьева в «Правде», стал критиковать пассивность ответственных партработников. 7 декабря 1923 г. на заседании дискуссионного клуба Вятки он констатировал «отрыв, распыление, изолированность среди ответственных партийных работников, каждый из которых замкнулся в своей скорлупе: один – в СНХ,

[21] ЦГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 206. Л. 3.
[22] *Бакулин В.И.* Аппарат разладился и разлагается… С. 102.
[23] Там же. С. 107.
[24] Там же. С. 97.

другой – в кожтресте» [25]. Он считал, что многие из них думают следующим образом: «Я знаю свое, а по большим вопросам пусть говорят большие люди… Наше дело – работать, строить хозяйство, торговать»[26]. 10 декабря на заседании дискуссионного клуба Панфилов согласился с критикой Е.А. Преображенским состояния внутрипартийной демократии, признав, что «масса членов партии пассивна»[27].

13 декабря Панфилов на страницах «Вятской правды» вновь пишет о пассивности партийцев, видя главную причину в том, что они оказались «неподготовленными» к строительству социализма[28]. 14 декабря он подверг критике ЦК партии за практику назначенства и предложил вышестоящим парткомам «регулярно отчитываться перед партийными массами», а рекомендации нижестоящим организациям давать «самые минимальные»[29].

24 декабря Панфилов выступил с содокладом (докладчиком был Миньков) на общем собрании членов и кандидатов РКП(б) 2-го района Вятки, на котором присутствовало 250 человек. В его выступлении признавалось, что партийный аппарат «надо подновить, но давить на него не следует». Что касается понятий «фракция» и «группировка», то он вполне согласился с Миньковым о настоятельной необходимости их уточнения[30].

Позиция Панфилова стала отличаться от оппозиции ближе к концу 1923 г. Нам представляется, что из ЦК стали поступать сигналы, на которые опытный партработник Панфилов реагировал соответствующим образом. Окончательно его позиция определилась, когда, с одной стороны, стало известно о приезде А.А. Сольца, а с другой – обострились отношения с оппозиционным большинством губкома.

В целом позиция Владимира Панфилова оказалась противоречивой. Его поддержка линии ЦК была не полной. Анализ его выступлений в ноябре – декабре 1923 г. свидетельствует о том, что Панфилов соглашался и с доводами оппозиции, более того, сам выступил в роли критика ЦК партии. В утверждении о «неподготовленности» членов партии к строительству нового строя можно усмотреть и более серьезные партийные «грехи».

Оформление оппозиции

Оппозиция начинает складываться в середине декабря 1923 г. С этого времени можно говорить о левой оппозиции, которая в руководстве губкома и городской организации Вятки получила подавляющее большинство. Первый документ оппозиции – статья в «Вятской правде» Марка Минькова, Федора Лизарева и Николая Агалакова, критиковавших «излишнюю горячность и нервозность», проявившуюся в ходе дискуссии в центре. По словам авторов, это «не укрепляет единство партии, а усугубляет расхождения». Авторы выступили как против ошибок оппозиционеров, так и попыток И. Сталина перевести дискуссию с принципиальных вопросов на личности[31]. В ответ Панфилов заявил, что попытка Минькова и его сторонников «буферить бесполезна». Нужно было сделать выбор: встать «на ту, или иную сторону». И Панфилов открыто встал на сторону ЦК партии[32].

Тогда же в «Вятской правде» была опубликована резолюция, принятая на совместном собрании губкома, фракции президиума губисполкома и губернского сове-

[25] Вятская правда. 1923. 7 декабря.
[26] Там же.
[27] Там же. 12 декабря.
[28] Там же. 13 декабря.
[29] Там же. 14 декабря.
[30] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 438. Л. 90.
[31] Вятская правда. 1923. 21 декабря.
[32] Там же. 22 декабря.

та профсоюзов в поддержку оппозиции. Причем против проголосовало только 3 человека из 21[33]. В резолюции линия ЦК партии признавалась правильной, отмечались недочеты и пробелы по вопросу о внутрипартийном строительстве и вновь было сказано о необходимости уточнить формулировки понятий «фракция» и «группировка». Такая же резолюция, поддержанная «полностью и единогласно», принимается на объединенном заседании членов РКП(б) ячеек губернской милиции и губвоенкомата, 1-го райкома Вятки. Сходные резолюции были приняты и некоторыми другими партийными собраниями Вятки[34]. 22 декабря участники дискуссионного клуба также поддержали оппозицию[35].

В уездах ситуация заметно отличалась. Так, в Яранской парторганизации на общегородском собрании абсолютным большинством голосов было выражено полное доверие ЦК партии, а проводимая им линия названа «вполне приемлемой»[36]. В Котельниче обсуждение продолжалось в течение двух суток и также завершилось полной поддержкой ЦК партии[37], как и в Нолинске, где партийцы выразили ЦК партии «свое полное доверие»[38].

Таким образом, партийцы города Вятки в большинстве поддержали оппозицию, а партийцы уездов – ЦК партии. Такое размежевание наводит на определенные размышления. Рядовые партийцы, да и многие уездные работники с крайне низким уровнем грамотности и культурного кругозора не могли самостоятельно разбираться в идейно-политических вопросах. Их участие на стороне ЦК партии или оппозиции было обусловлено тем, что они шли за своими партийными вожаками, доверялись им. Отсюда – единодушие на партийных конференциях, собраниях и заседаниях. Так, по всем основным вопросам участники Слободской уездной партконференции, состоявшейся в марте 1923 г., были «абсолютно единодушны»*:* «Дошло дело до выборов в уком. И в этом вопросе полнейшее единодушие: список членов укома был утвержден без всяких изменений...»[39]. Комментируя итоги конференции, уже знакомый нам представитель губкома В.Н. Панфилов с удовлетворением заключил, что Слободская организация «совершенно здорова!».

Участники уездных партийных собраний, поддержавших ЦК партии и выразивших ему полное доверие, поступили в соответствии с патерналистскими представлениями, сложившимися в традиционном обществе: они доверяли верховной власти так же, как это было и до революции. Разобраться же самостоятельно в позициях сторон они явно не могли. Такая картина характерна и для партии в целом. Вряд ли могли разобраться в существе дискуссии те почти 60 % (а по некоторым губерниям – до 70 %) партийцев, кого И. Сталин на XIV съезде партии назвал «политически неграмотными». Та же цифра была приведена в материалах первого пленума Вятского губкома 3 февраля 1923 г., причем речь шла о городской парторганизации Вятки. В уездах и волостях «дело обстояло еще хуже»[40].

В целом, в парторганизациях губернского города складывался консенсус в понимании необходимости демократизации внутрипартийной жизни без какого-либо организационного оформления. По сути, единственным ответственным партработником, кто встал на точку зрения ЦК партии, был В.Н. Панфилов. Свой выбор он особо и не аргументировал, вероятно, потому что знал, что критиковать Сталина не следует.

[33] Вятская правда. 1923. 22 декабря.
[34] Там же. 23 декабря
[35] Там же. 25 декабря.
[36] Там же. 28 декабря.
[37] Там же. 30 декабря.
[38] Там же. 1924. 8 января.
[39] Там же. 1923. 10 марта.
[40] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 399. Л. 3.

Приезд А.А. Сольца и обострение полемики

Представители ЦК партии Арон Сольц и Хаевский, прибывшие в Вятку в начале января 1924 г., попытались изменить соотношение сил в Вятской парторганизации. Панфилов, получив поддержку ЦК, обрушился на члена губкома и заведующего агитпропом И. Чернина, пытавшегося примирить участников дискуссии[41]. В полемике Панфилов в запальчивости перешел на личность оппонента, назвав его позицию «беспринципной и никчемной». Он заявил: «Чернин, видимо, пишет свои статьи на сон грядущий, с несвежей головой, плюс к тому же не читает газет». В ответ М. Миньков от себя и от имени Чернина сказал, что в полемике должна быть «аргументация, а не ругань», и заявил о прекращении дискуссии с Панфиловым на страницах печати[42]. Перед нами свидетельство проявления конфликта между Марком Миньковым и Владимиром Панфиловым, что, вероятно, связано с личными амбициями Панфилова, в поведении которого можно усмотреть и «почерк» Сталина, практиковавшего маскировку принципиальных разногласий.

А.А. Сольц применил и другой сталинский прием, обвинив вятчан в создании группировки. Откровенное и грубое давление вызвало возмущение и Федора Лизарева, который сравнил поведение Сольца с дореволюционным прошлым, когда «всякого, кто имел смелость говорить о недостатках, хватали и тащили, приписывая ему оскорбление его величества»[43].

3 января 1924 г. состоялось общегородское партсобрание, на которое «свезли» до 100 представителей от уездных парторганизаций, делегатов губернского съезда Советов в надежде изменить соотношение сил. Такое противопоставление «уездов» и «губернского центра» партии, безусловно, создавало конфликтность. Собравшимся представителям уездов Сольц мог представить оппозицию как группировку и скомпрометировать ее в глазах партийцев.

С докладом на партсобрании выступил А. Сольц, ознакомивший собравшихся «с работой ЦК». Понимая, что лобовая атака на оппозицию не приведет к успеху, он сообщил, что приехал для того, чтобы продолжить «дальнейшее обсуждение в связи с развитием дискуссии». Свое выступление Сольц начал издалека, рассказав об истории большевистской партии, о X съезде РКП(б), когда был «поставлен вопрос о демократии». Он заявил, что с тех пор прошло два года, а «демократии еще не получилось. И в этом никто не виноват». После этого, Сольц перешел к характеристике резолюций местной оппозиции, от которых «чуть-чуть пахнет фракционностью». Зная, что среди собравшихся немало тех, кто согласен с требованием уточнить понятия фракции и группировки, Сольц дал определение понятия фракции как «длительного объединения внутри партии, борющегося с остальной частью партии». Многие, особенно из уездных парторганизаций, это поняли как прямое указание на местную оппозицию и ответили аплодисментами[44].

Говоря о пределах свободы обсуждения в партии, Сольц демагогически заявил: «…У нас в партии мораль живая: что на пользу всей партии, всему рабочему классу и революции – то можно, что во вред – нельзя»[45]. Далее Сольц применил «тяжелую артиллерию»: «Я хочу, чтобы вятская организация сказала, что она доверяет ЦК. Здесь говорят, что во имя единства нужно уточнить понятие «фракционность». А я говорю: во имя единства не нужно никакой фракционности. Заявление ответственных представителей партии, постановления ЦК дают достаточную га-

[41] Вятская правда. 1924. 8 января.
[42] Там же. 10 января.
[43] Там же. 3 января.
[44] Там же. 4 января.
[45] Там же. 5 января.

рантию, что демократия будет проведена в жизнь»[46]. Последний довод оказался весьма убедительным для многих представителей уездов, готовых верить на слово.

Следует признать, что тактика, выбранная А. Сольцем, оказалась безупречной: за проект резолюции, предложенный им, проголосовало 313 человек, а за проект Минькова – 244. Делегаты уездов и волостей с более традиционными взглядами поддержали москвичей, видя в них посланцев «высшей власти» в стране.

Состоявшийся 9 января 1924 г. расширенный пленум губкома партии большинством в 14 голосов вновь поддержал оппозицию. Резолюция, предложенная Сольцем, набрала только 11 голосов. Такая же примерно ситуация была и на совместном заседании членов губкома и губисполкома. Несмотря на то, что Сольц продемонстрировал умение добиваться своей цели, для окончательной победы над оппозицией время еще не пришло.

После отъезда Сольца районные партийные собрания вновь включили в принятые резолюции пункт об уточнении формулировки о фракциях. За данную резолюцию в первом городском районе голосовало 149 человек (против – 92); во втором – 152 и 102 соответственно[47].

16 января 1924 г. собралась XIII партийная конференция РКП(б), которая подвела итоги дискуссии и осудила Троцкого и его сторонников, объявив их «мелкобуржуазным уклоном». В состав вятской делегации входил Марк Миньков, открыто выступивший против причисления оппозиции к «мелкобуржуазному уклону». На конференции в Москве была «заметна оторванность, полное отчуждение от делегации со стороны, прежде всего, Панфилова и Марковича»[48].

На закрытом заседании бюро губкома 8 февраля 1924 г. Миньков, выступая с докладом об итогах дискуссии и взаимоотношениях товарищей, указал, имея ввиду Панфилова и его сторонников, что разногласия существуют преимущественно в небольшой группе работников губкома. По словам же Панфилова, во время дискуссии Вятская городская организация стояла «почти вся на точке зрения оппозиции, и после осуждения этой позиции нам придется перекраивать мозги всей организации...». Он заявил: «Мы в секретариате доверяли друг другу и решали все вопросы единодушно, то теперь я не могу за это ручаться… Они подчиняются решениям конференции, но остаются на прежних позициях»[49].

В ответном слове Миньков заявил: «... Свою точку зрения я не меняю, но решению конференции подчиняюсь. У нас с ЦК партии расхождения незначительны, в основном я на 100 % схожусь с ЦК. Но в вопросе о том, когда нас причисляют к мелкобуржуазному элементу, я никак согласиться не могу...»[50]. Его поддержал Лизарев, заявив Панфилову: «Нельзя залезать в чужую душу с грязными сапогами» – и предложил бюро: «Если Панфилов не будет нам доверять, то надо ставить вопрос о невозможности совместной работы». Приглашенный на заседание ответственный партработник Канютин поддержал Минькова: «Признаков разногласия в парторганизации нет, что выяснилось на всех собраниях, и т. Панфилов ошибается. Полнейшее единодушие уже отмечено».

В проекте решения, предложенного Марком Миньковым, речь шла о том, что документы конференции необходимо принять «к сведению и руководству», не акцентируя внимания на ошибках оппозиции. Вокруг этого вопроса на губкоме разгорелся жаркий спор. Панфилов был «поставлен в такие условия, что не мог высту-

[46] Вятская правда. 1924. 5 января.
[47] ЦГАКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 195. Л. 75.
[48] Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 612. Л. 33.
[49] Там же. Л. 34.
[50] Там же.

пать в защиту ЦК, не навлекая на себя обвинения в личных счетах»[51]. Панфилову, требовавшему от оппозиции «покаяния», запретили выступать на общегородском партийном собрании, которое 9 февраля приняло резолюцию Минькова. В ней было предложено губернскому комитету «энергично, целиком и полностью проводить в жизнь решения всероссийской партконференции...»[52]. «Проработки» итогов конференции на Вятке не получилось, оппозиция не капитулировала, более того – сторонники ЦК оказались в изоляции, что и обусловило второй приезд Сольца.

Второй приезд А.А. Сольца и подавление оппозиции

Когда в ЦК партии узнали о решениях, принятых на заседании бюро и на общегородском партийном собрании, в Вятку было решено направить несколько ответственных партийных и государственных работников, среди которых были представитель верховной прокуратуры И.С. Герасимов и представитель ЦК партии Сольц. Формально они прибыли по делам, не связанным с оппозицией, но фактически собирали материал против Минькова, Лизарева и их сторонников.

21 февраля на секретном заседании бюро губернского комитета был заслушан доклад Ивана Герасимова «О состоянии вятской прокуратуры». Признавая отсутствие серьезных претензий к работе прокуратуры, он заметил, что «50 % состава прокуратуры – беспартийные... Авторитет прокуратуры не находится на должной высоте...». Взаимоотношения прокуратуры с губисполкомом, губкомом партии, губернским отделом ОГПУ характеризовались как «нормальные, контактные, согласованные». О сложившейся в Вятке ситуации говорилось: «Замечается особенное рвение в предании суду ответственных работников: их очень жестко держит губком. Ни в одной губернии нет такого количества процессов над ответственными работниками, как в Вятке». Миньков согласился с докладчиком и заявил: «Губком боролся со всяким безобразием... и никогда не допускал расхлябанности...»[53].

24 февраля состоялось секретное заседание бюро губкома партии, на котором первым вопросом стояло обсуждение «Дела Шешегова». Сольцу, присутствовавшему на этом заседании, Верховный суд поручил «выяснить обстоятельства этого дела». Симптоматично, что этот частный вопрос предшествовал вопросу политическому. Суть дела в том, что народный судья Шешегов, имея на рассмотрении дело частного предпринимателя Сапожникова, оправдал его. Подозрение во взяточничестве судьи возникло после того, как стало известно, что накануне вынесения решения Шешегов был в гостях у Леви, защитника Сапожникова. Шешегова арестовали, он бежал, а его дело попало в уголовно-кассационную коллегию Верховного суда, которая вынесла решение о прекращении дела за отсутствием состава преступления[54]. Но по решению губкома Шешегов вновь был арестован.

Губком хотел придать делу политический характер, показать трудящимся «как Советская власть борется с преступниками-нэпманами». Руководители судебных органов Вятки и губотдела ОГПУ поддержали губком. По словам Минькова, центр «тоже бы с нами согласился, если бы мы не были связаны с оппозицией». Сольцу так и не удалось убедить собравшихся изменить свою позицию, и бюро губкома постановило ходатайствовать перед Верховным судом о пересмотре дела Шешегова[55].

Вторым вопросом на заседании был доклад Сольца об итогах выполнения Вятским губкомом решений конференции. Панфилов, чувствуя поддержку ЦК, пе-

[51] 30 славных боевых лет (1903–1933). Очерки по истории Вятской партийной организации. Вятка, 1933. С. 48.

[52] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 612. Л. 50.

[53] Там же. Л. 57, 58.

[54] Там же. Л. 94.

[55] Там же. Л. 75.

решел в наступление: «В условиях Вятской губернии (крестьянской по социальному составу. – *Ю.Т.*) оппозиция была слишком сильна...». Критикуя Минькова и Лизарева, он заявил, что проработка итогов конференции «ограничилась одним докладом на городском собрании, в уезды участников конференции совсем не посылают и, видимо, не думают. Нужно этот вопрос основательно проработать в ячейках, а у нас этого нет...»[56]. Многие из приглашенных, в частности, Зинаида Пришепчик и Быков, выразили свое несогласие с заявлением Панфилова.

Понимая, с какой целью приехал Сольц, Миньков заявил о невозможности работать при таких условиях и попросил назначить ему заместителя. С ним был солидарен и член бюро Чернин. Лизарев, недоумевая, спросил Сольца: «Серьезно ли ЦК партии думает, что вятская организация стоит в оппозиции?». Сольц ответил: «Да, серьезно. Ваш секретарь губкома (Миньков. – *Ю.Т.*) голосовал на конференции целиком за оппозицию»[57]. В постановлении было решено просить ЦК партии рассмотреть вопрос о положении в парторганизации и вынести по нему свое решение.

26 февраля в клубе им. Демьяна Бедного состоялось общегородское партийное собрание с участием не менее 800 человек. С докладом об итогах XIII Всесоюзной партийной конференции выступил Сольц, не дав собравшимся иного выбора, как признать, что оппозиция – «несознательный проводник мелкой буржуазии». Примечательно, что такую резолюцию предложил член губкома, председатель ОГПУ Александр Ремишевский. За предложение Минькова проголосовало всего 46 чел.[58]

Расширенный пленум губкома партии 27 февраля осудил лидеров местной левой оппозиции и фактически снял их с руководящих партийных должностей. Но вопрос ребром был поставлен не сразу, поэтому, по словам Быкова, сказанным им во время смещения Лизарева с должности, «сидели две ночи...»[59]. По мнению исследователя начала 1930-х гг. И. Царегородцева, связано это было с тем, что в губкоме к этому времени образовалась группа «примиренцев» в составе И.И. Чернина, Б.И. Талевича, А.И. Ремишевского, М.М. Марковича и некоторых других. В частности, М. Маркович заявлял, что его «за все время дискуссии нельзя упрекнуть в том, что он особенно заострял вопрос»; Ремишевский был убежден, что «мы как большевики должны забывать все трения. Все мелочи – в сторону»[60]. 4 марта 1924 г. после доклада А.А. Сольца оргбюро ЦК партии фактически согласилось с постановлением Вятского губкома о возложении обязанностей секретаря губкома на М.М. Марковича.

5 апреля состоялось секретное заседание бюро губкома, где обсуждались его взаимоотношения с губисполкомом. Панфилов жаловался, что на мероприятие бюро «товарищи во фракции губисполкома смотрят, как на головотяпство...». Далее он заявлял: «Дальше так работать невозможно. Нужно оппозиции сглаживать взаимоотношения (идти на уступки. – *Ю.Т.*), а не наоборот». По словам Лизарева, «отдельные члены бюро губкома беседовали с представителями уездов, говоря им, что Лизарев инакомыслящий и ему не место быть председателем губисполкома». Лизарев привел факты игнорирования мнения фракции губисполкома. О ненормальных отношениях говорили партработники Александр Целищев, Стефан Порошин и Быков. В частности, Быков заявил: «Я чувствую, что в отношении Лизарева уже есть решение, как это было с Миньковым. Если это так, то вопрос нужно ставить прямо». В постановлении бюро была признана необходимость проведения «перегруппировки» в составе ответственных партработников. Лизарева решено было отозвать

[56] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 612. Л. 82.
[57] Там же. Л. 93.
[58] Вятская правда. 1924. 28 февраля.
[59] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 612. Л. 124.
[60] Там же. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 195. Л. 77.

с должности председателя губисполкома и откомандировать в распоряжение ЦК партии[61].

Спустя некоторое время ЦК направил в Вятку Д.А. Булатова, который позднее возглавил губернскую партийную организацию. По мнению В.И. Бакулина, Булатов был «опытным партийным и советским работником из номенклатуры». Отчасти с этим можно согласиться, хотя, вероятно, более важную роль сыграло то обстоятельство, что Сталин его хорошо знал по туруханской ссылке.

После победы над оппозицией сторонники ЦК должны были добиваться чистки организации от сторонников оппозиции, но этого не произошло. В.И. Бакулин, констатируя этот факт, оставляет его без объяснения. А дело, вероятно, в том, что в рядах губкома сложилась группа «примиренцев», о чем писал еще И. Царегородцев[62]. Они остались в руководстве губкома, и в их интересах было возложить всю ответственность на уже снятых со своих постов Минькова и Лизарева. Думается, что и Панфилов не стал настаивать на чистке, ведь его позиция во время дискуссии также была не безупречна.

Нежелание проводить радикальную чистку было вполне логичным: она не только могла усугубить «кадровый голод», но и, что более важно, вызвать недовольство широких слоев местной партийной общественности. А это могло породить ненужную для ЦК партии напряженность и конфликтность. Подобным же «осторожным» образом вело себя и руководство РКП(б) по отношению к куда более ярко выраженной левой оппозиции, например, в Перми. Как отмечает А.В. Резник, в 1924 г. контрольные органы были готовы идти на компромисс с «заблудшими» товарищами[63].

Причины поражения оппозиции

Поражение оппозиции было вызвано рядом причин. Среди представителей оппозиции не было никого, кто бы открыто выступил против большинства ЦК и призвал бы рядовых членов, а тем более рабочих, к акциям протеста. По всей видимости, «перейти в “подполье” оппозиционерам мешала традиция “железной дисциплины”, подчинения коллективным решениям ради общего дела наряду с деморализацией, наступившей в ходе грубой критики, локальных “чисток” и ссылок несогласных»[64]. Сыграли свою роль и технологии политической борьбы Арона Сольца. Когда на партийном собрании Александр Ремишевский предложил «цековский» проект резолюции, все ответственные партработники Вятки и уездов знали, как «глубоко скорбел» он по умершему вождю[65]. Многие из числа оппозиционеров и колеблющихся, вероятно, последовали его примеру и поддержали ЦК партии. Важную роль сыграла и развернувшаяся вскоре пропагандистская кампания «ленинского призыва» рабочих в партию.

Таким образом, дискуссия завершилась, и оппозиция была повержена. Для сторонников ЦК партии, прежде всего Панфилова и Марковича, наступил очень ответственный момент. Им нужно было как-то объяснить ЦК партии тот факт, что оппозиция контролировала и губком, и городскую парторганизацию Вятки. Уже после снятия Лизарева в «Вятской правде» появилась статья Панфилова, в которой он заявил, что оппозиция «замаскировала от массы свою настоящую позицию, что подтвердилось голосованием ее представителя на Всесоюзной конференции»[66]. Многие же члены партии, в том числе и группа «примиренцев», «искренне полагали, что тре-

[61] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 612. Л. 122.
[62] 30 славных боевых лет… С. 48.
[63] *Резник А.В.* Левая оппозиция в РКП(б)… С. 26.
[64] *Резник А.В.* Троцкизм и Левая оппозиция… С. 92.
[65] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 404. Л. 62.
[66] Вятская правда. 1924. 25 апреля.

бование уточнения фракций и группировок не содержит ничего опасного, и голосовали за резолюцию оппозиции»[67]. Такое объяснение поддержали и участники XIV губернской партийной конференции, проходившей 14–16 мая 1924 г.[68]

Анализ феномена вятской оппозиции

На наш взгляд, оппозиция в рядах Вятской парторганизации представляла собой сложное по составу участников движение, возникшее ситуативно. Для традиционных слоев вятского провинциального общества, многие представители которого состояли в рядах губернской парторганизации, прибывшие по рекомендации ЦК партии назначенцы воспринимались как «чужие». Так, когда в 1918 г. большевичку В.С. Белобородову направили на работу в Нолинск, то она произвела на местных жителей следующее впечатление: «Сначала она была в рядах местных большевиков единственной женщиной. В столовую во время обеда приходили кое-кто из любопытных посмотреть на большевичку, приехавшую из губернского города, стриженую, в треухе (ушанке)»[69].

В 1918–1923 гг. в ряде уездных парторганизаций возникали партийные клики, члены которых относились к прибывшим как к «чужим»[70]. Нередко такие клики криминализировались. Губкому партии приходилось прилагать большие усилия, чтобы ограничить их влияние. Во многом и партийный, и советский аппарат в губернии создавался «приезжими» работниками, с применением вооруженной силы, давления, диктата. В крестьянской по социальному составу губернии опереться, в общем-то, было не на кого. Рано или поздно накопившееся недовольство должно было проявить себя. А так как единственным легитимным институтом, который бы мог выразить это недовольство, была правящая партия, то именно в ней, когда заговорили о внутрипартийной демократии и свободном обсуждении, оно проявилось в виде оппозиции.

На этой основе объединились «местные» партработники, а также партийцы, находившиеся на советской и хозяйственной работе в уездах и в губернском центре. «Местные» нашли в «приезжих» – Минькове и Лизареве – своих союзников, так как те решительно выступили против диктата ЦК партии и его представителя Арона Сольца. Они были оскорблены недоверием, подозрительностью, давлением со стороны ЦК, что напоминало им дореволюционные порядки.

Вероятно, «расцвету» местной оппозиции способствовала и позиция местного ОГПУ. Его начальник Александр Ремишевский вел себя довольно странным образом, никак не вмешиваясь в ход дискуссии. Он не мог не знать о том, что «в конце декабря 1923 г. общее партийное собрание центрального аппарата ОГПУ фактически единодушно одобрило линию ЦК РКП(б) и приняло постановление. В нем говорилось: «Партстроительство должно вестись в соответствии с резолюцией ЦК, которая намечает действительный путь для сплочения партии»[71]. Данная точка зрения была поддержана и местными чекистскими партийными организациями. Между тем вплоть до второго приезда Сольца он лично и руководимое им управление не предпринимало никаких мер для укрепления «линии ЦК». Возможно, это связано с состоянием здоровья Ремишевского, весьма злоупотреблявшего спиртными напитками[72].

---

[67] Вятская правда. 1924. 25 апреля.

[68] Там же. 17 мая.

[69] За власть Советов. Сборник воспоминаний старых большевиков. Киров, 1957. С. 78, 79.

[70] *Шабалин В.В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 161.

[71] *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 264.

[72] ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 404. Л. 62.

Рост давления со стороны аппарата ЦК партии был обусловлен тем обстоятельством, что в 1923–1924 гг. изменилось понимание внутрипартийной демократии в РКП(б). Как отмечала Т.И. Морозова, во многом по инициативе И. Сталина под демократией стали понимать «повышение активности и сознательности партийной массы», что было интерпретировано, в конечном счете, как «необходимость дальнейшего расширения партийных рядов и ведения политико-просветительной работы среди рядовых коммунистов»[73].

Вятская городская парторганизация, опиравшаяся на губком, стала одной из немногих в России, кто получил доступ к ресурсам аппарата. Ей удалось по крайней мере на определенное время не допустить активной деятельности проводников политики ЦК партии, прежде всего В.Н. Панфилова и отчасти М.М. Марковича. Ход дискуссии показал, что партийная организация оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, в организации был консенсус по поводу того, что существуют границы обсуждения, с другой стороны – возникал вопрос, каковы эти границы и как их определить. В «вождистской» партии, которой была РКП(б), огромную роль играла преданность партийному руководителю. Именно на этом и сыграл Арон Сольц, заявивший на собрании 3 января, что ждет от вятской организации доверия ЦК партии.

Отношение рядовых партийцев, да и многих партработников к демократизации партии противоречивое: они поддерживали свободу, но были не готовы к участию в ежедневной партийной работе, «творческому» применению партийных директив. Поэтому без указаний партийных чиновников им было не обойтись, что они и понимали. Самое большое, на что они соглашались – косметическое изменение в сфере внутрипартийных отношений. И в этом Вятка не была исключением. Нечто подобное описывает и В.М. Кружинов, анализируя ход дискуссии на Урале[74].

Полемика в партийной организации выявила и другую проблему – низкий уровень культуры дискуссии, когда ее участники переходили на личности. А это и неудивительно – ведь в местных организациях РКП(б) подобного довольно широкого обсуждения мнениями никогда не было. Оппозиция вызревала на фоне формирования феномена «осажденной крепости»: РКП(б) была окружена «врагами» не только внешними, соглашателями всех мастей, но и внутренними. Специфика Вятки состояла в том, что партийная организация оказалась небольшим «островком» в море крестьян-середняков, которые воспринимались как «мелкобуржуазная» стихия. На XIV губернской партийной конференции Панфилов, говоря о работе в деревне, констатировал «крайнюю малочисленность членов партии в деревне…», а «в 80 волостях из 239 не было коммунистических ячеек…»[75]. Необходимость сплоченности, спайки было признано всеми большевиками, особенно во время траура по умершему вождю.

Дискуссия в Вятке развернулась, главным образом, вокруг требования уточнения понятий фракции и группировки, что находит объяснение в атмосфере повышенной склонности к конфликтности, напряженности взаимоотношений. Согласно Л. Козеру организации типа РКП(б) стремились «захватить человека целиком, поэтому связь между членами там гораздо сильнее, чем в группах с сегментарным типом отношений». Он говорил далее: «Если личность вовлечена целиком, существует большая вероятность включения в конфликт нереалистических элементов. Поэтому такие группы будут стараться подавить конфликт, а если он все же про-

[73] *Морозова Т.И.* Политические представления коммунистов Сибири о демократизации РКП(б) – ВКП (б) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. 2015. № 6. С. 131.

[74] *Кружинов В.М.* «Новый курс» Л.Д. Троцкого… С. 119.

[75] Вятская правда. 1924. 18 мая.

изойдет, то будет напряженным и страстным»[76]. Отсюда малейшие различия во взглядах рассматривались как скрытая измена и предательство. Именно в этой связи следует оценивать спор об уточнении понятий фракции и группировки, ставший центральным в ходе всей местной дискуссии. Итоги дискуссии показали, что в партии приветствуется полное единомыслие, которое фактически способствовало превращению партийцев в простых исполнителей решений ЦК партии.

Выводы

Как показало исследование, вятская левая оппозиция представляла собой ситуативное объединение разнородных сил недовольных бюрократизацией партии, усиливающимся диктатом ЦК по отношению к партийным организациям, отдельным членам партии, засильем «приезжих», партийных и советских назначенцев. Ход дискуссии показал, что, несмотря на то что большевистская партия изначально создавалась как централистская, в ней проявилось понимание необходимости развития внутрипартийной демократии и свободного обсуждения стоящих проблем, что свидетельствовало о наличии потенциальной альтернативы сталинизму. Левая оппозиция формировалась и получила почти полную поддержку в преимущественно непролетарской Вятке, где до революции 1917 г. сложилось развитое земское и городское демократическое самоуправление, что означало сохранение в местном социуме запроса на свободу и демократию.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2020.

Библиографический список

Бакулин В.И. «Аппарат разладился и разлагается»: ход и итоги борьбы левой оппозиции за внутрипартийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 – весна 1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 96–115.

Баранов А.В. «Троцкистская» оппозиция в контексте консолидации партийно-государственной элиты на Юге России (1923–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 34–41.

Гузаров В.Н. Борьба секретаря Томского губернского комитета РКП (б) В.С. Калашникова против троцкизма (1923–1924 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2012. № 4. С. 157–160.

Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск: Кадровый центр, 1994. 165 с.

Зиновьев Г. Судьбы нашей партии. М.: Красная Новь, 1924. 173 с.

Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 205 с.

Кружинов В.М. «Новый курс» Л.Д. Троцкого и большевистская элита Урала // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 113–120.

Морозова Т.И. Политические представления коммунистов Сибири о демократизации РКП (б) – ВКП (б) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. 2015. № 6. С. 106–132.

Морозова Т.И. Троцкистская оппозиция в представлениях партийного руководства Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4. С. 55–62.

Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: «Терра», 1992. 400 с.

Резник А.В. Троцкизм и Левая оппозиция в РКП (б) в 1923–1924 годы. М.: Свободное марксистское издательство, 2010. 112 с.

Резник А.В. Оппозиция 1923 года в РКП (б) по материалам Перми // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 2. С. 109–119.

Резник А.В. Левая оппозиция в РКП (б) в 1923–1924 гг.». СПб.: СПбГУ, 2014. 28 с.

Резник А.В. Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП (б) в 1923–1924 гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 175–185.

[76] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000. С. 92.

Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию. 1919–1924 гг. Новосибирск: Новосибирский университет, 1992. 198 с.

Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. 350 с.

Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 159–166.

Hincks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies. 1992. № 1. P. 137–152.

Robert V. Daniels. The Left Opposition as an Alternative to Stalinism // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 2. P. 277–285.

References

Bakulin, V.I. “The Party Apparatus has Broken Down and is Deteriorating”: The Development and Results of the Struggle of the Left Opposition for Intra-Party Democracy in Vyatka Province (Fall 1923 – Spring 1924).” *New Historical Journal*, no. 3 (2017): 96–115 (in Russian).

Baranov A.V. “Trotskyist” opposition in the context of the consolidation of the party-state elite in the South of Russia (1923–1924).” *Humanities and Legal Studies*, no. 1 (2019): 34–41 (in Russian).

Demidov, V.V. *Politicheskaya bor'ba i oppozitsiya v Sibiri. 1922–1929 gg*. Novosibirsk: Kadrovyy tsentr Publ., 1994 (in Russian).

Guzarov, V.N. “The struggle of the secretary of the Tomsk provincial committee of the RCP (c) V.S. Kalashnikov against Trotskyism (1923–1924).” *Tomsk State University Journal of History*, no. 4 (2012): 157–160 (in Russian).

Hincks, D. “Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924.” *Soviet Studies*, no. 1 (1992): 137–152.

Kozer, L. *Funktsii sotsial'nogo konflikta*. Mjscow: Ideya-Press Publ., 2000 (in Russian).

Kruzhinov, V.M. “New Deal” L.D. Trotsky and the Bolshevik elite of the Urals.” *Tyumen State University Herald. History*, no. 2 (2013): 113–120 (in Russian).

Morozova, T.I. “Political views of the communists of Siberia about the democratization of the RCP (v) – VKP (v) in the 1920s.” *Power and society in Siberia in the twentieth century*, no. 6 (2015): 106–132 (in Russian).

Morozova, T.I. “Trotskyist opposition as seen by the party leadership of Siberia.” *Herald of Omsk University. Series «Historical studies»*, no. 4 (2016): 55–62 (in Russian).

Rogovin, V.Z. *Byla li al'ternativa? ‘Trotskizm’: vzglyad cherez gody*. Moscow: «Terra» Publ., 1992 (in Russian).

Reznik, A.V. *Trotskizm i Levaya oppozitsiya v RKP (b) v 1923–1924 gody*. Moscow: Svobodnoye marksistskoye izdatel'stvo Publ., 2010 (in Russian)

Reznik, A.V. “Opposition of 1923 in the RCP (v) based on materials from Perm.” *Perm University Bulletin*, no. 2 (2011): 109–119 (in Russian).

Reznik, A.V. *Levaya oppozitsiya v RKP (b) v 1923–1924 gg*. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2014 (in Russian).

Reznik, A.V. “Conflict and Control: To Study the Practices of the Political Struggle of the Opposition in the RCP (V) in 1923–1924.” *Perm University Bulletin*, no. 1 (2014): 175–185 (in Russian).

Robert, V. Daniels. “The Left Opposition as an Alternative to Stalinism.” *Slavic Review* 50, no. 2 (1991): 277–285.

Plekhanov, A.M. *VCHK–OGPU: otechestvennyye organy gosudarstvennoy bezopasnosti v period novoy ekonomicheskoy politiki. 1921–1928*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2006 (in Russian).

Olekh, G.L. *Povorot, kotorogo ne bylo: Bor'ba za vnutripartiynuyu demokratiyu. 1919–1924 gg*. Novosibirsk: Novosibirskiy universitet Publ., 1992 (in Russian).

Shabalin V.V. “Skloka” as a way of self-regulation of the regional elite in the 1920s.” *Perm University Bulletin*, no. 2 (2013): 159–166 (in Russian).

Zinov'yev, G. *Sud'by nashey partii*. Moscow: Krasnaya Nov' Publ., 1924 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Тимкин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Вятского государственного университета.

Yuri N. Timkin, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 125–144
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-125-144
Научная статья / Research article

Индия 1920-х гг. глазами советского сценариста, консультантов-индологов и театральных критиков

И.Ю. Котин, Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3,
igorkotin@mail.ru, nigekrasno@mail.ru, soboleva@kunstkamera.ru

Аннотация: Анализируются обстоятельства написания и появления на советской сцене в 1927–1928 гг. пьесы, названной «Джума Машид», посвященной антиколониальной борьбе в Индии. Пьеса без названия и указания имени автора была обнаружена в архиве Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), в бумагах, связанных с деятельностью А.М. и Л.А. Мервартов – участников Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. Позднее два экземпляра пьесы под названием «Джума Машид», идентичные или близкие найденной в СПбФ АРАН, были обнаружены авторами в Российском архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и в музее Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова (БДТ) в Санкт-Петербурге. В архивах, библиотеках и музеях Москвы и Санкт-Петербурга были найдены многочисленные рецензии на постановки пьесы. Авторы данной статьи рассматривают причины появления пьесы, связывая их с двумя важными историческими событиями – празднованием 10-летия Октябрьской революции и проведением в Москве в 1928 г. VI конгресса Коминтерна. В статье показано, как видели Индию драматург и его консультанты-индологи и как восприняли пьесу театральные критики и советские зрители. Отмечается, что в пьесе довольно точно воспроизводится социально-политическая ситуация в Индии 1920-х гг., что возможно было сделать только при работе с консультантами или специалистами-индологами. В пьесе показано развитие антиколониальной борьбы в Индии в 1920-е гг. При этом автор пьесы критически трактует деятельность активистов ненасильственной борьбы за независимость Индии, предложенной М.К. Ганди и партией Индийский национальный конгресс (ИНК) и его политическим крылом – партией свараджистов. Исследователям удалось установить фамилии автора обнаруженной пьесы (им является Г.С. Венецианов) и консультировавших его ученых-индологов – А.М. и Л.А. Мервартов.

Ключевые слова: Индия, советский театр, Харьков, Киев, Одесса, Москва, Казань, Ленинград, Г.С. Венецианов, А.М. Мерварт

Благодарности и финансирование: Авторы благодарят за помощь в подготовке данной статьи специалистов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Российского государственного архива литературы и искусства и Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, ведущего специалиста творческо-исследовательской части Большого драматического театра Алену Олеговну Баскинд, заведующую фондово-экспозиционным отделом ФГБУК «Большой Санкт-Петербургский государственный цирк» («Музей циркового искусства») Екатерину Юрьевну Шаину, библиографа Информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотека Станислава Владимировича Блохина, а также Максимилиана Изяславовича Немчинского.

Для цитирования: *Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.* Индия 1920-х гг. глазами советского сценариста, консультантов-индологов и театральных критиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 125–144. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-125-144

© Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

India of 1920s as Seen by Soviet Playwright, Consulting Indologists, Theater Critics

Igor Yu. Kotin, Nina G. Krasnodembskaya, Elena S. Soboleva
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, 3 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia,
igorkotin@mail.ru, nigekrasno@mail.ru, soboleva@kunstkamera.ru

Abstract: The authors of this contribution analyze the circumstances and the history of a popular play that was staged in the Soviet Union in 1927–1928. Titled 'Jumah Masjid', this play was devoted to the anti-colonial movement in India. A manuscript of the play, not indicating its title and the name of its author, was found in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences among the papers related to A.M. and L.A. Meerwarth, members of the First Russian Expedition to Ceylon and India (1914–1918). Later on, two copies of this play under the title 'The Jumah Masjid' were found in the Russian Archive of Literature and Art and in the Museum of the Tovstonogov Grand Drama Theatre. The authors of this article use archival and published sources to analyze the reasons for writing and staging the play. They consider the image of India as portrayed by a Soviet playwright in conjunction with Indologists that served as consultants, and as seen by theater critics and by the audience (according to what the press reflected). Arguably, the celebration of the 10th anniversary of the October Revolution in Russia in 1927 and the VI Congress of the Communist International (Comintern) in 1928 encouraged writing and staging the play. The detailed picture of the anti-colonial struggle in India that the play offered suggests that professional Indologists were consulted. At the same time the play is critical of the non-violent opposition encouraged by Mahatma Gandhi as well as the Indian National Congress and its political wing known as the Swaraj Party. The research demonstrates that the author of the play was G.S. Venetsianov, and his Indologist consultants were Alexander and Liudmila Meerwarth.

Keywords: India, Soviet theater, Kharkov, Kiev, Odessa, Moscow, Kazan, Leningrad, G.S. Venetsianov, A.M. Meerwarth

Acknowledgements and Funding: The authors would like to thank the specialists of the St. Petersburg branch of the RAS Archive, the Russian State Archive of Literature and Art and the St. Petersburg State Theater Library, leading specialist of the creative research part of the Bolshoi Drama Theater Alena Olegovna Baskind, head of the fund and exposition department of the Federal State Budgetary Institution of Culture "The Great St. Petersburg State Circus" ("Museum of Circus Art") Ekaterina Yurievna Shaina, bibliographer of the Information and Bibliographic Department of the Russian National Library Stanislav Vladimirovich Blokhin, and Maximilian Izyaslavovich Nemchinsky.

For citation: Kotin, Igor Yu., Krasnodembskaya, Nina G., and Soboleva, Elena S. "India of 1920s as Seen by Soviet Playwright, Consulting Indologists, Theater Critics." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 125–144 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-125-144

Введение

Авторы данной статьи, изучающие наследие экспедиции в составе А.М. и Л.А. Мервартов, обнаружили в российских архивах и библиотеках интересные материалы, связанные с деятельностью супругов Мервартов в качестве популяризаторов Индии и индийской культуры, и консультантов по вопросам индийской истории и социально-политической ситуации, щедро делившихся своими знаниями со студентами, коллегами-учеными, деятелями театра. Ранее в «Вестнике РУДН. Серия: История России» была опубликована статья авторов, посвященная экспедиции Музея антропологии и этнографии (МАЭ) на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.[1] Настоящая статья является продолжением исследования научного наследия А.М. и Л.А. Мервартов. Работа в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук, а затем в литературных и театральных архивах привела нас в поли-

[1] *Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.* Первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию (1914–1918) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 619–641. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-619-641

тизированный мир советского театра конца 1920-х гг., призванный отражать важные этапы истории СССР и мирового революционного движения. Именно с театральной жизнью связана история одной пьесы, при написании которой Александр Михайлович Мерварт (1884–1932) и Людмила Александровна Мерварт (1888–1965) выступили консультантами. Мы рассматриваем историю написания и постановки пьесы в контексте политических событий СССР конца 1920-х гг., а содержание пьесы – в контексте трактовки истории Индии в советской индологии того времени.

Данное исследование основано на материалах Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Архива Большого драматического театра (БДТ), Музея циркового искусства, материалах советской периодики 1920–30-х гг., научных публикациях и литературно-художественных изданиях. Исследованию предшествовали некоторые публикации, частично отражавшие тему формирования образа Индии в России и СССР. Существенным вкладом в изучение российско-индийских культурных контактов в начале XX в. стал труд Т.Н. Загородниковой «Индия и Серебряный век русской культуры: Очерки русско-индийских отношений»[2]. А.А. Вигасин в работе «Изучение Индии в России (Очерки и материалы)» дает краткую биографию А.М. Мерварта и Л.А. Мерварт[3]. В серии публикаций авторов данной статьи биография А.М. и Л.А. Мервартов дана более подробно, и большое внимание уделено экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию (1914–1918 гг.) и научному наследию Мервартов[4]. Во второй главе коллективной монографии «СССР и Индия» дается анализ общественно-политических, научных, культурных и торговых связей между СССР и Индией в рассматриваемый период[5]. Ряд театроведческих статей, мемуаров и рецензий посвящен постановкам интересующей нас пьесы. Все они относятся к 1920-м гг. В свое время пьеса стала явлением художественной жизни страны[6], но была забыта. Исследование истории ее написания, анализ событий, описанных в пьесе, стали своеобразным вызовом для авторов данной статьи.

Индия на российской сцене и в отражении советских научных и научно-популярных публикаций в 1920-е годы

Несмотря на живой интерес к индийской культуре, российские и советские авторы нечасто обращались к изображению индийской жизни на театральной сцене. Из русских поэтов К.Д. Бальмонт писал об Индии и переводил поэтические произведения, посвященные этой стране. Из индийских музыкантов, побывавших в России, следует назвать гастролировавшего в Москве поэта-суфия и музыканта Инайят Хана[7]. В 1916 г. в Россию прибыл музыкант Хасан Шахид Сухраварди из Бенгалии, дававший частные концерты и общавшийся с деятелями культуры. К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко поставили в 1917 г. в Московском художественном театре пьесу Р. Тагора «Король темного чертога» в переводе Ю. Балтрушайтиса, и отдельные сцены спектакля были показаны в конце 1918 г.[8] Но это, конечно, несравнимо с европейской тематикой театров России, а позднее – СССР.

[2] *Загородникова Т.Н.* Индия и Серебряный век русской культуры: Очерки русско-индийских отношений. М., 2018.

[3] *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (Очерки и материалы). М., 2008. С. 507–534.

[4] *Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю., Соболева Е.С.* Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию. История. Коллекции. Научное наследие. СПб, 2018.

[5] *Котовский Г.Г., Хейфец А.Н., Шаститко П.М.* СССР и Индия. М., 1987.

[6] *Соболева Е.С.* Пьеса Г.С. Венецианова «Джума Машид» на советской сцене // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г. Материалы конгресса. СПб, 2019. С. 33–34.

[7] *Загородникова Т.Н.* Индия и Серебряный век русской культуры: Очерки русско-индийских отношений. М., 2018. С. 150.

[8] Там же. С. 118.

Тема Востока в советской России звучала с первых дней существования советского государства, но стала особенно актуальной при подготовке празднования десятой годовщины Октябрьской революции. 3 декабря (20 ноября по старому стилю) 1917 г. Совет народных комиссаров обратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором новое правительство России декларировало отказ от захватнических планов и выступило с осуждением европейских планов порабощения стран и народов Востока. В 1918 г., рассчитывая на «пробуждение Востока», руководство советской России опубликовало «Синюю книгу: Индия для индийцев», содержащую документы секретных архивов Российской империи, посвященные Индии и показывающие, что британцы не собирались уходить из страны, несмотря на обещание предоставить Индии самоуправление.

Целям политической пропаганды в СССР и демонстрации революционного подъема на Востоке служили и театральные постановки. Однако первые годы после Октябрьской революции были трудными для театров, как и для всей страны. Лишь к 1926–1927 гг. тема Востока (теперь – «пробужденного Востока») зазвучала достаточно громко в постановках столичных и провинциальных театров, что было неудивительно. К празднованию десятой годовщины Октябрьской революции советская столица ждала многочисленных гостей, среди которых были видные деятели партии Индийский национальный конгресс Мотилал Неру и Джавахарлал Неру. Летом и осенью следующего, 1928 г., планировалось проведение в СССР очередного (VI) конгресса Коминтерна, и к этой дате готовились театральные постановки на тему «Пробуждения Азии», революционного подъема на Востоке. Кстати, именно на этом съезде была высказана мысль о том, что Индия может пойти по некапиталистическому пути развития[9]. В Москве, Петрограде (Ленинграде), Ташкенте с 1918 г. эпизодически появлялись индийские революционеры, стремившиеся рассказать советским людям о положении индийцев под британской властью и узнать больше о советском опыте социалистического строительства. К 1927 г. между советскими и индийскими общественными организациями, в частности, профсоюзами, были установлены двусторонние контакты. Советская пресса периодически писала о положении индийских трудящихся. В первой половине 1920-х гг. Академия наук СССР установила книгообмен с Исследовательским институтом Востока имени Бхандаркара, Агентством по распространению восточных книг в Пуне, Советом экономических исследований в Лахоре[10]. В 1925 г. в ленинградском Музее антропологии и этнографии была открыта экспозиция Отдела Индии на базе коллекций, собранных А.М. и Л.А. Мервартами. А.М. Мерварт был в те годы организатором и популярным лектором Радиоуниверситета.

Некоторые сведения о географии и истории Индии советский читатель мог почерпнуть из труда русского советского военного деятеля и востоковеда А.Е. Снесарева «Географическая Индия»[11]. О возглавляемой М.К. Ганди ненасильственной компании 1919–1922 гг. против английских колонизаторов и о его «конструктивной программе» 1923–1924 гг. по объединению индийцев в борьбе с неприкасаемостью и религиозной рознью советские читатели и автор найденной пьесы могли знать из советских газет. К тому же в СССР был издан перевод брошюры Ромена Роллана «Махатма Ганди»[12]. Впрочем, руководство ВКП(б) относилось к Ганди скептически[13]. Со слов Р.А. Ульяновского, И.В. Сталин допустил в адрес Махатмы в 1925 г. довольно резкие слова, позволив себе сравнить его с попом Гапоном.

[9] *Алаев Л.Б.* Историография истории Индии. М., 2013. С. 147; *Рафаил М.* Проблемы индийской революции // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 24.

[10] СССР и Индия… С. 77.

[11] *Снесарев А.Е.* Физическая Индия. М., 1926.

[12] *Роллан Р.* Махатма Ганди (вождь индийских революционеров). Л., 1924.

[13] *Алаев Л.Б.* Историография истории Индии… С. 169.

О рабочем движении в Индии советский читатель мог судить по книге «Рабочее движение в Индии» (1926)[14]. В 1927 г. вышла книга о рабочих организациях Востока[15]. Хотя подобная литература была узкоспециальной, она активно использовалась пропагандистами, «несшими идеи в массы». Вероятно, с этой информацией был знаком по лекциям пропагандистов и передачам Радиоуниверситета автор пьесы. Историк и экономист И.М. Рейснер в тот период также часто выступал с лекциями на тему перспектив революции в Индии[16].

Логичным продолжением лекционной деятельности о революционной ситуации и антиколониальной борьбе народов Востока стали агитационные пьесы на сцене советских театров. Так, ученик Мейерхольда В.Ф. Федоров поставил в 1926 г. на сцене Государственного театра им. Мейерхольда пьесу С.Н. Третьякова «Рычи, Китай», которая успешно шла в театре целых шесть сезонов.

Согласно информации А.И. Юнеля, «во время пребывания в Москве в ноябре 1927–1928 г. индийский драматург Х. Чаттопадхая написал для советского театра драму-хронику о революционной борьбе в Индии»[17]. К сожалению, у нас нет информации о судьбе этой пьесы. Харидранатх Чатопадхая (1898–1990), плодовитый автор и известная фигура литературного мира Индии, доживший до глубокой старости, не упоминал в Индии о своей пьесе, написанной в России. Возможно, что ее написание было поводом посетить СССР. Критик И. Кальменс в 1928 г. ссылается на некую пьесу «Индия в цепях» как на «произведение совсем убогое»[18]. Может быть, это и есть неизвестная пьеса Х. Чатопадхая Событием общественной и театральной жизни СССР она не стала, в отличие от другой пьесы, о которой и пойдет речь в статье.

Индия глазами автора «неизвестной пьесы»

В санкт-петербургском филиале Архива РАН нами обнаружен текст пьесы без названия и без титульного листа[19]. Сюжет пьесы – стачка текстильных рабочих в вымышленном индийском княжестве Бишенпур, где по коварному замыслу колониальных властей специально вблизи друг от друга возведены храм богини Кали и соборная мечеть Джума Машид (правильнее – Масджид), и британские правители провоцируют вооруженные столкновения рабочих – индусов и мусульман. Пьеса обладала очевидными достоинствами, вероятно, могла быть поставлена на театральной сцене. Как мы позднее узнали, так оно и было.

Автор вывел вымышленных, но вполне характерных для Индии того времени персонажей. Первый и главный герой здесь – индиец нового типа: индус по вероисповеданию, представитель высокого сословия в индийской системе ценностей, то есть *брахман* (в пьесе – *брамин*). В то же время он имеет европейскую степень доктора медицины, получил образование в Калькуттском и Эдинбургском университетах, и в некоторой степени уже эмансипирован от глубоких индусских предрассудков, даже борется с ними. Зовут его Джаганат Кунду. Он помолвлен, а точнее (по индийским нормам) женат детским браком на девушке по имени Лилавати, которую он многие годы даже не видел. Отца его невесты-жены зовут Гопаль Сен, он – богатый владелец текстильной фабрики, не брахманского рода (из касты каястха), но породнился с семьей из высокой касты за деньги. У Гопаль Сена есть сын, будто бы (по авторской трактовке) борец за национальные интересы индийцев и враждебен

[14] *Штейнберг Е.* Рабочее движение в Индии. М., 1926.

[15] *Балабушевич В.В., Геллер Л., Эйдус Х.* Рабочие организации Востока. М., 1927.

[16] *Рейснер И.М.* Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии // Новый Восток. 1922. № 1. С. 119–132.

[17] СССР и Индия… С. 86.

[18] *Кальменс И.* По старой схеме // Рабочий и театр. 1928. №11. С. 2–3.

[19] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 73. 103 л.

всему иностранному, сторонник ненасильственных форм борьбы с колониальной властью (по типу свараджа, свадеши, гандизма). Автор пьесы явно противник этих идей, он считает, что теория непротивления злу только на руку британцам. И поэтому в конце концов выставляет этого героя предателем, которому покровительствуют британцы. В доме фабриканта также проживает вдовая сестра Гопаль Сена.

Присутствует в пьесе и номинальный правитель вымышленного княжества магараджа (правильнее – Махараджа) Мартанда: он по-старинному избалован богатством, прислугой, многими женами, капризен в быту, но терпеливо сносит господство британцев. Свое «сближение» с чужеземными господами он обозначает женитьбой на европейской женщине (Лизи О'Келли, 15-ая жена махараджи), хотя по сути это не делает ему чести, так как у молодой особы весьма сомнительная репутация (в Англии она была артисткой варьете, к тому же она – ирландка).

Показаны в пьесе и реальные управители дел княжества: британский резидент Вильям Хармсфорд, начальник местной полиции Дэвид Мэк-Григор и их служащие – полковник британской колониальной службы Джэк Руд, секретарь Хармсфорда Эвелин Сен-Джон. Далее следуют местные агенты британской полиции: Дурга Дас (индус) и Ибрагим (мусульманин), начальник мусульманского отряда сипаев (местное подразделение британской армии) в чине рисальдара Мир-Саид. Среди чужеземцев даже положительный по возможному предположению персонаж – член парламента от британской рабочей партии Фрэд Барроу (пурист и педант, по форме – защитник униженных), когда «дело доходит до дела», оказывается двуличен, если не враждебен, по отношению к местному населению. Он сам выражает это кредо: «Ни одна партия в Великобритании, в том числе и наша рабочая, никогда не откажется от Индии».

В пьесе представлены яркие бытовые типы Индии начала XX века: верховный жрец индуистского храма Нараян Рао, индусский аскет Йоги-Нанду, храмовая танцовщица шиваитка Манджари, муэдзин мечети Джума-Машид Хаджи-Абдалла, мусульманский аскет Факир, мулла, ростовщики (по вере один индус, а другой – мусульманин). В действии пьесы, так или иначе, появляются торговец, музыкант, рикша, водонос. Пеструю картину представляют работники принадлежащей Гопаль Сену фабрики: это люди из разных индийских регионов, разных национальностей и вероисповеданий (в пьесе – преимущественно индусы и мусульмане). В разных сценах драмы участвуют фабричные рабочие, рикши, кули, отверженные общества – неприкасаемые, слуги богачей и свита махараджи (у автора – магараджи), сипаи (солдаты), горожане.

Сюжет пьесы развивается очень стремительно: и в плане общественной ситуации, и в плане личных отношений и социальных позиций отдельных героев. По коварному замыслу колониальных властей изначально заложена основа возможного конфликта тем, что в непосредственной близости друг от друга построены индуистский храм строгой богини Кали и мусульманская святыня – пятничная мечеть Джума Машид (правильнее – Джима/Джума Масджид).

Пьеса состоит из шести актов, у автора они называются картинами, в названиях которых зафиксированы главные места действия, и в начале говорится следующее:

«Действие в наши дни в городе Бишенпур индийского полуавтономного княжества магараджи Мартанды.

КАРТИНА ПЕРВАЯ – У храма богини Кали.

КАРТИНА ВТОРАЯ – У Гопаль Сена.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ – У магараджи Мартанды.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ – В рабочем квартале.

КАРТИНА ПЯТАЯ – У резидента Хармсфорд.

КАРТИНА ШЕСТАЯ – На улице Бишенпура».

Картина первая открывается ночным видом двух святынь – храма богини Кали и мечети Джума Машид – на фоне богатой тропической природы и вблизи мощных корпусов текстильной фабрики. Это, хотя и неодушевленные, но очень важные герои пьесы. На фабрике готовится забастовка. Один из ее инициаторов – Кунду, который служит фабричным доктором. В храме Кали происходит торжество в виде яркого праздничного шествия (автор подчеркивает дикость и разнузданность, фанатизм в поведении его участников). А в мечети отмечают свой праздник – в пьесе он называется *мохарам* (правильнее – Мухаррам), и мусульмане тоже настроены взволнованно и настороженно: они не желают, чтобы индусское шествие проходило мимо мечети. «Следить за порядком» приезжает на рикше и британский начальник полиции, а между тем и сам он, и его специальные агенты на самом деле подзуживают разгоряченную толпу, «раздувают» конфликт между индусами и мусульманами. Их главная задача – пресечь забастовку. Кунду старается примирить враждующих, объяснить им общность их интересов, но довольно безуспешно.

Тем временем в доме Гопаль Сена, устроенном «в полуевропейском, полутуземном духе» (с резным индийским столиком, кальяном, персидским ковром, тяжелыми английскими креслами), Лилавати проводит время с тетушкой, которая развлекает ее игрой на вине (индийский струнный музыкальный инструмент – *Авт.*) и пересказом легенды о Кришне. Лилавати грустит, так как именно сегодня ее передадут супругу, которого она не знает и боится. И она гневается на индийскую традицию, которая, по ее мнению, делает женщину рабой. Она высказывает сочувствие своей тете, которая в свое время стала девочкой-вдовой и прожила пустую, грустную жизнь. В разговоре выясняется, что Лилавати влюблена в мусульманина, *рисальдара* (капитана) Мир-Саида, с которым познакомилась на приеме для индусок у европейской жены махараджи О'Келли.

Разговор женщин прерывается приходом отца Лилавати (сестру он тут же прогоняет, чтобы она не сглазила «счастливый день» его дочери), который взбешен событиями на фабрике, претензиями бастующих рабочих и звонит начальнику полиции, чтобы рабочих усмирили силой. Пока Гопаль Сен договаривается с британским чином и еще занимается биржевыми делами, а Лилавати молит отца не отдавать ее «мужу», выясняется, что Минакши совершила позорный поступок. А именно: помогла женщине из касты сапожников (они – неприкасаемые в Индии) поднять на голову кувшин с водой. «Проклятая вдова. Источник всех моих несчастий» – первые слова о ней Гопаль Сена. Но он смягчается, когда узнает, что «сапожник» – его партнер в делах биржи и банка.

За окнами дома Гопаль Сена продолжает разгораться конфликт между индуистами и мусульманами, в его гостиной появляется начальник полиции, а также и Кунду, пришедший за Лилавати. В бурном диалоге молодых людей выясняется, что Кунду готов помочь Лилавати обрести настоящую свободу действий, он предлагает уйти с ним (просто так, без исполнения свадебных обрядов) и обещает относиться к ней как брат к сестре. Все эти нарушения правил ужасают Гопаль Сена, так как в отсутствие наследников некому будет проводить соответствующие обряды после его смерти, а супругам, сохраняющим целомудрие, грозят ужасные кары в следующих рождениях. И переход невесты к мужу без обрядов – позорен. Лилавати некоторое время колеблется, но потом уходит за Кунду, оставляя отца и родной дом.

Мир-Саид делится с О'Келли личными переживаниями: он опечален, что любимая им Лилавати ушла к мужу и в то же время читает целую лекцию в осуждение той свободы поведения, которую Кунду предоставил «жене». Его убеждение: «Аллах знает – женщина для утехи мужчин». Хотя он искренне ревнует и боится, что Лилавати сможет полюбить Кунду.

На сцене появляется сам махараджа в сопровождении роскошной свиты и военной охраны (в антураже обозначены слоны, паланкины, копья, звучат флейты и барабаны). Как позже разъясняется, он посещал храм священных обезьян, где его особенно впечатлил неприятный запах, а еще пришлось потратиться на солидное пожертвование. Мартанда выходит к зрителям в парадном княжеском одеянии (Лизи О'Келли называет его маскарадным костюмом), окруженный слугами с опахалами и брахманами во главе с Нараяном Рао. Жрец называет собравшихся злыми духами и просит князя прогнать их. Мартанда вяло отбивается, но исполняет диктуемые жрецом обрядовые действия, а также отсылает подальше от себя Лизи. Он все еще не пришел в чувство после езды на слоне и, обменявшись любезностями с присутствующими британцами, жалуется, что вынужден по статусу («ноблесс оближ», роняет он) пользоваться туземным выездом, хотя сам предпочитает авто. Звучит наглая шутка Хармсфорда, что пора бы заменить священных слонов священными автомобилями. Мартанда и сам плоско шутит насчет традиции умащения священным навозом ради очищения от зла и заявляет, что предпочитает лондонскую парфюмерию. Он с раздражением упоминает о забастовке и утешается словами начальника полиции, что она уже ликвидирована. «Беспокойный народ», – изрекает он, отправляясь переодеться в более комфортную для него европейскую одежду.

Между тем к европейцам приходит группа рабочих разных национальностей, они жалуются на свою бедность, несчастья и несправедливость Гопаль Сена, особенно просят Барроу о помощи. Но тот дает им лишь общие рекомендации: обратиться в профсоюзы, вплоть до лондонского уровня. А полковник Руд, несмотря на их слезные мольбы на разных языках, просто прогоняет их, угрожая пистолетом. Дальше европейцы ведут пошлые разговоры, обвиняя самих работников в их бедах и насмехаясь над «чудесами» Индии. Появляется переодетый в европейский костюм Мартанда (жрец и другие брахманы окончательно покидают владения махараджи) и приглашает присутствующих на представление, в котором обещает участие хорошеньких танцовщиц, «служительниц бога Шивы», добавляя, что Шива в принципе «не ревнив»… Действо начинается. Тем временем Хармсфорд приглашает присутствующих к себе на небольшой раут по поводу дня рождения короля Великобритании.

А во дворце резидента Хармсфорда идет бал, под вензелем короля Британии. Тревожное донесение от полковника Руда: индийцы обрели единство и идут войной на европейцев, уже захвачен вокзал, Руд просит подкрепления. Мак-Григор растерян, но не Хармсфорд: он предлагает действовать не военной, а политической силой – разрушить союз индусов и мусульман, натравить их друг на друга и, прежде всего, арестовать их вдохновителя Кунду. Придумать маневр. Появляется поникший Гопаль Сен и жалуется резиденту, что восставшие его разорили, заняли фабрику, склады, наверно, грабят дом. Дочь попала в руки мятежников. Резидент обещает помочь карательными отрядами. «Душить, резать, пытать этих собак...», – взывает к нему фабрикант.

Появляются агенты Ибрагим Хан и Дурга Дас, отчитываются: восставшие захватили вокзал, мосты, почту, телеграф, правительственное здание, фабрику и движутся дальше, они уже в трех милях от дворца резидента, сипаи поставили пулеметы на важных дорогах. Чтобы нарушить единство мятежников, британцы используют письмо Мир-Саида, в котором он извиняется перед Лилавати за свою несдержанность при их свидании. А также тали (знак замужества) с ее именем, которое она продала торговцу, чтобы накормить голодающих, и которое позже выкупил Мир-Саид. Они распускают слух (прежде всего доводя его до брата Лилавати), что «мусульманин изнасиловал индуску», что теперь она достойна только борделя в Бомбее. А заодно подкупают самих мусульман, чтобы те подожгли мечеть (обещая

возвести на этом месте новую мечеть Моти-Машид Ибрагим Хана). План иноземцев срабатывает: на Мир-Саида, когда он приходит помириться с Лилавати, набрасываются индусы. Когда загорается мечеть (в этом огне гибнет и Мир-Саид), мусульмане объявляют джихад. Как ни пытается Кунду объяснить людям правду и сохранить их единство, ничто уже не помогает, разгорается вражда, взаимная ненависть и разражаются резня и погром. Кунду гибнет, Лилавати теперь становится вдовой. Ко всем ее несчастьям добавляется теперь грубое и жестокое отношение отца и брата. Девендра Сен предлагает ей совершить обряд сати, но это запрещено английскими законами в Индии. А Гопаль Сену обещает сослать дочь, теперь приносящую несчастья вдову, в тераи – болотистую болезнетворную местность. И уж как он собирается отомстить своим работникам, проигравшим битву за справедливость! А самодовольные британцы насмехаются над телами Кунду и его соратников. Пьеса имеет определенный антибританский характер, в ней также критикуются гандисты и выступавшие за легальную борьбу с британцами усеренные члены Индийского национального конгресса – свараджисты, представленные соглашателями. Несмотря на идеологическую подоплеку, пьеса очень богата этнографическим материалом. Неслучайно текст пьесы был найден в архиве, связанном с деятельностью Музея антропологии и этнографии.

История одной находки. Об авторе и консультантах пьесы

Ключ к выявлению авторства найденной пьесы был обнаружен в фонде члена-корреспондента АН СССР Д.К. Зеленина. Перед арестом (13 января 1930 г.) по ложному обвинению в участии в антиправительственной организации А.М. Мерварт уничтожил часть своих бумаг, а часть, вероятно, отдал на хранение или случайно оставил коллегам. В бумагах Д.К. Зеленина найдены некоторые письма, адресованные А.М. Мерварту. В частности, 28 августа 1927 г. сотрудник Музея антропологии и этнографии Т.А. Корвин-Круковская писала своему начальнику заведующему Отделом Индии А.М. Мерварту, находившемуся в тот момент в зарубежной командировке: «На днях мне звонил Венецианов и между прочим просил Вам написать, что он послал в Брухзаль три письма на имя Людмилы Александровны относительно его пьесы и ни на одно письмо не получил ответа» [20]. В июне – сентябре 1927 г. А.М. и Л.А. Мерварты находились в командировке в Германии, Франции, Нидерландах, оставив детей у родителей А.М. Мерварта в г. Брухзаль в Германии.

К тому времени А.М. и Л.А. Мерварт были ведущими специалистами по Индии в СССР. При этом они с особым интересом относились к истории и современности индийского театра. На Цейлоне и в разных частях Индии они изучали храмовые праздники, наблюдали выступления местных театральных трупп, представлявших разные виды и жанры классического и народного театра: представления цейлонского театра масок коланадува[21], малабарской танцевальной драмы катхакали[22], кашмирских скоморохов (Бханда), сатирические импровизации странствующих актеров[23], мистерии Раслила[24], бенгальской джатры[25]. Собранные ими материалы по цейлонскому и индийскому театральному искусству легли в основу серии статей Мервартов на английском, русском и французском языках[26]. А.М. Мерварт изучал так-

[20] СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 545. Л. 4–4 об.

[21] Там же. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 25.

[22] *Meerwarth A. M.* Les Kathakalis du Malabar // Journal Asiatique. 1926. Vol. 4. P. 150–155.

[23] *Мерварт А. М., Мерварт Л. А.* Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927. С. 17.

[24] Там же. С. 19.

[25] *Мерварт А.М.* Индийский народный театр // Восточный театр. Л., 1929. С. 78.

[26] *Meerwarth A.M.* The Dramas of Bhasa: A Literary Study // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS). 1917. – Vol. 13. № 5. P. 261–280; *Мерварт А.М.* Сюжет Сакунталы в малабар-

же драмы индийских драматургов Бхасы, Калидасы, историю классической драмы и тамильской поэмы «Манимехалей». В 1925 г. в Музее антропологии и этнографии АН СССР супруги Мерварты создали экспозиции, посвященные Индии и Индонезии. А.М. Мерварт написал подробный путеводитель «Отдел Индии», где были представлены цейлонский и малабарский народные театры, а также бенгальские марионетки[27].

С 1925–1929 гг. А.М. Мерварт вел занятия в вузах Ленинграда, читал публичные лекции по индологии, работал в качестве сверхштатного действительного члена Государственного института истории искусств по секции «История театра[28]. Выступал организатором выставки «Театр народов Востока» в Академии наук в Ленинграде. В 1929 г. им был подготовлен сборника «Восточный театр». Он читал лекции по индийскому театру в театре Мейерхольда[29]; проводил занятия на экспозиции МАЭ для артистов Государственного театра юных зрителей (ТЮЗ), занятых в постановке пьесы из жизни современной Индии, за что заведующий театром, знаменитый режиссер А. Брянцев выразил ему благодарность[30].

Рассказы и пояснения А.М. Мерварта нашли отражение в спектаклях, поставленных учениками Мейерхольда и Брянцева. Вероятно, именно так начинающий драматург Г.С. Венецианов встретился с А.М. Мервартом и обратился к нему с просьбой о консультации по поводу своей пьесы на индийскую тему. Упоминание в письме Т.А. Корвин-Круковской Л.А. Мерварт в связи со звонками драматурга и тремя отправленными ей письмами говорит, что и она была консультантом Венецианова.

Об авторе пьесы и мотиве ее появления на советской сцене

Бывший моряк Балтийского флота Георгий Семенович Венецианов (1896–1965) после демобилизации окончил драматическую школу, попробовал себя в качестве актера, но выбрал режиссуру и драматургию. Автор пьес («Джума Машид», «Кровь и песок» по роману Бласко Ибаньеса), киносценариев («Сложный вопрос» в соавторстве с Г. Блаштейном, «Четвертый перископ»), заведовал литературной частью Ленинградского мюзик-холла (1931–1934), увлекся цирковым искусством и написал сценарии цирковых пантомим («Индия в огне» совм. с А. Жаровым и «Выстрел в пещере» совм. с С. Островым). Он был художественным руководителем Ленинградского цирка (1946), консультировал фильмы с цирковыми номерами. В 1956 г. Г.С. Венецианову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР[31].

Лучшей считается пьеса Г.С. Венецианова на индийскую тему (варианты названия – «Индия в огне», «Огонь и сталь»). Премьера ее под названием «Джума Машид» состоялась в октябре 1927 г. сразу в нескольких советских театрах. Один из театральных критиков писал о Г.С. Венецианове следующее: «…Стремился дать живую и правдивую народную эпопею современной Индии, ее мечущихся стра-

ской народной драме // Восточные записки. Л., 1927. С. 117–130; *Мерварт А.М.* Элемент народного творчества в классической драме древней Индии // Сборник МАЭ. Л., 1928. С. 267–282; *Meerwarth-Levina L.* The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon // Ceylon Antiquary and Literary Register. 1916–1917. Vol. 1. № 1. P. 29–37; *Мерварт Л.А.* Техника сказывания сказок у сингальцев // Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927. С. 50–59; *Мерварт Л.А.* Сказания о Паттини-деви // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1928. С. 242–266; *Мерварт Л.А.* Индийский театр // Большая Советская энциклопедия. М., 1937. С. 150–151.

[27] *Мерварт А.М.* Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л., 1927.

[28] СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 8. Л. 25.

[29] Там же. Ед. хр. 5. Л. 283.

[30] Там же. Оп. 1 (1928). Ед. хр. 3. Л. 132.

[31] *Медведев М.* Ленинградский цирк. (Лениздат, 1975) Часть 34. URL: http://www.cirk-bilet.ru/recTheatre/286/id302/.

стей, ее стремлений к национальному освобождению, заторможенных искусно раздуваемым пламенем внутренней религиозной распри. <…> События, происходящие вокруг этой Джума-мечети, столь же типичны для современной Индии, как типично и большинство действующих в пьесе лиц. Все они по существу лица собирательные, конденсированные образы отдельных социальных групп. Фон пьесы – панорама Индии наших дней, Индии, закопченной дымом бесчисленных фабричных труб. Индии, в которой традиции страны так прихотливо смешались с наносной европейской культурой»[32].

Мерварты, находясь в командировке в Германии, Франции и Нидерландах, не успели поработать с окончательным текстом пьесы Венецианова. Но подлинные знания об индийских реальностях автор мог получить именно от них, причем в устной форме: некоторые оригинальные слова и названия переданы с искажениями, но бытовые зарисовки весьма точны, персонажи и характеры типичны, социальные ситуации и конфликты характерны для Индии тех лет. Большое количество индийских реалий говорит о серьезной работе драматурга и консультантов над пьесой.

В машинописном тексте пьесы в СПбФ АРАН нет правки. Этот же вариант текста «“Джума-Машид” – шесть картин современной Индии» хранится в РГАЛИ[33]. При этом в тексте пьесы, обнаруженной в Архиве БДТ, имеются режиссерские изменения.

Постановки пьесы. Реакция критиков и зрителей

Премьера пьесы Г.С. Венецианова «Джума Машид» состоялась в октябре 1927 г. в Театре русской драмы (Харьков)[34] и в Национальном академическом драматическом театре имени Ивана Франко (Киев). Балерина Юлия Фомина вспоминает о сложных, смелых и эксцентричных танцах и экзотических костюмах киевской постановки (режиссер М. Попов, художник М.И. Драк, композитор Н. Пруслин, хореограф Э. Вигилев)[35].

Постановка режиссеров А.Д. Дикого и В.М. Бебутова в Московском Драматическом театре (бывший Корша) в ноябре 1927 г. – декабре 1928 г. была воспринята не слишком благосклонно[36]. Спектакль в целом критикам показался склеенным из разных кусков, распределение ролей они нашли ошибочным. Исполнение не имело ничего общего с индийским характером чрезвычайно стильных и ярких декораций художника Павла Варфоломеевича Кузнецова (эскизы костюмов вошли в анналы театрального искусства) [37]. Также высоко оценили критики музыкальное оформление спектакля Александра Владимировича Варламова («патриарха советского джаза»). Актеры же, как отмечали критики, десятилетиями воспитывались «на беззлобном, будто бы “аполитичном” так называемом салонном репертуаре» и, «переодевшись в индийские костюмы, не перестали быть самими собой»[38], восприняли роли как буффонаду. «Экзотизм» выразился в обилии обрядовых жестов, стилизованных движений и непонятной акцентировки. Противоречие, по мысли критиков, заключалось в том, что «по манере письма пьеса тяготеет к наивному реализму, к изображению настоящей, а не “условной” Индии, как обычно бывает в ме-

[32] *Венецианов Г.* «Джума Машид» в Большом драматическом // Рабочий и театр. 1928. № 9. С. 7.

[33] Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 681. 97 л.

[34] Харьков, Театр русской драмы. 1927 «Джума Машид» // Современный театр. 1927. № 7. С. 112.

[35] *Фомина Ю.* Мемуары. URL: http:// jgreenlamp.narod.ru/fomina2.htm

[36] Советское искусство. 1935. № 26. С. 3.

[37] *Костина Е.* Художники театра. 50 лет советского искусства. М., 1969.

[38] *Уриэль* [*О. Литовский*]. «Джума-Машид» в театре б. Корша // Дикий А.Д. Избранное. М., 1976. С. 342.

лодрамах»[39]. Спектакли, поставленные к 10-летию Октября (выбор каковых был невелик), должны были раскрыть пафос революции и ее идейный смысл. Режиссеров упрекнули в отвлеченной эмоциональности, в явной беспредметности, изображенной на сцене их театра революции[40]. Особенно часто режиссеров ругали за неудачные массовые сцены[41]. Финал с метавшимися по сцене восставшими, размахивавшими кривыми саблями, напомнил экзотические приключенческие романы типа «80 дней вокруг света» и т.п.[42]

Впрочем, постановка А.Д. Дикого и В.М. Бебутова имела неожиданные последствия. Она вдохновила М.А. Булгакова дописать задуманную им в 1926 г. пародийную пьесу «Багровый остров: Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича с музыкой, извержением вулкана и английскими матросами)»[43], которая недолго шла в Московском Камерном театре (с декабря 1928 г. – июнь 1929 г.)

В отличие от «Рычи, Китай», в пьесе «Джума Машид» были показаны методы английской разведки – подкуп, провокационные слухи, подавление вооруженного восстания. С изумлением слушали зрители призывы одного из персонажей ломать машины и заменять их домашней прялкой, отказываться от фабричных тканей. Плохо знакомые с идеями ненасилия Махатмы Ганди журналисты воспринимали это как гротеск, называли гандистов политическими непротивленцами[44]. Британцы в пьесе не опасаются свараджистов, которые, по их мнению, «приличные революционеры», «они у всех на виду, они громко кричат, но, право, не приносят особого вреда».

Показ на сцене далекой и экзотической Индии вызывал естественный интерес и повышенное внимание критиков к постановке. Только с 8 ноября 1927 г. по 18 декабря 1928 г. в центральных газетах появилось 18 рецензий на пьесу «Джума Машид»[45].

Большого успеха добился молодой режиссер Алексей Львович Грипич, ученик и соратник В.Э. Мейерхольда, который трижды ставил «Джума Машид»[46]. В 1924–1926 гг. Грипич руководил (после В.М. Бебутова) Театром Революции в Москве. В декабре 1927 г. он и актер М.Ф. Астангов переехали в Одессу во вновь образованный Русский драматический театр. В качестве первой постановки режиссер выбрал «Джума Машид». Он вспоминал: «В нашем спектакле жизнь Индии, которую мы знали главным образом по консультациям профессора А.М. Мерварта[47], была окрашена в экзотические тона»[48]. На роль Мир-Саида он назначил актера Михаила Астангова, творчеству которого был свойственен углубленный психологизм.

В сезоне 1928/29 гг. А.Л. Грипич принял художественное руководство Русским драматическим театром в Казани и поставил там вновь «Джума Машид» с

[39] «Джума Машид». Театр бывш. Корша // Марков П. А. О театре. М., 1976. С. 475–476.

[40] Октябрьские постановки: К проблеме социального спектакля // Марков П. А. О театре. М., 1976. С. 465.

[41] Новые постановки театра б. «Корш» // Известия. 1928. № 15. С. 5.

[42] «Джума Машид». Театр бывш. Корша // Марков П. А. О театре. М., 1976. С. 476.

[43] *Мягков Б.* Булгаков на Патриаршьих. М., 2008.

[44] *Гидони А.* Колониальные постановки // Современный театр. 1927. № 15. С. 228–230.

[45] Новый зритель. 1927. 8 ноября. С. 21; Там же. 1927. 13 декабря. С. 8; Известия. 1927. 19 ноября. С. 6; Там же. 1927. 10 декабря 1927. С. 6; Там же. 1927. 20 декабря. С. 8; Там же. 1927. 21 декабря. С. 8; Там же. 1928. 21 января. С. 5; Молодой Ленинец. 1927. 27 ноября; Правда. 1927. 30 ноября. С. 8; Там же. 1927. 2 декабря. С. 7; Там же. 1927. 3 декабря. С. 6; Там же. 1928. 11 января; Там же. 1928. С. 8; Вечерняя Москва. 1927. 1 декабря; Труд. 1927. 14 декабря; Наша газета. 1927. 15 декабря; Рабочая Москва. 1928. 18 декабря.

[46] Русская госдрама Одесса. По СССР. Одесса // Современный театр. 1927. № 16. С. 254.

[47] Следовательно, А.М. Мерварт консультировал не только автора пьесы, но и одного из постановщиков – А.Л. Грипича.

[48] Воспоминания о М. Ф. Астангове // Михаил Астангов. Статьи и воспоминания. М., 1971. С. 250–251.

участием того же М.Ф. Астангова, М.И. Жарова и других быстро ставших знаменитыми актеров[49]. Упомянем, что этот спектакль уже шел в Казани в 1927/1928 гг. в постановке режиссера С.Н. Воронова[50].

Тогда же, в 1928 г., А.Л. Грипич поставил «Джума Машид» в БДТ в Ленинграде. Премьера состоялась 3 марта 1928 г., после чего, 7 и 8 марта 1928 г., появились рецензии в «Красной газете», «Смене», «Ленинградской правде» и в журнале «Рабочий и театр. Жизнь искусства».

Главным художником БДТ стал Моисей Зеликович Левин, который уже ставил этот спектакль с А.Л. Грипичем в Одессе. Грипич тяготел к яркой экспрессивной форме и к условному спектаклю. Левин увлекался конструктивизмом, устанавливал на сцене невиданные еще в театре декорационные сооружения. В золотой фонд российского театрального наследия вошли его эскизы костюмов[51], проект декораций[52].

А.Л. Грипич воспринимал тип пьесы (под другим ее названием – «Огонь и сталь») как социальную драму. Персонажи фактически выявляли психологию конкретной социальной группы. При этом решалась задача найти наиболее выразительную и емкую для смысловой нагрузки форму спектакля. «В постановке мы стремились дать верные бытовые характеристики и сохранить пропорции, соответствующие современной Индии (реализм), но в то же время, мы не пользовались и этнографическим натурализмом»[53], – писал о своей пьесе Г.С. Венецианов.

В процессе подготовки спектакля режиссером были использованы «подлинные наблюдения автора, которые помогли <…> узнать многое о современной Индии, литературные, музейные и другие материалы»[54]. Не следует ли из этого, что А.М. Мерварт или его супруга были фактическими соавторами пьесы? Отмечалось: «Овладение сюжетным материальным и музыкальным оформлением вносило ряд новых положений в работу над ролью. Разработка типажа сопровождалась специальными лекциями-экскурсиями»[55].

Художник М.З. Левин строил образ Индии, определяемый условиями сцены, путем ассоциаций, чтобы дать представление о подлинной Индии. Он организовал действие на ритмической размеренности и игре сценических фактур. Основная установка (падающие плоскости, занимавшие всю сцену, и вертикальные стволы) путем механизации и добавления других частей позволяла монтировать место действия. Этот принцип был продолжен в других постановках БДТ.

При установке сценических моментов вводилась характеристика, определявшая эмоциональное воздействие на зрителя. Так, 1-я картина шла «под знаком тревожного шествия богини Кали; 2-я дается в плане Рабиндранат Тагоровских идиллий с тем, чтобы дальнейшая характеристика (маклер, ссора) разоблачила эту идиллическую приглаженность»[56].

БДТ приучил зрителей к реалистическим постановкам. Критиков в постановке привлекла зрелищная сторона. Отмечалось, что «внешнее оформление и действие разработаны очень мало, интонационная часть детально не затронута»; что «художник Левин разработал интересную установку, в которой наряду с конструктивными

[49] *Шляхов А.Л.* «Молодая Раневская. Это я, Фанечка...». М., 2006.

[50] *Благов Ю.А.* Казанский Большой драматический театр имени В.И. Качалова: (Казанский русский драматический театр): краткий исторический очерк. Казань, 2012.

[51] Художники русского театра 1880–1930: Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. М., 1994. С. 183.

[52] Современный театр. 1927. № 11. С. 1; Современный театр. 1927. № 15. С. 228, 230.

[53] *Венецианов Г.* Джума Машид… С. 7.

[54] «Джума Машид». Драма в 6 частях Г. С. Венецианова. Пост. А.Л. Грипич, худ. оформл. М.З. Левин. М., Л., 1928. С.10.

[55] Там же. С. 12.

[56] Там же. С. 12.

подвижными (на глазах у зрителей формирующихся играющими) частями – ввел стилизованные элементы восточной природы и архитектуры» и что «левинская установка может быть гораздо шире использована»[57]. Впрочем, «Условная Индия» оказалась критикам недостатком, и они решили, что «массовому зрителю непонятны площадки, одновременно являющиеся и рощей, и жилищем, и улицей»[58].

Успеху пьесы способствовали музыка композитора Николая Михайловича Стрельникова и танцы в постановке балетмейстера В.И. Вайнонена. Роли исполняли ведущие актеры БДТ. О значении этой постановки для БДТ свидетельствует большое количество фотографий, на которых зафиксированы типажи, костюмы, декорации, моменты репетиций. В том же 1928 г. спектакль «Джума Машид» в Тбилисском театре имени Руставели поставил режиссер Иван (Кукури) Ермолаевич Патаридзе, художником был Ираклий Ильич Гамрекели.

Индийские реалии в пьесе

Постановки А.Л. Грипича отличались глубиной и выразительностью мизансцен, мастерским построением массовых сцен. Но из текста пьесы в архиве БДТ удалены фрагменты диалогов, основанных на этнографических реалиях, в которых говорится о важных для Индии явлениях. Между тем эти диалоги как раз и объясняют реакцию и поведение персонажей, важнейшие концептуальные понятия образа жизни: кастовое неравенство, положение вдов, отношение к женщинам, обычай сати (самосожжение вдов), религиозные принципы брака и принципы семейной жизни, отношение к смешанным бракам, основы религиозной розни и пр.

Сюжет о женитьбе махараджи Мартанды на иностранке основан на реальных событиях. Прототипом является раджа Шри Брабадамба Дас Раджа Мартанда Бхайрава Тондайман Бахадур (Raja Sri Brabadamba Das Raja Sir Martanda Bhairava Tondaiman Bahadur, 1875–1928) – правитель южноиндийского княжества Пудукоттай (Pudukkottai). В возрасте 11 лет он был коронован, получил воспитание в английском духе. Имея привилегию посещать Австралию (от поставлял скакунов на скачки), въезд в которую был ограничен расистскими законами, он 10 августа 1915 г. женился на светской красавице Молли Финк. В октябре он привез ее в Индию и представил подданным. Ни британские колониальные власти, ни австралийское общество не признали этот брак. Король Георг V отказал супруге махараджи в титуле. Беременную Молли попытались отравить, и махараджа лечил жену в г. Тричинополи, затем в г. Утакаманд. 22 июля 1916 г. в Австралии Молли родила сына Сиднея, которого британское правительство отказалось признать наследником княжества. Мартанда согласился на регентство в обмен на существенную финансовую «компенсацию» и ежегодные пособия для себя и Молли. В 1919 г. он перевез семью в Лондон, в 1922 г. приобрел в Каннах виллу «La Favorite», где и скончался в 1928 г. Прах Мартанды и Молли после кремации помещен в крематории Golders Green в Лондоне[59].

Мерварты постоянно пересекались с махараджей: в 1915 г. они побывали в Пудукоттай, Траванкоре, Утакаманде; в 1927 г. А.М. Мерварт во Франции изучал тамильский и малаялам с Рагхунатха Рао, магистром искусств Эдинбургского университета (именно так охарактеризован в пьесе врач Кунду).

По нашему мнению, пьесу Венецианова, которую критики назвали политическим фарсом, можно отнести к народному театральному жанру *тамаша* (простонародное площадное представление, фарс). Именно так в «Джума Машид» показан праздник махараджи Бишенпура, в котором участвуют британцы и его пятнадцатая

[57] *Кальменс И.* По старой схеме… С. 2.
[58] Там же. С. 3.
[59] *Duyker E.*, *Younger C.* Molly and the Raja: Race, Romance and the Raj. Sylvania, NSW, 1991.

жена-ирландка, «бывшая лондонская певичка из варьете». В тамашах индийцы высмеивали и своих богатеев, и британских сахибов. Венецианову удалось прочувствовать эту особенность индийского народного театра, чему, несомненно, он обязан Мервартам.

Из текста сценария в архиве БДТ явствует, что часть зрелищных эпизодов пришлось сократить (процессия индусов – почитателей богини Кали, мусульманский Мохаррам, сцены голода, резни). Были сделаны также купюры в диалогах, добавлены второстепенные персонажи и изменены их имена, убраны местные словечки и перечисление имен божеств. Богатый натурализм обеспечен консультантами-индологами А.М. и Л.А. Мервартами, которые и продолжили традицию просветительства в этой области. Этнографическая составляющая играла в событиях немаловажную роль, но неподготовленному отечественному зрителю было непросто понять столь насыщенную индийской конкретикой пьесу.

На наш взгляд, именно это упрощение и творческие приемы постановщика повлияли на оценку пьесы критиками. Для понимания сути происходящего важны все прописанные автором нюансы. А так критик свел пьесу к осложненной любовной интриге: Кунду – Лилавати – Мир-Саид[60].

Кроме того, на редакцию пьесы повлияла международная обстановка. В год 10-летия Октябрьской революции англо-советские отношения резко ухудшились. Консервативное правительство Стэнли Болдуина отказалось ратифицировать советско-английские договоры, поддержало американскую «политику непризнания СССР». По всей Европе началось преследование рабочего и коммунистического движения. Трудящиеся СССР проводили митинги в поддержку забастовок британских горняков. Как и все трудящиеся СССР, Мерварты сдавали взносы в фонд помощи бастовавшим английским рабочим (1926)[61]. В 1927 г. британские власти организовали серию недружественных актов: в марте – налет на советское посольство, в апреле – на советские торгпредства в Пекине, Шанхае и Тяньцзине в ходе открытой вооруженной интервенции против китайского народа; в мае – обыск и задержания советских дипломатов в доме торгового общества «Аркос». Было спровоцировано убийство советского полпреда П.Л. Войкова в Польше. Ноты Джозефа О. Чемберлена от 27 мая 1927 г. о разрыве дипломатических отношений с СССР и аннулировании торгового соглашения 1921 г. во многом основывались на поражении британской политики в Китае. Но европейские главы государств и мировая общественность (кроме Канады) не поддержали антисоветскую политику Великобритании. 10 ноября 1927 г. в Москве открылся Всемирный конгресс друзей СССР, на который были приглашены, в частности, и представители индийских профсоюзов, но британская колониальная администрация помешала их приезду.

«Наш ответ Чемберлену» выразился и в такой форме антибританской пропаганды, как театр. Поэтому негативный образ британцев в пьесе «Джума Машид» местами гипертрофируется.

Укажем некоторые значительные купюры, которые сделал режиссер А.Л. Грипич:

Религиозно-суверный характер причины ненависти индийского нувориша Гопаль Сена к сестре (вдове), поддерживаемой сыном (Девендрой Сеном), и его угрозы.

Речи главного героя Кунду перед рабочими и его вмешательство в предотвращении религиозной резни. Его образ лишился динамизма, и критик написал: «Революционный вождь Кунду – резонер, главноуговаривающий»[62].

Рассказ влюбленного Мир-Саида о прелестях жизни женщин в гареме. Отказ Лилавати стал звучать по-ленински кратко: «Хочу работать, учиться».

[60] *Кальменс И.* По старой схеме… С. 2.
[61] СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 1.
[62] *Кальменс И.* По старой схеме… С. 2.

Купюры сильно изменили образ Девендры Сена. Ключ к пониманию этого персонажа дают комментарии драматурга: «Ганди был идеалистом, а сэр Вильям и его друзья – практиками. <…> Партия Ганди – свараджисты –<…> разбилась на множество течений. Появились дегенераты и кликуши, фанатики догмы, взявшие отдельные тезисы учения Ганди и забывшие его сущность. Таков сын Гопаль Сена – Девендра Сен»[63].

Удалены рекомендации махараджи Мартанды Девендре Сену снять индийский костюм (экстравагантный, с его точки зрения, пригодный для низших каст) и одеться прилично, как рабочий депутат Барроу («безукоризненный фрак, тонкие духи... Такие рабочие приятны в обществе… их можно любить»).

Религиозный фанатизм Девендры Сена, который постоянно апеллирует к богине Кали, в спектакле практически не звучит. При этом его фразу «Долой культуру англичан и всех саибов» поправляет голос из толпы: «Это не Кали. Это Махатма Ганди. Это его слова».

Режиссер А.Л. Грипич убрал реплику Девендры Сена («растерянного и жалкого») в начале восстания: «О, это дикий народ. Ему я отдал свои лучшие силы. Принес в жертву все, чем наградили светлые боги. И вот плоды. Великий народ обратился в хищного зверя, он жаждет насилия, крови. Безмерны его грехи. Я пришел на унижение к врагам моей страны, Я осквернил свою касту». На это Барроу реагирует: «Очень, очень рад. Наконец-то, свараджисты нашли правильный путь. /уходит/». Когда Девендра Сен заявляет, что он – член «Лиги Мира» и против насилия, оскорбленная британцами О'Келли бросает «приличному революционеру»: «Дурак». Но все заявления поборника старины и чистоты касты Девендры Сена, что он является вождем рабочих, врагом англичан, который будет «бороться мирно, но до конца», оставлены.

Отношение британцев к махарани Лизи О'Келли остается непонятным зрителю. Хотя в тексте пьесы еще в 3-ей картине британский резидент объясняет рабочему депутату Барроу, что она – не англичанка, а ирландка (намек на невысокое положение ирландцев в английском обществе), бывшая лондонская певичка из варьете, то есть женщина с сомнительным прошлым, которая, с точки зрения колониальных властей, занимает низкое положение в обществе. Экс-кафешантанная дива любит дразнить верховного жреца Нараяна Рао своими танцами, когда он может видеть ее с верхней площадки храма, предаваясь молитвенному экстазу.

Убраны англофильские ремарки махараджи Мартанды, трактовка им религиозной песни индусов («Какое средневековье!»), его самоустранение от расстрела народа. Когда туземный агент Ибрагим-Хан предлагает агенту Дурга-Дасу переодеться отшельником перед выполнением приказа британского резидента поджечь мечеть Джума-Машид, убрана его ремарка: «Саибы любят строить мечети».

Член парламента, один из лидеров британской рабочей партии Фред Барроу мог бы быть представлен в более сатирическом ключе. Прибыв с поручением из Лондона ознакомиться с положением рабочего класса в Индии, он больше интересуется индийской экзотикой, чем помощью голодающим бастующим рабочим, которых, кстати, к нему не подпускают.

Исключен разговор водоноса с владельцем харчевни индусом Корлу о том, что сипаи, по указаниями Кунду, заблокировали подачу воды в британский квартал. Индусы вспоминают, как они сами оказались в таком состоянии в Лакнау в 1857 г. Видимо, отсылка к кровавому опыту Сипайского восстания могла стать слишком явной аналогией для зрителей.

Значительно смягчен финал пьесы. По замыслу автора, действующие лица с ужасом осознают кровопролитие. Сатиш, помощник Кунду, обвиняет в этом Девендру Сена, а Девендра Сен видит «плоды насилия» в действиях Кунду, «павшего

[63] «Джума Машид»… С. 8.

жертвой собственного безумия», не дает соратниками забрать тело вождя, признается Лилавати, что отомстил за оскорбление касты каястхов тем, что сжег Мир-Саида, и требует от сестры самосожжения либо самоотравления. Британцы запрещают сати, но хотят зарыть тело брамина Кунду вместе с дохлой собакой, тем самым нанося индусам новое оскорбление, обвиняют Девендру Сена в подстрекательстве толпы, убийстве Мир-Саида и поджоге мечети Джума-Машид.

В спектакле же этого нет, сохранено только наказание британцами Девендры Сена, «лидера оппозиции» и «поборника мира», денежным штрафом и жертвой на постройку новой мечети Моти-Машид Ибрагим Хана.

Тем самым часть комических и социальных моментов из спектакля выпала.

Г.С. Венецианов увязал все хитросплетение деталей событий в единое целое, но понять эти намеки можно, только зная историю и культуру Индии, имея представление о структуре индийского общества. Вероятно, упрощение пьесы режиссером и вызвало непонимание критикой отдельных поворотов сюжета постановки БДТ. Зато зрители в зале прекрасно поняли ее фарсовость. Об успехе пьесы свидетельствует и количество сыгранных спектаклей. Согласно еженедельнику «Спутник по театру», пьесу в БДТ за первый месяц сыграли девять раз.

Только осенью 1929 г. между СССР и новым лейбористским правительством Великобритании был подписан протокол о немедленном возобновлении дипломатических отношений, а также об урегулировании спорных вопросов[64]. Антианглийские аспекты пьесы уже не требовалось акцентировать.

Это видно, хотя бы, в структуре цирковой сюжетной пантомимы, либретто которой Г.С. Венецианову и поэту А.А. Жарову заказал артистический директор государственных цирков Вильямс Жижеттович Труцци. Крупномасштабная постановка в жанре «водяной пантомимы» разворачивалась на манеже Московского цирка с 29 февраля по 18 мая 1932 г. Красочное феерическое зрелище считается образцовым. Поставили его режиссер Н.М. Горчаков, художник М.П. Бобышов, композитор И.О. Дунаевский, балетмейстер В.И. Цаплин. В представлении были задействованы более 400 артистов, экзотические животные, слоны, верблюды, туры, яки, зебу, ослы[65]. Сюжет пьесы был упрощен и адаптирован под особенности цирковой программы, персонажи получили другие имена и статус: Кунду стал грузчиком, объединил бастующих рабочих текстильной фабрики Махан-Бабу – мусульман и буддистов, предотвратил провокацию на национально-религиозной почве, причем к восставшим присоединились туземные войска, а после разгрома забастовки спасся на тропическом острове у красных партизан. Для постановки были придуманы новые трюки, проработана световая партитура[66]. В финале британцы покидали остров, который расцветал под дождем как яркий сад, а перед угнетенными индийскими трудящимися распахивались двери в мировое содружество[67]. При этом авторы едва наметили социальную сторону пантомимы, лишили ее жесткой антианглийской риторики. В процессе постоянного редактирования пантомима («Индия в огне», «В огне восстаний», др.) вообще потеряла название.

Выводы

Подготовка к празднованию 10-летия Октябрьской революции и VI конгрессу Коминтерна в 1927–1928 гг. в ожиданиии роста революционного движения на Востоке способствовали написанию и появлению на сцене пьесы «Джума Машид», посвящен-

[64] *Горохов В.Н.* История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. М., 2004.
[65] Водяная пантомима-феерия А. Жарова и Г. Венецианова. М., 1932. С. 2.
[66] О Цирке им. Юрия Никулина. Часть 34. URL: http://www.cirk-nikulina.ru/articles/id38/.
[67] *Немчинский М.И.* Жизнь страны на манеже цирка. М., 2017. С. 203–222.

ной антиколониальной борьбе в Индии. Талантливый драматург Г.С. Венецианов написал эту пьесу при помощи консультантов-индологов А.М. и Л.А. Мерварт.

В Ленинграде созданная из материалов, привезенных А.М. и Л.А. Мервартами из экспедиции постоянная индийская экспозиция в МАЭ, а также выставки, лекции, подготовленные и прочитанные А.М. Мервартом для Рабоче-Крестьянского Радиоуниверситета[68], стали уникальными средствами общей государственной кампании по борьбе с неграмотностью, элементом которой был, разумеется, и курс политграмоты. Массовая аудитория, действительно, стала объектом просветительской работы, в том числе получала современные и научные сведения о народах Востока. Свою роль в этом сыграла и пьеса Венецианова «Джума Машид» (Пятничная мечеть).

Поступила в редакцию / Received: 12.03.2020.

Библиографический список

Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВРАН, 2013. 472 с.

Балабушевич В.В., Геллер Л., Эйдус Х. Рабочие организации Востока. М.-Л.: Госиздат, 1927. 80 с.

Благов Ю.А. Казанский Большой драматический театр имени В.И. Качалова: (Казанский русский драматический театр): краткий исторический очерк. Казань: Kazan-Казань, 2012. 128 с.

Венецианов Г. «Джума Машид» в Большом драматическом // Рабочий и театр. 1928. № 9. С. 5–10.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (Очерки и материалы). М.: Издатель Степаненко, 2008. 537 с.

Гидони А. Колониальные постановки // Современный театр. 1927. № 15. С. 228–230.

Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939. М.: Изд-во МГУ, 2004. 285 с.

Грипич А. Режиссер о постановке // Рабочий и театр. 1928. № 9. С. 4–11.

Загородникова Т. Н. Индия и Серебряный век русской культуры: Очерки русско-индийских отношений. М.: ИВ РАН, 2018. 235 с.

Кальменс И. По старой схеме // Рабочий и театр. 1928. №11. С. 2–3.

Костина Е. Художники театра. 50 лет советского искусства. М.: Советский художник. 1969. 272 с.

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. А.М. Мерварт и индология: программы и проекты 1920-ых годов // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Преподобный Сергий Радонежский в жизни и творчестве Рерихов. Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия. СПб.: Издание СПбГМИСР, 2015. С. 277–304.

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию (1914–1918) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 619–641. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-619-641.

Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю., Соболева Е.С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 468 с.

Марков П.А. О театре. М.: Искусство, 1976. 639 с.

Мерварт А.М. Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927. 96 с.

Мерварт А.М. Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме // Восточные записки. Л.: Издание ЛИЖВЯ, 1927. С. 117–130.

Мерварт А.М. Элемент народного творчества в классической драме древней Индии // Сборник МАЭ. Л.: Наука, 1928. С. 267–282.

Мерварт А.М. Индийский народный театр // Восточный театр. Л.: Academia, 1929. С. 16–111.

Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1927. 24 с.

Мерварт Л.А. Техника сказывания сказок у сингальцев // Сказочная комиссия в 1926. Л.: Изд-во Государственного русского географического общества, 1927. С. 50–59.

[68] *Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.* А.М. Мерварт и индология: программы и проекты 1920-ых годов // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том XIV: Преподобный Сергий Радонежский в жизни и творчестве Рерихов. Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия. СПб., 2015. С. 277–304; *Соболева Е.С.* Программы по востоковедению в работе Рабоче-Крестьянского Радиоуниверситета в 1920-е годы // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2017. С.148–161.

Мерварт Л.А. Сказания о Паттини-деви // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1928. С. 242–266;

Мерварт Л.А. Индийский театр // Большая Советская энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1937. С. 150–151.

Мягков Б. Булгаков на Патриаршьих. М.: Алгоритм, 2008. 352 с.

Немчинский М.И. Жизнь страны на манеже цирка. М.: ГИТИС, 2017. 392 с.

Рейснер И.М. Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии // Новый Восток. 1922. № 1. С.119–132.

Роллан Р. Махатма Ганди (вождь индийских революционеров). Л.: Сеятель, 1924. 134 с.

Снесарев А.Е. Физическая Индия. М.: Институт Востоковедения, 1926. 164 с.

Соболева Е.С. Программы по востоковедению в работе Рабоче-Крестьянского Радиоуниверситета в 1920-е годы // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Издание СПбГМИРС, 2017. С. 148–161.

Соболева Е.С. Пьеса Г.С. Венецианова «Джума Машид» на советской сцене // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г. Материалы конгресса. СПб: Изд-во Студии «НП-Принт», 2019. С. 33–34.

Уриэль. «Джума-Машид» в театре б. Корша. – «Вечерняя Москва», 1 декабря 1927 г. // Дикий А.Д. Избранное. М.: ВТО, 1976. С. 320–334.

Флит А. Агитационные пьесы. Сухая схема // Рабочий и театр. 1928. № 11. С. 3–5.

Штейнберг Е. Рабочее движение в Индии. М.: Госиздат, 1926. 157 с.

Duyker E., *Younger C.* Molly and the Raja: Race, Romance and the Raj. Sylvania, NSW: Australian Mauritian Press, 1991. 130 p.

Meerwarth A.M. The Dramas of Bhasa: A Literary Study // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS). 1917 Vol. 13. № 5. P. 261–280.

Meerwarth A.M. Les Kathakalis du Malabar // Journal Asiatique. 1926. №. 4. P. 130–140.

Meerwarth-Levina L. The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon // Ceylon Antiquary and Literary Register. 1916–1917. Vol. 1. № 1. P. 29–37.

References

Alayev, L.B. *Istoriografiya istorii Indii*. Moscow: IVRAN Publ., 2013 (in Russian).

Balabushevich, V.V., Geller, L., and Eydus, Kh. *Rabochiye organizatsii Vostoka*. Moscow – Leningrad: Gosizdat Publ., 1927 (in Russian).

Blagov, Yu.A. *Kazanskiy Bol'shoy dramaticheskiy teatr imeni V. I. Kachalova: (Kazanskiy russkiy dramaticheskiy teatr): kratkiy istoricheskiy ocherk)*. Kazan': Kazan-Kazan' Publ., 2012 (in Russian).

Duykerm E., and Younger, C. *Molly and the Raja: Race, Romance and the Raj*. Sylvania, NSW: Australian Mauritian Press, 1991.

Gidoni, A. "Kolonial'nyye postanovki." *Sovremennyy teatr*, no. 15 (1927): 228–230 (in Russian).

Gorokhov, V.N. *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. 1918–1939*. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2004 (in Russian).

Gripich, A. "Rezhisser o postanovke." *Rabochiy i teatr*, no. 9 (1928): 4–11 (in Russian).

Kal'mens, I. "Po staroy scheme." *Rabochiy i teatr*, no. 11 (1928): 2–3 (in Russian).

Kostina, Ye. *Khudozhniki teatra. 50 let sovetskogo iskusstva.* Moscow: Sovetskiy Khudozhnik Publ., 1969 (in Russian).

Kotin, I.Yu., Krasnodembskaya, N.G., and Soboleva, Ye.S. "A.M. Mervart i indologiya: programmy i proyekty 1920-ykh godov." In *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Rerikhovskoe nasledie». Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy v zhizni i tvorchestve Rerikhov. Problemy i perspektivy sokhraneniya Rerikhovskogo naslediya*, 277–304. St. Petersburg: Izdaniye SPbGMISR Publ., 2015 (in Russian).

Kotin, I.Yu., Krasnodembskaya, N.G., and Soboleva, Ye.S. "The First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India (1914–1918)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (2019): 619–641 (in Russian). Doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-619-641

Krasnodembskaya, N.G., Kotin, I.Yu., ans Soboleva, Ye.S. *Ekspeditsiya MAE na Tseylon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istoriya. Kollektsii. Nauchnoye naslediye*. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2018 (in Russian).

Markov, P.A. *O teatre*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976 (in Russian).

Mervart, A.M. *Otdel Indii: kratkiy ocherk indiyskoy kul'tury po materialam Otdela Indii MAE*. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).

Mervart, A.M. "Syuzhet Sakuntaly v malabarskoy narodnoy drame." In *Vostochnyye zapiski*, 117–130. Leningrad: LIZHVYA Publ., 1927 (in Russian).

Mervart, A.M. "Element narodnogo tvorchestva v klassicheskoy drame drevney Indii." In *Sbornik MAE*, 267–282. L.: Nauka Publ., 1928 (in Russian).

Mervart, A.M. “Indiyskiy narodnyy teatr.” In *Vostochnyy teatr*, 16–111. Leningrad: Academia Publ., 1929 (in Russian).
Mervart, A.M., and Mervart, L.A. *Otchet ob etnograficheskoy ekspeditsii v Indiyu v 1914–1918 gg*. Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
Mervart, L.A. “Tekhnika skazyvaniya skazok u singal'tsev.” In *Skazochnaya komissiya v 1926*, 50–59. Leningrad: Izd-vo Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1927 (in Russian).
Mervart, L.A. “Skazaniya o Pattini-devi.” In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 242–266. Leningrad: Nauka, 1928 (in Russian).
Mervart, L.A. “Indiyskiy teatr.” In *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya*, 150–151. Moscow: OGIZ RSFSR Publ., 1937 (in Russian).
Meerwarth, A.M. “The Dramas of Bhasa: A Literary Study.” *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS)* 13, no. 5 (1917): 261–280.
Meerwarth, A.M. “Les Kathakalis du Malabar.” *Journal Asiatique*, no. 4 (1926): 130–140 (in French).
Meerwarth-Levina, L. “The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon.” *Ceylon Antiquary and Literary Register* 1, no. 1 (1916–1917): 29–37.
Myagkov, B. *Bulgakov na Patriarsh'ikh*. Moscow: Algoritm Publ., 2008 (in Russian).
Nemchinskiy, M.I. *Zhizn' strany na manezhe tsirka*. Moscow: GITIS Publ., 2017 (in Russian).
Reysner, I.M. “Ekonomicheskiye predposylki politicheskoy bor'by v sovremennoy Indii.” *Novyy Vostok*, no. 1 (1922): 119–132 (in Russian).
Rollan, R. *Makhatma Gandi (vozhd' indiyskikh revolyutsionerov)*. Leningrad: Seyatel' Publ., 1924 (in Russian).
Flit, A. “Agitatsionnyye p'yesy. Sukhaya schema.” *Rabochiy i teatr*, no. 11 (1928): 3–5 (in Russian).
Snesarev, A.Ye. *Fizicheskaya Indiya*. Moscow: Institut Vostokovedeniya Publ., 1926 (in Russian).
Soboleva, Ye.S. “Programmy po vostokovedeniyu v rabote Raboche-Krest'yanskogo Radiouniversiteta v 1920-ye gody.” In *Peterburgskiy Rerikhovskiy sbornik*, 148–161. St. Petersburg: SPbGMIRS Publ., 2017 (in Russian).
Soboleva, Ye.S. “P'yesa G.S. Venetsianova «Dzhuma Mashid» na sovetskoy stsene.” In *XXX Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki. K 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869–1930). 19–21 iyunya 2019 g. Materialy kongressa*, 33–34. St. Petersburg: Studia «NP-Print» Publ., 2019 (in Russian).
Shteynberg, Ye. *Rabocheye dvizheniye v Indii*. Moscow: Gosizdat Publ., 1926 (in Russian).
Venetsianov, G. “ ‘Dzhuma Mashid’ v Bol'shom dramaticheskom.” *Rabochiy i teatr*, no. 9 (1928): 5–10 (in Russian).
Vigasin, A.A. *Izucheniye Indii v Rossii (Ocherki i materialy).* Moscow: Izdatel' Stepanenko Publ., 2008 (in Russian).
Uriel'. “ ‘Dzhuma-Mashid’ v teatre b. Korsha. – ‘Vechernyaya Moskva,’ 1 dekabrya 1927 g.” In A.D. Dikiy. *Izbrannoyeyu*, 320–334. Moscow: VTO Publ., 1976 (in Russian).
Zagorodnikova, T.N. *Indiya i Serebryanyy vek russkoy kul'tury: Ocherki russko-indiyskikh otnosheniy*. Moscow: IV RAN Publ., 2018 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Котин Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Igor Yu. Kotin, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher, Head of the Department of the South and South-West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

Краснодембская Нина Георгиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Nina G. Krasnodembskaya, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher of the Department of the South and South West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

Соболева Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Elena S. Soboleva, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Senior Researcher of the Department of the South and South West Asia, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 145–159
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-145-159
Научная статья / Research article

Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычевской операции: потери и их восполнение

И.И. Мизеров
Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, mizerchuk@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются особенности боевой работы ВВС РККА (1-й и 3-й воздушных армий Западного и Калининского фронтов соответственно) в ходе первой Ржевско-Сычевской операции, с особым акцентом на роль полевого авиаремонта в успешном восполнении потерь, понесенных в сражении, и поддержании общей боеспособности воздушных сил в зоне наступления. Автором предлагается рассматривать Ржевскую битву как одно из наиболее крупных и продолжительных авиационных сражений Великой Отечественной войны. Кратко проводится сравнительный анализ наряда сил, задействованных в ходе Ржевско-Сычевской операции, с другими масштабными воздушными операциями. Вводя в научный оборот новые источники, почерпнутые из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), обобщая статистический материал, автор показывает тактические особенности применения авиации в условиях центральной части советско-германского фронта летом – осенью 1942 г., типологию и основные причины потерь в ходе боевой работы. Отталкиваясь от этой информации, делается вывод о критической важности полевого авиаремонта как средства ускоренного восстановления ударных возможностей ВВС РККА в указанный период, а также наличии существенного преимущества в этом аспекте организации и применения авиации по сравнению с немецкими Люфтваффе. Подчеркивается вдумчивое и осознанное отношение командования 1-й и 3-й воздушных армий к сфере полевого авиаремонта, приводятся свидетельства организации непосредственно в ходе интенсивного ведения военных действий широкомасштабных мероприятий по обобщению и обмену опытом.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая отечественная война, Ржевская битва, полевой авиаремонт

Для цитирования: *Мизеров И.И.* Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычевской операции: потери и их восполнение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 145–159. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-145-159

Combat Actions of the 1st and 3rd Air Armies in the First Rzhev-Sychev Operation: Losses and Their Replacement

Ivan I. Mizerov
RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia, mizerchuk@mail.ru

Abstract: The article discusses the combat work of the Red Army air force (the 1st and the 3rd air armies of the Western and Kalinin fronts, respectively) during the Rzhev-Sychev operation, focusing on the role of field aircraft repair for the replacement of losses suffered in the battle, and for maintaining the overall combat capability of the air forces in the offensive zone. The author suggests considering

© Мизеров И.И., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

the battle of Rzhev as one of the largest and longest aviation battles of the Great Patriotic War. The paper offers a comparative analysis of the number of forces involved in the Rzhev-Sychevsky operation with other large-scale air operations. Drawing on hitherto unstudied sources from the collections of the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation and on statistical data, the author explains the tactical application of aviation in the Central part of the Soviet-German front in the summer and autumn of 1942, as well as the patterns and main causes of losses during the military operation. The author emphasizes the critical importance of field repair for an accelerated recovery of air force strike capabilities; this gave the Soviet units significant advantages over the German Luftwaffe in the region. As the paper shows, the command of the 1st and 3rd air armies were fully aware of the importance of field repair and gave it thoughtful consideration; already during the intense fighting, measures were taken to share the gained experience with other units.

Keywords: World War II, The Great Patriotic war, Battle of Rzhev, field aircraft repair

For citation: Mizerov, Ivan I. "Combat Actions of the 1st and 3rd Air Armies in the First Rzhev-Sychev Operation: Losses and Their Replacement." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 145–159 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-145-159

Введение

Великая Отечественная война даже спустя 75 лет со дня своего окончания попрежнему сохраняет особую актуальность, оставаясь мощной духовной и исторической скрепой для народов современной России. Масштабность битв, прогремевших в 1941–1945 гг., сложность военных машин, единовременно связывающих между собой самые разные типы и формы боевой работы миллионов людей – все это составляет неисчерпаемый материал, над которым предстоит трудиться еще не одному поколению специалистов.

Одно из ключевых мест в истории Великой Отечественной войны занимают военные операции, проходившие в районе Ржевско-Вяземского выступа с 5 января 1942 г. по 21 марта 1943 г., как правило объединяемые в историографии в единый комплекс Ржевской битвы. Эти сражения нашли многостороннее отражение в работах отечественных специалистов, а также в многотомных исследовательских и справочных военно-исторических трудах советского периода[1]. Одним из известных специалистов в этой области является А.В. Исаев[2]. Специально тематикой Ржева занимается также С.А. Герасимова, автор целого ряда монографий, базирующихся на солидной архивно-документальной базе и посвященных действиям сухопутных сил[3].

Примечательно, что приоритетное внимание в советской историографии уделялось боевым действиям наземных частей РККА, в то время как воздушные сражения получили лишь фрагментарное освещение[4].

В наши дни эта историографическая ситуация сохраняется. До сих пор действия воздушных сил даже в таких крупных битвах, как Ржевская, так и не стали предметом специального научного анализа.

Подобного рода ситуация существует и в зарубежной историографии. Хронологически одной из первых была работа, написанная немецким автором Хорстом Грос-

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1963. С. 475; История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. С. 244–248; Советская военная энциклопедия (СВЭ). М., 1979. С. 119–120; Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 635.

[2] *Исаев А.В.* Когда внезапности уже не было. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М., 2005.

[3] *Герасимова С.А.* Не пора ли переосмыслить роль и значение боев под Ржевом // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 173–174.; *Герасимова С.А.* Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. М., 2009.

[4] *Богданов С., Макшинский И.* Это было в Ржеве. Калинин, 1960; *Красноштанов И.* 114-я отдельная стрелковая бригада в боях по ликвидации плацдарма северо-западнее Ржева (сентябрь 1942 г.) // Военно-исторический журнал 1979. № 2. С. 38–42; *Сошнев В.Г.* На Ржевском выступе // С верой в победу: О 220-й стрелковой дивизии. М., 1982; *Таланов М.М.* Западнее Ржева // Кулагинская Краснознаменная: О боевом пути 178-й стрелковой дивизии. Барнаул,1987.

сманом на тему «Ржев: краеугольный камень Восточного фронта»[5]. Правда, она носила преимущественно публицистический характер. Серьезным исследователем проблематики Ржева является американский ученый Дэвид Гланц, который специализируется на изучении сражений на Восточном фронте Второй мировой войны в целом[6]. Фундаментальной является также работа Энтони Бивора[7]. Однако и в зарубежных исследованиях в центре внимания остаются боевые действия наземных войск.

Вместе с тем в мемуарной литературе отражение первой Ржевско-Сычевской операции связано преимущественно с войной в небе[8].

Также, говоря о фронтовых сражениях, не следует забывать, что боеспособность ВВС была тесно связана с деятельностью работников службы полевого авиаремонта в воздушных силах РККА. Без них уверенное функционирование и победа военной машины индустриальной эры оказались бы совершенно немыслимыми. К настоящему времени данный аспект отражен в исторической литературе сравнительно слабо и нуждается в своем всестороннем освещении.

Проведенный историографический обзор выявил сохранение большого количества проблем, связанных с периодом проведения Ржевской битвы и конкретно первой Ржевско-Сычевской наступательной операции, которые по-прежнему ждут своего изучения, несмотря на имеющийся солидный пласт научных публикаций. В связи с этим автор видит своей задачей показать на основе архивных документов роль проводимых в ходе первой Ржевско-Сычевской операции работ полевого авиаремонта с целью определить его место в эффективности боевых действий 1-й и 3-й воздушных армий, в том числе в деле выполнения поставленных командованием задач по сохранению числа боевых машин.

Источниковую базу исследования составляют материалы Отчетов о боевых действиях 1-й и 3-й воздушных армий в Ржевско-Сычевской операции, хранящиеся в фондах Центрального архива министерства обороны (ЦАМО РФ). Данные документы являются типовыми, регулярно составлявшимися в военное время оперативными отделами штабов частей и соединений, выполнявшими как отчетную функцию, так и выступавшими в качестве материалов, обобщавших приобретенный боевой опыт. Фактически это – комментированный военный дневник, содержащий, помимо описания канвы событий, крупные массивы статистических данных. Кроме того, в качестве вспомогательных привлекался и ряд других документов наземных войск, также находящихся в фондах ЦАМО.

Ржевская битва как крупномасштабное сражение военно-воздушных сил

Традиционно Ржевская битва в целом (при довольно существенной внутренней разнице между ее составными частями) оценивается как долгосрочное позиционное сражение, где, несмотря на задействованные с обеих сторон крупные силы, конфигурация линии фронта менялась вплоть до финальной стадии протяженного противостояния сравнительно незначительно. Не вдаваясь в рамках данного исследования в

[5] *Grossman H.* Rzhew: Eckpfeiler der Ostfront. Friedberg, 1962; *Гроссман Х.* Ржев – краеугольный камень Восточного фронта. Ржев, 1996.

[6] *Glantz D.* When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence, 1995; *Glantz D.* Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. Lawrence, 1999; *Гланц Д.* Битва титанов. Как Красная армия остановила Гитлера. М., 2007; *Гланц Д.* Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 года. М., 2006.

[7] *Beevor A.* The Second World War. Daedalus Books, 2012; *Бивор Э.* Вторая мировая война. М., 2014.

[8] *Сандалов Л.М.* Погорело-Городищенская операция: Наступательная операция 20-й армии Западного фронта в августе 1942 г. М., 1960; *Ворожейкин А.В.* Солдаты неба: Рассказы о летчиках-истребителях. М., 1986; *Баклан А.Я.* Небо, прошитое трассами. Л., 1987; *Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная… Воспоминания Главного маршала авиации 1941–1945. М., 2007.

анализ причин возникновения и сохранения кризиса наступательной активности РККА на центральном участке советско-германского фронта, автор считает важным подчеркнуть высокую роль и значение в этих условиях действий ВВС сторон. При отсутствии глубоких и имеющих оперативный масштаб прорывов и низких темпах развития операций только авиация остается в руках атакующего тем инструментом, при помощи которого он может воздействовать не только на первую и вторую линии, но и на тыл противника, а также стремительно рокировать его на тот участок, где в вязком противоборстве все же намечается успех. Хотя в массовом сознании Ржев не ассоциируется с крупномасштабными боями в небе, документальные материалы показывают масштабность воздушных сражений, происходивших на этом театре военных действий в 1942 г. Если сопоставить масштаб сил, задействованных ВВС РККА в ходе Ржевско-Сычевской операции августа – сентября 1942 г. с числом машин, использованных на начальном этапе Сталинградской битвы месяцем ранее, в июле 1942 г., то можно обнаружить более чем двукратное превосходство первого: 1054 самолета в составе 1-й и 3-й воздушных армий на Ржевском выступе и 454[9] – под Сталинградом.

Рассмотрим подробнее сведения по привлекаемому составу сил, задействованных советским командованием в ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции августа – сентября 1942 г. – одной из наиболее острых фаз битвы, и обратимся к статистике. При помощи приведенных ниже табл. 1 и 2, содержащих в себе показатели по числу машин с разбивкой по основным типам, оценим состояние 1-й и 3-й Воздушных Армий (далее – ВА) перед началом Первой Ржевско-Сычевской операции.

Из данных табл. 1 видно, что перед нами – мощное оперативное соединение ВВС с многочисленной и сильной ударной компонентой (особенно для работы по переднему краю), включавшей в себя 219 исправных штурмовиков Ил-2, около сотни ближних ночных бомбардировщиков Р-5 и У-2. При добавлении к имевшемуся количеству еще 474 самолета 3-й воздушной армии[10] получался крупный контингент, равный 1054 машин.

Что касается стороны противника, то объединявший силы люфтваффе на центральном участке советско-германского фронта 2-й воздушный флот формально убыл еще 15 ноября 1941 г. на Средиземноморский Театр Военных Действий (далее – ТВД). При этом речь шла, прежде всего, о штабных и тыловых структурах. Основная же часть истребительных эскадр, осуществлявших прикрытие полевых войск, осталась на месте, объединяемая временным военно-административными образованиями, и к исходу лета 1942 г. они практически целиком были задействованы в районе Ржева. Так, 51-я истребительная эскадра «Мельдерс» и 54-я истребительная эскадра «Грюнхерц» (последняя целенаправленно была переброшена под Ржев из 1-го воздушного флота и зоны ответственности группы армий «Север») одномоментно сражались в небе над Ржевским выступом в августе 1942 г. Даже с учетом неполной их комплектности в сумме это давало порядка 200 истребителей, исходя из штатной численности истребительной эскадры люфтваффе в 120 машин. При этом нельзя забывать и о качественной стороне воздушных сил противника, связанной с высоким уровнем профессионального мастерства немецких пилотов. Все это в совокупности дает полное основание утверждать, что ВВС РККА в ходе первой Ржевско-Сычевской операции противостоял чрезвычайно сильный противник. Масштабность боевых действий в воздухе, развернувшихся в августе 1942 г., подтверждают данные о самолетопролетах авиации противника над армиями Западного фронта, которые приведены в табл. 3.

[9] *Исаев А.В.* Сталинград. Трудное начало // Родина. № 1. 2013. С. 5–6.

[10] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 3–4.

Таблица 1 / Table 1

Наличный состав материальной части в 1-й воздушной армии и армейской авиации Западного фронта на июль 1942 / Available Aircrafts in the 1st Air Army and Army Aviation of the Western Front in July 1942

Тип самолетов Aircraft type		1-я воздушная армия 1st Air Army	Армейская авиация Army Aviation
Истребители Fighters	МиГ-3 / MiG-3	11 (1)*	0
	Харрикейн / Hurricane	5 (0)	0
	Як-1 / Yak-1	87 (18)	8 (3)
	ЛагГ-3 / LagG-3	37 (6)	33 (12)
	И-16 / I-16	0	6 (2)
	И-153 / I-153	0	5 (0)
	Всего / Total	140 (25)	52 (1)
Разведчики Scout planes	Пе-2 / Pe-2	3 (4)	0
	Пе-3 / Pe-3	2 (1)	0
	Всего / Total	5 (5)	0
Штурмовики Attack planes	Ил-2 / Il-2	219 (36)	0
	Всего / Total	219 (36)	0
Бомбардировщики Bomber aircrafts	Пе-2 / Pe-2	59 (1)	0
	СБ, Ар-2 / SB, Ar-2	10 (0)	0
	Р-5 / R-5	29 (0)	0
	У-2 / U-2	58 (0)	0
	Всего / Total	156 (1)	0
Корректировщики Spotter planes	Су-2 / Su-2	0	8 (1)
	Всего / Total	0	8 (1)
ИТОГО	580 (85) из них реально могут немедленно участвовать в выполнении боевых задач 530		
TOTAL	580 (85) – actually 530 of them could immediately perform combat missions		

Примечание / Note. * Здесь и далее в скобках число неисправных боевых машин (не путать с полностью не боеготовыми) / Hereinafter, in brackets, the number of faulty combat vehicles (not to be confused with completely non-combat vehicles).

Источники / Sources: ЦАМО. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 53. Л. 2–3 / TSAMO. F. 1-y vozdushnoy armii [1st Air Army]. Op. 3284. D. 53. L. 2–3.

Таблица 2 / Table 2

Наличный состав материальной части в 3-й воздушной армии и армейской авиации Калининского фронта на июль 1942 / Available Aircrafts in the 3rd Air Army and Army Aviation of the Kalinin Front in July 1942

	Аэродром Airfield	Тип Aircraft type	Количество Number
209-я ИАД 209th Fighter Division	Игнатьево Ignatievo	ЛагГ-3 LagG-3	45 (15)
210-я ИАД 210th Fighter Division	Горожино Gorozhino	Як-1/Як-7 Yak-1/Yak-7	31 (12)
211-я БАД 211th Bombardment Aviation Division	Будово Budovo	Пе-2 Pe-2	35 (15)
212-я ШАД 212th Strike Fighter Division	Пр. Каменка Pravaya Kamenka	Ил-2 Il-2	46 (3)

Окончание табл. 2 / Table 2, ending

	Аэродром Airfield	**Тип Aircraft type**	**Количество Number**
253-я ИАД 253rd Fighter Division	Дулово Dulovo	И-16/Харрикейн I-16/ Hurricane	8 (5) / 15 (5)
264-я ШАД 264th Strike Fighter Division	Крапивня Krapivnya	Ил-2 Il-2	95 (12)
11-й ОРАП 11th Separate Rocket Artillery Regiment	Есиповичи Esipovichi	Пе-2 Pe-2	2
НБАП, транспорт, АП, части связи Night Bomber Aviation Regiment, transport, air regiment, communications units	На передовых аэродромах и площадках подскока At forward airfields and pop-up platforms	У-2 U-2	103 (13)
ИТОГО TOTAL	53 бомбардировщика, 166 штурмовиков, 137 истребителей, 2 разведчика, 116 ночных бомбардировщиков и пр. Всего – 474 самолета 53 bomber aircrafts, 166 attack planes, 137 fighters, 2 scout planes, 116 night bombers, etc. Total – 474 aircrafts		

Источники / Sources: ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 3–4 / TsAMO. F. 3-y vozdushnoy armii [3rd Air Army]. Op. 4495. D. 104–105. L. 3–4.

Таблица 3 / Table 3

Активность авиации противника по типам самолетов и по числу пролетов над армиями Западного фронта за август 1942 г. / Activity of Enemy Air Force by Type of Aircraft and by the Number of Flights over the Armies of the Western Front in August 1942

Армия / Army	**Пролетов / Number of flights**	**Тип / Aircraft type**	**Пролетов / Number of flights**
31-я	2923	Ме-109 / Me-109	2035
20-я	2338	Хе-113 / He-113	109
5-я	867	Ме-110 / Me-110	428
33-я	995	Ю-88 / Yu-88	6068
43-я	438	Ю-87 / Yu-87	1629
49-я	270	Хе-111 / He-111	2279
50-я	196	Хш-126 / Hs -126	555
10-я	650	Тип не установлен / Type not identified	1810
16-я	1557	–	–
61-я	4679	–	–
ИТОГО / TOTAL		14913	

Источник / Source: ЦАМО. Ф. Калининского фронта. Оп. 2002. Д. 834–510. Кадр 41 (микрофильм) / TsAMO. F. Kalininskogo fronta [Kalinin Front.]. Op. 2002. D. 834–510. Shot 41 (mikrofilm).

Арифметические подсчеты показателей табл. 3 дают возможность установить, что в среднем за одни сутки на силы Западного фронта приходилось свыше 480 самолетовылетов авиации люфтваффе. Даже с учетом возможных ошибок, допущенных наблюдателями, и двойного подсчета, это количество было очень внушительным. Бесспорно, весьма активно действовали на том же участке и ВВС РККА – только соединения 1-й воздушной армии и только за период с 4 по 15 августа 1942 г. произвели 6489 вылетов[11].

[11] ЦАМО. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284, Д. 54–55. Л. 9.

Также необходимо добавить, что напряженность борьбы в небе не была равномерной как по датам (несколько дней в августе 1942 г. погода была нелетной), так и по армиям. Над наиболее успешно продвигающимися в наступательных операциях на земле 31-й и 20-й армиями периодически вспыхивали воздушные бои исключительной ожесточенности и масштаба. Есть свидетельства об одномоментных ударах силами до сотни пикирующих и горизонтальных бомбардировщиков под прикрытием в 30–50 истребителей. Одновременно 8526 самолетопролетов имело место в августе 1942 г. в полосе Калининского фронта[12].

Если говорить о бомбардировочной и штурмовой авиации, то, помимо решения тактических задач, связанных с поддержкой наземных войск, ударные самолеты ВВС РККА, обладавшие на данном участке фронта инициативой, решали и самостоятельные задачи. Так, в тех случаях, когда обстановка на линии фронта позволяла выделить для этого достаточно сил и средств, командование 1-й и 3-й воздушных армий наносило превентивные удары по аэродромам противника. Например, 9 июля 1942 г. при одновременной бомбардировке ангаров и взлетных полос у четырех населенных пунктов – Сеша, Алсуфьево, Орел и Брянск – было задействовано три штурмовых (ШАД) и две истребительных (ИАД) авиационных дивизии, т.е. суммарно более 200 машин[13]. Помимо сил воздушных армий, организационно подчинявшихся фронтовому командованию, имелась также авиация дальнего действия (АДД), подчинявшаяся напрямую Ставке. По воспоминаниям маршала авиации А.Е. Голованова, в августе 1942 г. 94 % всех вылетов было проведено для обеспечения боевой деятельности Калининского, Западного и Сталинградского фронтов[14].

Крупная битва военно-воздушных сил сторон в реалиях 1942 г. с неизбежностью означала и достаточно высокий уровень потерь. Бесспорно, не следует сбрасывать со счетов и урон, наносимый наземными средствами ПВО. Суммарные потери 1-й и 3-й ВА ВВС РККА за три месяца (июль – сентябрь 1942 г.) в небе над Ржевским выступом составили 925 машин. Однако, несмотря на это, вплоть до финальной стадии первой Ржевско-Сычевской наступательной операции их боевой потенциал упал в весьма незначительной степени, что можно подтвердить с помощью зафиксированных в статистике объемов расхода боеприпасов и отзывов командиров наземных войск[15].

Дополнительным доказательством наличия мощного наступательного потенциала у ВВС РККА в районе Ржева может служить тот факт, что 14 сентября 1942 г. по г. Ржев было нанесено три массированных удара частями 1-й и 3-й ВА. В каждом из них участвовало в среднем по 100 самолетов. Все попытки истребителей противника препятствовать действиям советской авиации были безрезультатными. Из первого удара, в котором участвовало 112 самолетов, не вернулось всего 4[16], а ведь к 14 сентября 1942 г. первая Ржевско-Сычевская операция разворачивалась уже полтора месяца. Успешная деятельность советской авиации позволила достигнуть важных тактических результатов, имевших даже отложенные оперативные последствия ввиду увязания на Ржевском выступе мобильных резервов группы армий Центр, которые оказалось невозможно изъять, когда на южном крыле советско-германского фронта вермахт оказался в состоянии жесткого кризиса.

[12] ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 15.

[13] Там же. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 53. Л. 9.

[14] *Голованов А.Е.* Дальняя бомбардировочная… Воспоминания Главного маршала авиации 1941–1945. М., 2007.

[15] ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 21–23; ЦАМО. Ф. Калининского фронта. Оп. 2002. Д. 834–510.

[16] Там же. Л. 11.

Статистика и характер потерь ВВС РККА в Ржевско-Сычевской операции

Для того, чтобы провести анализ потерь 1-й и 3-й воздушных армий в ходе боевых действий, обратимся к данным о потерях в рассматриваемый период, оформленных в виде табл. 3–5 – с помесячной отбивкой для 1-й воздушной армии и за весь период первой Ржевско-Сычевской наступательной операции для 3-й воздушной армии. Июль менее показателен по сравнению с последующими месяцами – первая Ржевско-Сычевская операция началась лишь в самых последних его числах, поэтому сразу обратимся к показателям за август 1942 г., представленным в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Потери соединений 1-й воздушной армии за август 1942 г. / Losses of the 1st Air Army Units in August 1942

Тип самолета Aircraft type	Ми Г-3 MiG-3	ЛагГ-3 LagG-3	Як-1 Yak-1	Ил-2 Il-2	Пе-2 Pe-2	СБ SB	У-2 U-2	УСБ USB	Ар-2 Ap-2	**ИТОГО TOTAL**
Сбито истребительной авиацией Shot down by fighter aircrafts	24	26	64	54	15	0	2	0	0	165
Сбито зенитной артиллерией и зенитными пулеметами Shot down by antiaircraft artillery and antiaircraft guns	0	9	3	74	5	0	1	0	0	112
Уничтожено на аэродроме Destroyed at airfields	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Не вернулось с боевого задания Failed to return from the mission	1	8	50	70	26	3	3	0	1	65
Всего боевых потерь Total battle losses	25	43	128	198	56	3	6	0	1	443
Катастроф Number of catastrophies	0	1	2	5	3	0	0	0	0	1
Аварий Number of accidents	0	5	3	22	1	0	7	1	0	43
Всего небоевых потерь Total non-battle losses	0	6	5	27	4	0	7	1	0	54

Источники / Sources: ЦАМО. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 54–55. Л. 25–26 / TsAMO. F. 1-y vozdushnoy armii [1st Air Army]. Op. 3284. D. 54–55. L. 25–26.

В табл. 4 продемонстрированы данные в разбивке, которые наглядно демонстрируют численное преобладание выведенных из строя авиацией врага машин над сбитыми артиллерией с земли. Теперь обратимся к данным за сентябрь 1942 г., представленным в табл. 5.

Как видно из табл. 5, у 1-й воздушной армии в сентябре 1942 г. существовала двукратная разница между сбитыми истребительной авиацией и зенитной артиллерией самолетами по сравнению с предыдущим месяцем. В целом наблюдалось общее снижение интенсивности боевых действий по сравнению с августом, но попрежнему значительным было преобладание над июлем[17]. Масштабные и тяжелые

[17] ЦАМО. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 53. Л. 23.

сражения в небе продолжались и ВВС РККА, несмотря на понесенные утраты, оставались в состоянии адекватно противостоять противнику и решать собственные боевые задачи в воздушных боях над Ржевским выступом.

Для анализа потерь 3-й воздушной армии обратимся к табл. 6.

Таблица 5

Потери соединений 1-й воздушной армии за сентябрь 1942 г.

Тип самолета	Як-1	Як-7	Лаг Г-3	Ла-5	Аэрокобра	Харрикейн	Ил-2	Пе-2	СБ	Р-5	У-2	**ИТОГО**
Сбито истребительной авиацией	4	7	1	1	1	1	20	16	0	0	0	51
Сбито зенитной артиллерией и зенитными пулеметами	1	1	0	1	0	0	7	14	0	0	2	26
Уничтожено на аэродроме	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	3
Не вернулось с боевого задания	3	4	2	2	1	1	29	2	1	1	5	51
Всего боевых потерь	8	12	3	4	2	2	56	33	1	2	8	131
Катастроф	1	0	0	1	0	0	1	0	2	1	1	7
Аварий	0	0	2	0	0	1	7	4	1	1	6	22
Всего небоевых потерь	1	0	2	1	0	1	8	4	3	2	7	29

Источники: ЦАМО. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 56. Л. 23–24.

Table 5

Losses of the 1st Air Army Units in September 1942

Aircraft type	Yak-1	Yak-7	Lag-G-3	La-5	Air-cobra	Hurri-cane	Il-2	Pe-2	SB	R-5	U-2	**TOTAL**
Shot down by fighter aircrafts	4	7	1	1	1	1	20	16	0	0	0	51
Shot down by anti-aircraft artillery and antiaircraft guns	1	1	0	1	0	0	7	14	0	0	2	26
Destroyed at airfields	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	3
Failed to return from the mission	3	4	2	2	1	1	29	2	1	1	5	51
Total battle losses	8	12	3	4	2	2	56	33	1	2	8	131
Number of catastrophies	1	0	0	1	0	0	1	0	2	1	1	7
Number of accidents	0	0	2	0	0	1	7	4	1	1	6	22
Total non-battle losses	1	0	2	1	0	1	8	4	3	2	7	29

Source: TsAMO. F. 1-y vozdushnoy armii [1st Air Army]. Op. 3284. D. 56. L. 23–24.

Таблица 6

Потери соединений 3-й воздушной армии за время проведения Ржевско-Сычевской операции (30 июля – 1 октября 1942) / Losses of formations of the 3rd air army during the Rzhev-Sychev operation (July 30 – October 1, 1942)

Тип самолета	ЛаГ-3	Як-1/Як-7	Пе-2	Ил-2	И-16	Харрикейн	У-2	ИТОГО
Сбито истребительной авиацией	33	15	35	37	3	2	0	125
Сбито зенитной артиллерией и зенитными пулеметами	3	7	8	48	0	0	2	68
Уничтожено на аэродроме	0	0	0	0	0	0	0	0
Не вернулось с боевого задания	11	11	10	32	6	0	6	75
Всего боевых потерь	47	33	53	117	9	2	8	259
Катастроф	0	0	2	4	0	0	1	7
Аварий	3	2	8	12	0	0	10	40
Всего небоевых потерь	3	2	10	16	0	0	11	47

Источник: ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 25.

Table 6

Losses of the 3rd Air Army Units during the Rzhev-Sychyovka operation (30 July – 1 October 1942)

Aircraft type	LaG-3	Yak-1/Yak-7	Pe-2	Il-2	I-16	Hurricane	U-2	TOTAL
Shot down by fighter aircrafts	33	15	35	37	3	2	0	125
Shot down by antiaircraft artillery and antiaircraft guns	3	7	8	48	0	0	2	68
Destroyed at airfields	0	0	0	0	0	0	0	0
Failed to return from the mission	11	11	10	32	6	0	6	75
Total battle losses	47	33	53	117	9	2	8	259
Number of catastrophies	0	0	2	4	0	0	1	7
Number of accidents	3	2	8	12	0	0	10	40
Total non-battle losses	3	2	10	16	0	0	11	47

Source: TsAMO. F. 3-y vozdushnoy armii [3rd Air Army]. Op. 4495. D. 104–105. L. 25.

Данные табл. 6 демонстрирует число сбитых истребительной авиацией самолетов противника, почти в два раза превосходившее число потерь от воздействия зенитной артиллерии и пулеметов для 3-й ВА в ходе первой Ржевско-Сычевской операции. А если разложить в соответствующей пропорции 75 машин, не вернувшихся с боевого задания (но также, очевидно, кем-то уничтоженных), то разница будет еще показательнее. Если брать в разбивке по типам, то наибольшие потери в абсолютных величинах понесли самолеты Ил-2, то есть штурмовики, работающие, как правило, непосредственно над передним краем. Однако необходимо учесть, что они же являлись и наиболее распространенными машинами в 1-й и 3-й воздушных армиях. При рассмотрении более релевантных относительных величин потерь те же бомбардировщики Пе-2 оставляют Илы позади.

Значимой проблемой в районе Ржева (и повсеместно в ВВС РККА в 1942 г.) являлась противоречивость тех тактических задач, которые стояли перед истребительной авиацией. Сразу четыре насущных вопроса требовали от командования совершенно разных приемов боевой работы. Первый – командование наземных

войск регулярно и настойчиво требовало от воздушных сил непрерывного истребительного прикрытия, не понимая вполне основополагающих особенностей ВВС как наиболее маневренного вида войск. В отчетах 3-й воздушной армии неоднократно звучат жалобы на неумение и нежелание сухопутных частей и соединений правильно взаимодействовать с авиацией[18].

Помимо большого расхода топлива, как правило, совершенно непроизводительного, барраж истребителей над зоной действия конкретного своего подразделения наземных войск выматывал экипажи, вел к возникновению технических неисправностей, а самое главное – лишал командование советской истребительной авиации остро необходимой инициативы. Шанс поймать противника на ударе именно в ту точку, которая в это время прикрывалась, был ничтожным и, даже в этом случае, враг имел все возможности, чтобы отойти – и его нельзя было преследовать без особого на то приказа. Гораздо чаще силы люфтваффе били (используя средства радиоразведки для обнаружения находящихся в воздухе истребителей ВВС РККА по их переговорам) в те места, которые никем не были защищены – и перебросить подмогу было крайне проблематично, так как основная масса машин либо находилась в удаленных районах патрулирования в воздухе, либо только-только приводилась в порядок на земле[19].

Гораздо более эффективной тактикой был бы вызов при обнаружении вражеских самолетов с земли своей авиации на угрожаемый участок с аэродрома при помощи радио или военно-полевой телефонии. В попытках наладить взаимодействие с наземными войсками офицеры штаба 1-й и 3-й воздушных армий регулярно давали им соответствующие инструкции, однако процесс переучивания протекал тяжело – и тому есть логическое объяснение. Принцип работы тактической схемы был таков, что, хотя в конечном счете ударным самолетам неприятеля наносился существенный урон, некоторое время они могли действовать над полем боя практически беспрепятственно. Дозволить тем же пикировщикам «Штука» «ходить у себя по головам» в течение 10–15 минут, при отсутствии прикрытия, объективно было непросто.

Следующей задачей, ложившейся на плечи истребительной авиации, было сопровождение атакующих групп ударных самолетов, особенно бомбардировщиков, имевших больший радиус действия (и, соответственно, сильнее углублявшихся в территорию противника), а также лишенных бронирования в отличие от штурмовиков. Необходимо отметить, что для ВВС РККА сама концепция истребительного конвоирования была сравнительно новой. Довоенные подходы предполагали самостоятельные действия формаций бомбардировщиков, защитой которым должна была послужить скорость и внезапность действий либо взаимная поддержка пулеметным огнем в сплоченных «коробках». Тяжелейшие потери 1941 г. заставили пересмотреть подобные взгляды, но механика взаимодействия истребителей и бомбардировщиков в их действиях за линией фронта все еще не была отработана до конца. Часто истребительной авиации люфтваффе удавалось, действуя двумя группами, сковывать меньшей из них эскорт и наносить основной удар по бомбардировщикам[20].

Наконец, истребители 1-й и 3-й ВА решали задачу завоевания превосходства в воздухе, причем даже здесь, по сути, никогда не прибегая к столь популярной в частях люфтваффе тактике свободной охоты и нацеливаясь скорее на выигрыш у врага какого-то сектора небес, нежели на его уничтожение. Видя неблагоприятно складывающуюся обстановку, немецкие пилоты часто выходили из боя. Советские же пилоты в большинстве случаев стояли до конца.

[18] ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 21–24.
[19] Там же. Л. 21–24.
[20] Там же. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 54–55. Л. 13.

В целом, советским пилотом приходилось нелегко. Летчики 51-й и 54-й эскадр, часто воевавших с сентября 1939 г. и в ряде случаев имевших боевой опыт войны в Испании, обладали высоким мастерством пилотажа. Не стоит забывать и о материальной стороне, непосредственно самолетах, которые в этот период находились на несколько более низком техническом уровне, нежели у противника[21]. В ряде случаев крылатые машины поступали на фронт с дефектами – у самолетов, выпускавшихся на ранее эвакуированных заводах, поначалу был существенный уровень брака (чрезмерно толстый слой лака на поверхностях, неисправный запор фонаря кабины пилота, заедание механизма уборки шасси и т.д.).

Вместе с тем Ржевский выступ по меркам авиации был сравнительно компактным театром военных действий, лишенным сложных естественных преград. Подбитой машине было здесь много легче дотянуть до дома, чем, например, в битве за Англию, где немецкие пилоты были вынуждены пересекать Ла-Манш, или тем более в воздушных сражениях на Тихом океане. Хотя истребители сторон, в том числе основной немецкий Ме-109, перешли от преимущественно пулеметного вооружения к пушечному, убойная и разрушительная сила авиационных 15–20 мм орудий[22] была относительно невелика – по крайней мере, по сравнению с мощью знаменитых 88-мм зенитных орудий Acht-acht[23]. Отсюда большое количество машин, подбитых в сражении, но оказавшихся, в конечном счете, несмотря на неисправности, на советской территории.

Полевой авиаремонт в первой Ржевско-Сычевской операции

Летом – осенью 1942 г. тыл 1-й и 3-й ВА перманентно испытывал нехватку некоторых типов запасных частей, например, авиационных винтов[24]. Степень повреждения машин от воздействия противника может быть очень разной – от сравнительно скромных и до таких, которые едва позволяют машине дотянуть до базы. В последнем случае некомплект критически важных деталей мог очень сильно задержать сроки восстановления самолета. В целом ситуация со снабжением была достаточно неоднозначной. Если часть аэродромов 1-й ВА находилась близко от инфраструктурно развитой подмосковной зоны либо вблизи крупных городов (одним из них была Калуга), то полевые аэродромы 3-й ВА в полосе Калининского фронта располагались на территории с труднопроходимой пересеченной местностью и бедной дорожной сетью[25]. Последнее сказывалось даже на наземных войсках, чей запас артиллерийских снарядов, особенно крупных калибров, вынужденно оказывался там ограниченным.

Несмотря на все вышесказанное, стационарной ремсетью 3-й ВА за время первой Ржевско-Сычевской операции было восстановлено следующее количество самолетов: ЛаГг-3 – 22, Як-1 и Як-7 – 20, Харрикейн – 11, Ил-2 – 25, Пе-2 – 3, У-2 – 38; полевой ремсетью 3-й ВА было восстановлено: Пе-2 – 523, ЛаГг-3 – 184, Як-1 – 249, И-16 – 119, Ил-2 – 522, Харрикейн – 70 самолетов. Если просуммировать, то получится, что за время операции стационарной ремсетью ВА было отремонтировано 119, а полевой – 1667 самолетов[26]. Это означает, что во время первой Ржевско-Сычевской операции ежедневно в строй из ремонта вводилось чуть менее 30 самолетов, что являлось, безусловно, значительным результатом.

[21] ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 23.

[22] 15-мм тяжелый авиапулемет MG 151 у Ме-109 моделей F и 20-мм авиапушка на его базе MG 151/20 у Ме-109 моделей G.

[23] 88-м зенитное орудие FlaK 18/36/37, также известное как Acht-acht (от немецкого восемь-восемь).

[24] ЦАМО. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 26.

[25] Там же. Кадр 45 (микрофильм).

[26] Там же. Л. 26.

Похожие результаты мы видим и у воздушной армии соседа. В журнале 1-й ВА за сентябрь 1942 г. указано, что для своего пополнения в отчетном месяце части 1-й ВА получили: 32 – Ил-2, 6 – Пе-2, 2 Ла-5, 5 ЛагГ-3, кроме того, из ремонтной сети прибыло для частей: 36 ЛагГ-3, 25 Як-1, 4 И-16, 2 И-153, 9 Як-7, 1 Харрикейн, 2 – Ла-5, 55 – Ил-2, 3 – Пе-2, 6 – СБ, 2 – Р-5, 53 – У-2, 1 – УТИ-4, 3 – УТ-2, 1 – СП-5, 1 – УИЛ-2. Всего 204 самолета[27]. Эти данные демонстрируют высокий уровень введенных в строй машин, особенно относительно того числа самолетов, которое уже находилось на вооружении 1-й ВА к началу сентября (на 30 августа это 412 машин[28]). Также необходимо отметить безусловное превалирование числа возвращенных из ремонта машин над числом полученных с заводов пополнений. Все это явилось результатом мастерства и самоотверженности техников и ремонтников, которые своим беспримерным трудом вновь давали воздушной армии такое количество самолетов, что оно покрывало не только боевые, но и технические потери всей 1-й ВА за весь месяц. Из табл. 5 видно, что по совокупности причин в сентябре 1942 г. было утрачено 160 машин[29]. За этот же месяц ремонтники вернули в строй 204 машины, то есть на 44 больше. Свою роль, конечно, сыграло и то, что после ожесточенных боев августа 1942 г. было значительное количество самолетов, остро нуждавшихся в ремонте. Если бы полевой ремонт ограничивался единицами, а не десятками восстановленных самолетов, то общая численность соединения на протяжении первой Ржевско-Сычевской операции сократилась бы в такой степени, что это начало бы с неизбежностью сказываться на боевых возможностях 1-й ВА, как по части контроля за небом, так и ударных. Упорной работой полевого авиаремонта едва наметившаяся в августе 1942 г. тенденция на снижение числа боеготовых машин была решительно переломлена. Количество самолетов, которые можно было реально задействовать в боях, ограничивалось теперь, в первую очередь, числом находящихся в строю пилотов и других членов экипажа, а также отсутствием некоторых специализированных средств (в частности, заправочных).

Необходимо подчеркнуть тот факт, что командование воздушных армий, участвовавших в первой Ржевско-Сычевской операции, осознавая роль полевого авиаремонта, целенаправленно организовывало тематические конференции по выявленным в ходе эксплуатации недостаткам боевой техники, приемам и методам их нивелирования в полевых условиях, при том, что подготовка и участие в них неизбежно должны были на какое-то время отвлекать бойцов и командиров от их основных задач. Так, 28 августа 1942 г. в 3-й ВА под эгидой штаба армии состоялась конференция по вопросу о необходимых изменениях в самолетах ЛаГг-3, Як-1, Ил-2 и Пе-2, диктуемых опытом боевой работы 3-й ВА в период Ржевской операции[30].

В конечном итоге, ВВС РККА над Ржевом была достигнута столь высокая скорость возвращения в небо выбывших ранее машин, что у противника должно было создаваться ощущение борьбы с гидрой, у которой на месте отрубленной головы немедленно вырастают две новых. При том, что целый ряд пилотов в JG-54 Грюнхерц за июль – август 1942 г. поднял свой личный счет на несколько десятков побед, сила противодействия советской авиации, как в количественном, так и в качественном измерении, не падала вплоть до завершения активной фазы боев в октябре 1942 г.

Выводы

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод, что первая Ржевско-Сычевская операция представляла собой не только крупное сухопутное, но также и масштабное воздушное сражение. При неизбежно значительном в реалиях Восточ-

[27] ЦАМО. Ф. 1-й воздушной армии. Оп. 3284. Д. 56. Л. 25–26.
[28] Там же. Д. 54–55. Л. 2–3.
[29] Там же. Д. 56. Л. 26.
[30] Там же. Ф. 3-й воздушной армии. Оп. 4495. Д. 104–105. Л. 24–25.

ного фронта лета и осени 1942 г. общем уровне потерь ВВС РККА в зоне боев 1-я и 3-я воздушные армии сохраняли высокий уровень боеспособности на всем протяжении операции. В первую очередь, это оказалось возможным за счет оперативного и масштабного восстановления поврежденной техники силами полевого авиаремонта, оказавшегося способным в пиковые моменты возвращать в строй практически столько же машин, сколько удавалось сбить противнику.

Советские ВВС встретили мощное сопротивление, прежде всего в воздухе со стороны истребительной авиации противника. Это видно, в том числе, и по понесенным потерям: в 1-й ВА в воздушных боях августа – сентября 1942 г. было утрачено суммарно 216 машин, не считая тех, для которых точные причины гибели установить не удалось. Тем не менее при значительном уровне потерь в реалиях Восточного фронта лета – осени 1942 г. ВВС РККА в зоне боев 1-я и 3-я воздушные армии сохраняли высокий уровень боеспособности на всем протяжении операции. Даже в середине сентября 1942 г. после полутора месяцев ожесточенных боев, ВВС РККА в зоне проведения первой Ржевской-Сычевской операции могли наносить удары силами сотен машин единовременно, уверенно преодолевая попытки врага противодействовать осуществлению своих тактических замыслов по поддержке наземных войск.

В оперативном восполнении сил авиации РККА решающую роль сыграл полевой авиаремонт. Его правильная организация и эффективность работы в ближнем тылу оказала свое решающее положительное влияние на боевые действия непосредственно на фронте. Ударный труд на протяжении месяцев в условиях частой нехватки тех или иных необходимых деталей и оборудования требовал не только упорства, но также инициативы, смекалки, высоких профессиональных навыков военных специалистов.

Поступила в редакцию / Received: 03.03. 2020.

Библиографический список

Баклан А.Я. Небо, прошитое трассами. Л.: Лениниздат, 1987. 126 с.
Бивор Э. Вторая мировая война. М.: Азбука-Аттикус, 2014. 992 с.
Богданов С., Макшинский И. Это было в Ржеве. Калинин: Книжное издательство, 1960. 142 с.
Ворожейкин А.В. Солдаты неба: Рассказы о летчиках-истребителях. М.: Воениздат, 1986. 334 с.
Герасимова С.А. Не пора ли переосмыслить роль и значение боев под Ржевом // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 173–174.
Герасимова С.А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. М.: Эксмо, 2009. 340 с.
Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 года. М.: Астрель, 2006. 666 с.
Гланц Д. Битва титанов. Как Красная армия остановила Гитлера. М.: АСТ; Астрель. 2007. 496 с.
Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная… Воспоминания Главного маршала авиации 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 630 с.
Гроссман Х. Ржев – краеугольный камень Восточного фронта. Ржев: Ржевская правда, 1996. 155 с.
Исаев А.В. Сталинград. Трудное начало // Родина. 2013. № 1. С. 5–6.
Красноштанов И.Д. 114-я отдельная стрелковая бригада в боях по ликвидации плацдарма северо-западнее Ржева (сент. 1942 г.) // Военно-исторический журнал. 1979. № 2. С. 38–42.
Кобрин Н.И., Фесенко В.И. На Орел, Брянск, Ржев, Смоленск // Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки. 1941–1945. М.: Наука, 1998. С. 350–410.
Панарин М.И. В боях под Ржевом. М.: Воениздат, 1961. 128 с.
Сандалов Л.М. Погорело-Городищенская операция: Наступательная операция 20-й армии Западного фронта в августе 1942 г. М.: Воениздат, 1960. 150 с.
Сошнев В.Г. С верой в победу: О 220-й стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1982. 264 с.
Таланов М.М. Западнее Ржева // Таланов М.М. Кулагинская Краснознаменная: О боевом пути 178-й стрелковой дивизии. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1987. С. 70–80.

Grossman H. Rzhew: Eckpfeiler der Ostfront. Friedberg: Podzun-Pallas-Verlag, 1962. 143 p.
Karl-Heinz Frieser. Germany and the Second World War: Volume VIII: The Eastern Front 1943–1944: The War in the East and on the Neighbouring Fronts. Oxford: Oxford University Press, 2017. 1408 p.

References

Baklan, A.Ya. *Nebo, proshitoye trassami*. Leningrad: Leninizdat Publ., 1987 (in Russian).
Bivor, E. *Vtoraya mirovaya voyna*. Moscow: Azbuka-Attikus Publ., 2014 (in Russian).
Bogdanov, S., and Makshinskiy, I. *Eto bylo v Rzheve*. Kalinin: Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1960 (in Russian).
Gerasimova, S.A. "Ne pora li pereosmyslit' rol' i znacheniye boyev pod Rzhevom." *Voprosy istorii*, no. 5 (1998): 173–174 (in Russian).
Gerasimova, S.A. *Rzhevskaya boynya. Poteryannaya pobeda Zhukova*. Moscow: Eksmo Publ., 2009 (in Russian).
Glants, D. *Krupneysheye porazheniye Zhukova. Katastrofa Krasnoy Armii v operatsii «Mars» 1942 goda*. Moscow: Astrel' Publ., 2006 (in Russian).
Glants, D. *Bitva titanov. Kak Krasnaya armiya ostanovila Gitlera*. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2007 (in Russian).
Golovanov A.Ye. *Dal'nyaya bombardirovochnaya… Vospominaniya Glavnogo marshala aviatsii 1941–1945*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2007 (in Russian).
Grossman, Kh. *Rzhev – krayeugol'nyy kamen' Vostochnogo fronta*. Rzhev: Rzhevskaya Pravda Publ., 1996 (in Russian).
Grossman, H. *Rzhew: Eckpfeiler der Ostfront*. Friedberg: Podzun-Pallas-Verlag, 1962.
Isayev, A.V. "Stalingrad. Difficult start." *Rodina*, no. 1 (2013): 5–6 (in Russian).
Karl-Heinz, Frieser. *Germany and the Second World War: Volume VIII: The Eastern Front 1943–1944: The War in the East and on the Neighbouring Fronts*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
Krasnoshtanov, I.D. "114-ya otdel'naya strelkovaya brigada v boyakh po likvidatsii platsdarma severo-zapadneye Rzheva (sent. 1942 g.)." *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 2 (1979): 38–42 (in Russian).
Kobrin, N.I., and Fesenko, V.I. "Na Orel, Bryansk, Rzhev, Smolensk." In *Velikaya Otechestvennaya voyna: Voyennno-istoricheskiye ocherki. 1941–1945*, 350–410. Moscow: Nauka Publ., 1998 (in Russian).
Panarin, M.I. *V boyakh pod Rzhevom. M.: Voyenizdat, 1961. 128 s. Sandalov L.M. Pogorelo-Gorodishchenskaya operatsiya: Nastupatel'naya operatsiya 20-y armii Zapadnogo fronta v avguste 1942 g*. Moscow: Voyenizdat Publ., 1960 (in Russian).
Soshnev, V.G. *S veroy v pobedu: O 220-y strelkovoy divizii*. Moscow: Voyenizdat Publ., 1982 (in Russian).
Talanov, M.M. "Zapadneye Rzheva." In M.M. Talanov. *Kulaginskaya Krasnoznamonnaya: O boyevom puti 178-y strelkovoy divizii*, 70–80. Barnaul: Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1987 (in Russian).
Vorozheykin, A.V. *Soldaty neba: Rasskazy o letchikakh-istrebitelyakh*. Moscow: Voyenizdat Publ., 1986 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мизеров Иван Игоревич, аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Ivan I. Mizerov, Postgraduate student of the Department of Russian History, RUDN University.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 160–173
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-160-173
Research article / Научная статья

The Challenges to Social Control in Brezhnev's Soviet Union, 1964–1982

Fedor L. Sinitsyn
State University of Land Use Management, 15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia,
permcavt@gmail.com

Abstract: This article examines the development of social control in the Soviet Union under Leonid Brezhnev, who was General Secretary of the Communist Party from 1964 to 1982. Historians have largely neglected this question, especially with regard to its evolution and efficiency. Research is based on sources in the Russian State Archive of Modern History (RGANI), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) and the Moscow Central State Archive (TSGAM). During Brezhnev's rule, Soviet propaganda reached the peak of its development. However, despite the fact that authorities tried to improve it, the system was ritualistic, unconvincing, unwieldy, and favored quantity over quality. The same was true for political education, which did little more than inspire sullen passivity in its students. Although officials recognized these failings, their response was ineffective, and over time Soviet propaganda increasingly lost its potency. At the same time, there were new trends in the system of social control. Authorities tried to have a foot in both camps – to strengthen censorship, and at the same time to get feedback from the public. However, many were afraid to express any criticism openly. In turn, the government used data on peoples' sentiments only to try to control their thoughts. As a result, it did not respond to matters that concerned the public. These problems only increased during the "era of stagnation" and contributed to the decline and subsequent collapse of the Soviet system.

Keywords: social control, propaganda, censorship, public criticism, public opinion, USSR, Leonid Brezhnev, Mikhail Suslov

For citation: Sinitsyn, Fedor L. "The Challenges to Social Control in Brezhnev's Soviet Union, 1964–1982." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 160–173. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-160-173

Проблемы эффективности системы социального контроля в СССР, 1964–1982 гг.

Ф.Л. Синицын
Государственный университет по землеустройству,
105064, Россия, Москва, ул. Казакова, 15,
permcavt@gmail.com

Аннотация: Рассмотрена проблема развития системы социального контроля в СССР в период с середины 1960-х по начало 1980-х гг., которая до сих пор недостаточно освещена в исторической науке. В том числе лишь фрагментарно рассмотрены тенденции ее развития и проблемы эффективности. Новизна представленного в статье исследования заключается в том, что до сих пор не появилось труда, в котором была бы проанализирована советская система социального контроля в комплексе, в том числе ее новые тенденции и проблемы эффективности в рассматриваемый период. Исследование построено на материалах Российского государственного архива новейшей систории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ). Системы пропаганды и «политического образования» в период правления Л.И. Брежнева достигли пика своего

© Sinitsyn F.L., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

развития. Однако, несмотря на то что власти СССР пытались приглагать усилия к улучшению системы пропаганды, ее характерными чертами были формализм, надуманность и громоздкость, погоня за количеством мероприятий. Этим же страдала и система политического образования. Слушатели этой системы проявляли пассивность. Проблемы системы пропаганды в определенной степени были осознаны властями, однако в итоге эффективность реакции властей была слабой. В дальнейшем советская пропаганда пришла к еще большему выхолащиванию. Одновременно в системе социального контроля стали явными новые тенденции. Власти пытались усидеть на двух стульях одновременно и усилить цензуру, и в то же время получить «обратную связь» от народа в виде критики и общественного мнения по тем или иным вопросам. Однако многие люди опасались открыто высказывать свое мнение. В свою очередь, власти сами использовали данные о настроениях людей не для реальных и глубоких перемен, а лишь для контроля над массовым сознанием. Соответственно, не было и эффективной реакции на проблемы, которые волновали людей. Все перечисленные выше проблемы, касавшиеся системы социального контроля в СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг., вели к дальнейшему ослаблению советского строя.

Ключевые слова: социальный контроль, пропаганда, цензура, публичная критика, общественное мнение, СССР, Л.И. Брежнев, М.А. Суслов

Для цитирования: *Sinitsyn F.L.* The Challenges to Social Control in Brezhnev's Soviet Union, 1964–1982 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 160–173. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-160-173

Introduction

The history of social control[1] in the Soviet Union under Leonid Brezhnev leadership (1964–1982) remains highly relevant. Historians differ in their assessments of these years, with some calling them the Era of Stagnation (*zastoi*), while others look back on them as the country's golden age. It is difficult to overstate the importance of social control today, given the almost total "informatization" of the world's population.

This period has attracted little academic attention, and only such questions as Soviet propaganda[2], censorship[3], and public opinion have even cursorily been addressed.[4] However, no one has analyzed the system of social control overall during the Brezhnev years.

This article's research is based on both published and unpublished documents in the Russian State Archive of Modern History (RGANI), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) and the Moscow Central State Archive (TSGAM).

[1] The system of methods and strategies by which the society / state directs the behavior of individuals.

[2] I.V. Il'ina, "Ideologicheskaia rabota partii i chelovecheskii factor," in *Mekhanizm tormozheniya: istoki, deistvie, puti preodoleniya*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1988), 257–266; E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism: The Soviet Union in the Advanced Industrial Era* (Durham: Duke University Press, 1985); E. Mickiewicz, *Changing Channels: Television and the Struggle for Power in Russia*. (New York – Oxford: Oxford University Press, 1997); T. Remington, *The Truth of Authority: Ideology and Communication in the Soviet Union* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1988).

[3] A. Blium, *Kak eto delalos' v Leningrade: Tsenzura v gody ottepeli, zastoya i perestroyka* (St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2005); T.M. Goriaeva, *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg*. (Moscow: ROSSPEN Publ., 2009); E.E. Dmitrieva, "Igrovoe pole sovetskoy tsenzury (1970–1980 gg.)," in *Yazyki rukopisei* (St. Petersburg: Soiuz pisatelei Sankt-Peterburga Publ., 2000), 247–271; M.R. Zezina, *Sovetskaya khudozhestvennaya intelligentsiya i vlast' v 1950-e – 1960-e gody* (Moscow: Dialog-MGU Publ., 1999); O. Lavinskaia, "Tsenzura v SSSR i ogranicheniya informatsii o sobytiyakh v Chekhoslovakii," in *'Prazhskaia vesna' i mezhdunarodnyi krizis 1968 goda: Stat'i, issledovaniya, dokumenty* (Moscow: MFD Publ., 2010), 129–136; D.V. Lozhkov, "Censorship in the USSR in the Conditions of Détente (1970s)," *Moscow University Bulletin*, no. 1 (2013): 146–166; A.L. Posadskov, "Provintsialnaya tsenzura ot 'zastoia' k 'perestroike': po materialam Sibiri i Dalnego Vostoka 1970-kh – 1980-kh gg." in *Grani knizhnoy kultury* (Moscow: Nauka Publ., 2007), 192–206.

[4] D.P. Gavra, "Istoriya i perspektivy izucheniya obshchestvennogo mneniya v SSSR i Rossiyskoy Federatsii," in *Sotsiologiya i sotsialnaya antropologiya: Mezhvuzovskiy sbornik* (St. Petersburg: Aleteia Publ., 1997), 190–204; B. Grushin, "The Institute of Public Opinion of 'Komsomolskaia Pravda'," *Monitoring of Public Opinion*, no. 1 (2003): 60–74; M.G. Pugacheva, "The Institute for Specific Social Research of the Academy of Sciences of the USSR (1968–1972)," *Bulletin of the Russian Academy of Sciences* 65, no. 2 (1995): 164–175; Iu.N. Shcheglov, *Vlast i formirovanie massovogo soznaniya na regionalnom urovne v seredine 1960-kh – nachale 1980-kh gg. (na primere Penzenskoy oblasti)* (Penza: PGU Publ., 2005).

The Development of Propaganda and Censorship

Propaganda[5] always played an important role in the Soviet Union. Its importance as a tool of social control increased significantly in the 1960s because of the increasing flow of information to the public (including that from abroad), the rise in the level of education, and major changes in mass consciousness.

Until 1965, this task was entrusted to the Ideological Commission of the Communist Party of the Soviet Union's (CPSU) Central Committee as well as the Department of Propaganda and Agitation.[6] However, when these bodies were abolished, the Central Committee set up the all-party Department of Propaganda and Agitation. While the Ideological Commission's closure caused some confusion among the staff of the party's propaganda organs,[7] its replacement performed the same function. Brezhnev explained that the Department of Propaganda

> monitors ideological institutions, schools, universities, technical schools, professional education, radio and television, the press, party education and the Academies of Sciences and of Social Sciences, as well as organizing courses.[8]

Although the goals of their propaganda, namely to mold public opinion, did not change,[9] officials had to adjust their methods to the new doctrine of "developed socialism," which was introduced in 1967. First, they decided to improve the way of presenting the most pressing issues of the past, i.e., the reaction to the "ideological fluctuations" after the 20th Party Congress in 1956 and the fall of Nikita Khrushchev eight years later. Second, to stress the advantages of socialism over capitalism in response to iimprovements in Western propaganda. Third, "strengthening of the communist movement," to counter "revisionism and nationalism."[10] At the same time there were also efforts to tackle the growing challenges of "consumer society."[11]

Soviet propaganda reached its peak under Brezhnev. As elsewhere, the most important developments were in the broadcast media, including the Ostankino television center, powerful relay stations, and the "Orbita" system of relaying broadcasts. Beginning in 1964, installing radios became mandatory in all new apartments. Studies in the 1960s and 1970s showed that the vast majority of the Soviet population regularly listened to radio and watched television.[12] If in 1967 there were 25.5 million television sets in the Soviet Union, by 1981 that number had virtually tripled to 75. In large cities, more than two out of every three residents watched television almost every day.

The oral propaganda system also grew: In the late 1960s the regime employed over one million propagandists, and by the mid-1980s their number had doubled.[13] Meanwhile, "political education" expanded rapidly: During 1965–1966 academic year, 8.5 million people were involved in this activity, compared to 23 million in 1981, and if in 1969 there were 170 "houses of political education," 203 "houses" and 8 168 "offices" operated throughout the Soviet Union by 1981.[14]

---

[5] In the concept of "propaganda" we also include agitation, which in the conditions of the USSR during the period under review is difficult to separate from each other.

[6] In 1965–1970 the department was headed by V.I. Stepakov, in 1970–1973 by A.N. Yakovlev (acting), in 1973–1977 by G.L. Smirnov (acting), 1977–1982 by E.M. Tyazhelnikov. In addition, until April 1966 the Department of Propaganda and Agitation of the Central Committee of the CPSU for the RSFSR worked.

[7] Rossiyskiy gosudarstvenny arkhiv noveyshey istorii (thereafter – RGANI), f. 5, op. 58, d. 32, l. 12.

[8] RGANI, f. 104, op. 1, d. 41, l. 34.

[9] Ibid., f. 5, op. 60, d. 19, l. 77; Ibid., f. 104, op. 1, d. 25, l. 12–13; Ibid., f. 104, d. 28, l. 2.

[10] Ibid., f. 5, op. 60, d. 19, l. 78–82; Ibid., f. 89, op. 46, d. 35, l. 3; *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soiuza v rezoliutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK* (Moscow: Politizdat Publ. 1986), 146, 241.

[11] Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskvy (thereafter – TsGAM), f. P-63, op. 1, d. 2500, l. 20.

[12] T. Remington, *The Truth of Authority: Ideology and Communication in the Soviet Union* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1988), 184–185.

[13] RGANI, f. 5, op. 61, d. 31, l. 58; M.F. Nenashev, "Nasushchnyye voprosy sovershenstvovaniya organizatsii i stilya ideologicheskoy raboty," *Voprosy teorii i praktiki ideologicheskoy raboty*, no. 17 (1985): 6.

[14] RGANI, f. 5, op. 4, d. 127, l. 1; Ibid., op. 61, d. 31, l. 58; Ibid., op. 84, d. 89, l. 2–3.

The USSR maintained an extensive system of supplementary education. While most of it provided instruction in science or technology, some also operated in the political and ideological sphere. Already in 1969, there were 15 788 "people's universities" in more than 30 regions, with some three million students. For those who could not attend them, courses were also broadcast on television and radio.[15]

Censorship, another important means of social control, was directed not only at protecting state secrets and countering anti-Soviet media from the West, but was also deployed against domestic criticism and dissent. The Party instructed newspapers and magazines which articles should be published, while it "determine[d] the content and specific profile of each program on Central Television," and even directed how they should be broadcast.[16] The same was true for radio. Meanwhile, the "telephone law" applied to mass media,[17] while the Union of Journalists did the Party's bidding. Indeed, without a membership card, no one could be considered a "real" journalist.

Although during the "thaw" under Khrushchev in the late 'fifties and early 'sixties, political censorship was prohibited.[18] However, in August 1966, not long after Brezhnev came to power, the powers of the department tasked with censorship – the Main Directorate for the Protection of State Secrets in the Press at the Council of Ministers of the USSR (Glavlit) – were once again expanded.[19] Under the general secretary tolerance of any criticism of the regime also began to be reduced, as some demanded

> to stop releasing ... denouncing films and books such as *Clear Skies*, *Silence*, and *One Day in the Life of Ivan Denisovich*, among other.[20]

The law on freedom of press that the Czech government adopted during the Prague Spring of 1968 had a strong negative impact on Soviet leadership.[21] Moscow's attitude towards literature from other socialist countries, especially from Cuba, Czechoslovakia and Romania, became more strict[22] and jamming Western radio was resumed.

After the 1968 April Plenum of the CPSU Central Committee on ideology, the party line in literature and art became more combative.[23] Thus, in February 1969 leading newspapers began harshly criticizing a wide variety of television and radio shows, the magazines *Theater* and *Novy Mir*, as well as the publishers Iskusstvo and Mysl', for their "ideological sins."[24]

During the previous month, the Central Committee's secretariat had adopted a secret resolution ordering the heads of publishing houses, the press, radio, television, cultural and art institutions to adopt self-censorship.[25] Five years later, in November 1974, a new regulation on Glavlit tightened control over the media, publishing houses, and museums, as well as literature, audio and videos from abroad. Thus, practically all possibilities for uncensored publications were forbidden.[26] At the same time, censorship also began to be imposed on the book trade and libraries.[27]

---

[15] RGANI, f. 5, op. 61, d. 31, l. 65; *Kommunisticheskaya partiia Sovetskogo Soiuza v rezoliutsiiakh*, 374.
[16] RGANI, f. 5, op. 60, d. 19, l. 77; Ibid., d. 28, l. 25, 46–47.
[17] E. Mickiewicz, *Changing Channels*, 25.
[18] A. Blium, *Kak eto delalos,'* 17.
[19] Ibid.
[20] RGANI, f. 5, op. 58, d. 20, l. 11.
[21] E.E. Dmitrieva, "Igrovoe pole sovetskoy tsenzury," 249.
[22] O. Lavinskaia, "Tsenzura v SSSR," 133.
[23] M.R. Zezina, "Sovetskaya khudozhestvennaya intelligentsya," 360.
[24] *Sovetskaya Rossiya*, February 4, 1969, 1; *Sovetskaya Rossiya*, February 11, 1969, 1.
[25] *Istoriya sovetskoy politicheskoy tsenzury: Dokumenty i kommentarii* (Moscow: ROSSPEN Publ., 1997), 189.
[26] V. Pribytkov, *Glavlit i tsenzura: Zapiski zamestitelya nachalnika Glavnogo upravleniya po okhrane gosudarstvennykh tain v pechati pri Sovete ministrov SSSR* (Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2014), 33–34.
[27] A.L. Posadskov, "Provintsialnaya tsenzura," 195–196, 199.

Declaring openness to criticism

Along with increasing propaganda and censorship, the methods of social control also changed. First, the government declared that it was striving to be more open to criticism.[28] Arguing that this was largely in the interests of the state, officials warned that otherwise "the vacuum will immediately be filled with anti-Soviet propaganda."[29] Furthermore, they reasoned that criticism from the public is inherent in a mature political culture,[30] which was believed to have been achieved in the Soviet Union as it entered the stage of "developed socialism." The media were warned that anyone guilty of suppressing criticism could be fired and lose their party membership.[31] Meanwhile, public demands to be allowed to express criticism also grew.[32]

There were heated discussions in the media of non-political questions, including economic problems and shortcomings in the service sector.[33] In addition, citizens were permitted to complain to officials about important matters – provided they did not touch on politics – through feedback (*obratnaya sviaz'*) to the media, trade unions,[34] "peoples' control," party leaders, bureaucrats[35] and even telephone calls. [36] In 1971, the Central Committee received an average of 1 000 letters a day, and by 1981, about 1 500.[37] A special department was set up to process them. The media also received a large number of letters with various questions from readers – every year more than 500 000 were delivered to each of the major newspapers.[38] Moreover, people also expressed their anger when, during elections for lower party organizations, some officials were voted out "for the wrong style of leading or rudeness with subordinates." [39]

Acknowledging the Importance of Public Opinion

Under Brezhnev, Soviet officials began to acknowledge the importance of public opinion. Although until the second half of the 1960s the leadership, especially Mikhail Suslov, considered sociological studies to be "unnecessary,"[40] scholars did carry them out on their own. [41] Beginning in 1960, the newspaper *Komsomolskaia Pravda* operated the Institute of Public Opinion, which was headed by B.A. Grushin. Not surprisingly, Soviet citizens also though it necessary to pay attention to public opinion, since "this is one of the surest ways to make the life... of people happier and more prosperous."[42]

As the government began to understand the importance of monitoring the public mood, they noticed that sociologists had already been carrying this out.[43] Deciding that it

[28] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 128.

[29] RGANI, f. 104, op. 1, d. 28, l. 10.

[30] R.A. Safarov, "Obshchestvennoe mnenie v politicheskoy sisteme razvitogo sotsializma," *Problemy partiynogo i gosudarstvennogo stroitel'stva* (Moscow: Mysl' Publ., 1982), 162.

[31] RGANI, f. 5, op. 59, d. 27, l. 144; RGANI, f. 104, op. 1, d. 28, l. 10; *Partiynaya zhizn,'* no. 18 (1979): 51–52.

[32] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya: Ocherki massovogo soznaniia rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina* (Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2006), 622, 704–705, 707–708.

[33] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 142–144.

[34] A.V. Buzgalin, "Sotsialno-ekonomicheskaia sistema «realnogo sotsializma» i ee samorefleksiia. Tri teksta," in *'Zastoi': Potentsial SSSR nakanune raspada* (Moscow: Kulturnaia revoliutsiia Publ., 2011), 28.

[35] *Massovaia informatsiya v sovetskom promyshlennom gorode: Opyt kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya* (Moscow: Politizdat Publ., 1980), 379.

[36] *Partiynaya zhizn'*, no. 18 (1979): 55.

[37] RGANI, f. 104, op. 1, d. 41, l. 6; *XXVI s`ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: Stenograficheskiy otchet* (Moscow: Politizdat Publ., 1981), 93.

[38] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 141.

[39] TsGAM, f. P-63, op. 1, d. 2222, l. 43.

[40] B. Grushin, "Institut obshchestvennogo mneniya," 70.

[41] RGANI, f. 5, op. 34, d. 119, l. 181; M.G. Pugacheva, "Institut konkretnykh sotsialnykh issledovaniy," 45.

[42] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 707.

[43] D.P. Gavra, "Istoriya i perspektivy," 191.

should do the job itself,[44] the Institute of Public Opinion was abolished at the end of 1967. A little over a year later, in February 1969, the Central Committee adopted a resolution "On the state and measures to improve party political information."[45] Authorities understood that the purpose of studying public opinion was to "determine the degree of actual conviction"[46] with which people received information. Meanwhile, as the leading Soviet ideologist G.L. Smirnov noted, the attitude of the masses to the state's policies was "of great importance for organizing propaganda" and "practical activities."[47] As a result, the party now began to set up its own organizations to study public opinion, including the Institute for Concrete Social Research of the USSR Academy of Sciences.[48]

Their first task was to circulate draft plans for socio-economic development as well as important laws to the broader public for a nationwide discussion.[49] However, the results were questionable, since citizens were afraid openly to express critical opinions, and their suggestions tended to be of minor importance.

Officials often reacted to public opinion point by point. For example, the Council of Ministers studied letters to *Literaturnaia Gazeta* to address problems in management training. In 1977, after a two-year discussion, the Party took concrete steps[50] through production and workers' meetings to solicit suggestions for improvements. [51]

Article nine of the new Constitution of the USSR, which had been adopted in 1977, pledged "constant attention to public opinion" to "further develop socialist democracy." As a result, over the following years practically all Central Committee decrees, as well as propaganda, mentioned to the importance of public opinion. At the same time, officials announced that it was now "integrated" into the political system. The "effectiveness" and "social prestige" of public opinion were enhanced, and therefore became "impossible to ignore." The result, it was proclaimed, was the "subordination of the state to the interests of society."[52]

The Effectiveness of Propaganda and Censorship

Soviet authorities believed that controlling mass consciousness was a simple matter. In their opinion, propaganda had a "direct" effect, according to a basic formula involving a "stimulus" (information sanctioned by the authorities) and a predictable "response,"[53] which made its efficiency "automatic." To Party leaders, propaganda reflected the truth and was effective. [54]

The reality was different. One characteristic of the Soviet media was its reluctance to report on certain events,[55] above all, those that involved bad news or put the government in a bad light,[56] or to be slow in providing details.[57] Even if propaganda did not al-

[44] RGANI, f. 104, op. 1, d. 25, l. 14–15.

[45] *Ob ideologicheskoy rabote KPSS: Sbornik dokumentov* (Moscow: Politizdat Publ., 1983), 191–192.

[46] R.A. Safarov, "Politicheskiy status obshchestvennogo mneniya," *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4 (1979): 17.

[47] RGANI, f. 104, op. 1, d. 25, l. 15.

[48] D.P. Gavra, "Istoriya i perspektivy,"192; M.G. Pugacheva, "Institut konkretnykh sotsialnykh issledovaniy,"166–167, 169.

[49] D.V. Lozhkov, *Tsenzura v SSSR*, 158.

[50] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 142–143.

[51] S.D. Mizerov, *Obshchestvennoe mnenie rabochego klassa: upravlenie, pravoporyadok: Uchebnoe posobie* (Moscow: Akademiia MVD SSSR Publ., 1979), 33, 45.

[52] R.A. Safarov, "Politicheskiy status obshchestvennogo mneniya," 13–14, 21; R.A. Safarov, *Obshchestvennoe mnenie v politicheskoy sisteme*, 160, 162, 165, 171.

[53] Ibid.

[54] RGANI, f. 104, op. 1, d. 41, l. 8, 18; TsGAM, f. P-4, op. 158, d. 44, l. 60–61.

[55] RGANI, f. 5, op. 60, d. 39, l. 13; Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (thereafter – RGASPI), f. 614, op. 1, d. 27, l. 6.

[56] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 131.

[57] *Vestnik Arkhiva Prezidenta: Spetsialnoie izdanie: Generalnyi sekretar L.I. Brezhnev: 1964–1982* (Moscow: Vestnik Arkhiva Prezidenta RF Publ., 2006), 108.

ways falsify facts, at least it distorted them and provided a biased interpretation, as well as superfluous and irritating bathos[58] meant to deceive. Although this was hardly new, Soviet citizens were more aware that the state's propaganda did not accurately portray developments at home and abroad.[59] Some party members even agitated for "a confidential bulletin, a special radio program,"[60] so that, as the most ideologically reliable citizens, they could get a more accurate understanding of current events.

Propaganda was losing its grip as the public became better educated and the flow of information increased. As a result, people increasingly turned to alternate sources of news, such as the traditional rumor mill and, above all, foreign media. In 1976, 41 radio stations of countries hostile to the Soviet Union broadcast programs totaling 253 hours a day.[61] Although the broadcasts of many foreign radio stations were "jammed," such efforts focused on large cities, and were much less prevalent in cities with a population of less than 500 000 people and the countryside.[62] With relations having begun to worsen in the late 1950s, China was also bombarding the Soviet ether with propaganda. By 1965, Beijing Radio had significantly stepped up its broadcasting to the Soviet Union, with 23 short and medium wave transmitters operating simultaneously.[63] Since reliable information was scarce, the authorities found it difficult to block citizens from alternate sources.[64] Many regularly listened to foreign radio,[65] and read foreign newspapers and magazines,[66] which all had their effect.

Meanwhile, as travel to foreign lands increased, Soviet citizens became more aware of the discrepancy between the realities of life in the West and their portrayal by the government's propaganda.[67] Going abroad also made people more aware of different views of events back home, and talked about them when they returned.

The poor training of much of the propaganda machinery's staff made it more difficult to keep up with the increasing sophistication of information flow. And, as in the press, the growing demand for employees led to decreases in their level of education and competence. Meanwhile, like the rest of the population, they largely relied on official sources of news, with all their defects and distortions. The same was true for university lecturers. The result was that propagandists could not effectively counter conflicting information, which diminished their authority among the public.

Party and Komsomol members also often lagged behind their non-party colleagues and friends, and were increasingly unable to fulfill their ideological tasks. Indeed, in the mid 'sixties, more than half of the CPSU's 12 million members had not even completed secondary school. Some party leaders openly complained that "wrong people were agitating in the country."[68]

---

[58] "…Otchuzhdennoe ot partii sostoyanie": KGB SSSR o nastroeniyakh uchashchikhsya i studenchestva. 1968–1976 gg." *Istoricheskiy arkhiv*, no. 1 (1994): 176.

[59] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 460–461.

[60] RGANI, f. 5, op. 60, d. 39, l. 13.

[61] "…Otchuzhdennoe ot partii sostoianie," 196.

[62] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 131.

[63] RGANI, f. 5, op. 33, d. 216, l. 14, 104; Ibid., d. 229, l. 7; Ibid., op. 63, d. 88, l. 124; Ibid., f. 104, op. 1, d. 35, l. 6; Ibid., d. 41, l. 7.

[64] Ibid., f. 5, op. 33, d. 216, l. 14; Ibid., f. 104, op. 1, d. 28, l. 6; Ibid., d. 35, l. 20; Ibid., d. 41, l. 8; Ibid., f. 614, op. 1, d. 27, l. 6.

[65] Ibid., f. 614, op. 1, d. 27, l. 7.

[66] L.G. Churchward, *The Soviet Intelligentsia: An Essay on the Social Structure and Roles of the Soviet Intellectuals during the 1960s* (London and Boston: Routledge & Keagan Paul, 1973), 58.

[67] RGANI, f. 104, op. 1, d. 28, l. 10.

[68] Ibid., f. 5, op. 33, d. 216, l. 14, 124; Ibid., d. 229, l. 7; Ibid., op. 58, d. 18, l. 22, 26; Ibid., d. 20, l. 71, 73–74; Ibid., op. 84, d. 89, l. 3; Ibid., f. 104, op. 1, d. 35, l. 5–6; Ibid., f. 614, op. 1, d. 27, l. 5; TsGAM, f. P-4, op. 158, d. 44, l. 56, 66, 68; "…Otchuzhdennoe ot partii sostoianie," 181–182, 184, 186; *Partiynaya zhizn*, no. 16 (1965): 4.

Soviet propaganda was formulaic, unrealistic, and awkward. Its preference for quantity over quality led to a deluge of events, posters, books, films and other media, all distinguished by their "excessive, obtrusive repetition of the same calls and slogans." Visual material was largely "decorative," while some rallies and speeches only took place on paper, with participation being "quasi-voluntary." Others were marred by the poor oratory of party officials and Old Bolsheviks, resulting in a "negative ideological effect." By the same token, agitational activities in schools tended to degenerate into "festive noisy events."[69]

By the second half of the 'sixties, party officials reported that propaganda and "agitation ... had become commonplace... [and] uninteresting. Little attention is paid to it." Demand for books on "socio-political" subjects and documentaries was weak and led to a drain on government finances. Many complained about the "inefficiency of visual propaganda" – to the point that they could not remember the content of the slogans and posters that festooned their workplaces. In short, much propaganda aroused hostility, did not attract attention, or was ignored as "meaningless." Youth dismissed it as "primitive and unsatisfying."[70]

As distrust of official printed media intensified, the number outlets began to decline.[71] As in the West, television was partly to blame for the fall in newspaper readership.[72] However, tedious and uninteresting articles also had an impact,[73] although *Pravda*'s executive editor, S. V. Tsukasov, argued that "the acceleration of the rhythm of life" was to blame.[74] Those who did continue to read the dailies often leafed through them cursorily, only occasionally stopping to read about sports or major events.[75]

The government paid little attention to what might capture the reader's interest. For example, circulation of the popular "Nedelia" supplement to the daily *Izvestiia* was restricted, leading to shortages despite public demand. The same was true for books,[76] whose print runs were dictated by the Party's ideological needs rather than popular appeal.

Some mass media did favor the public's desires over propaganda. This was especially true of television, and party leaders expressed their irritation that "showing creative portraits of actors and film directors became a tradition on television," whereas "the programs dedicated to workers, engineers, collective farmers, doctors, teachers are a rare phenomenon, and their level is low." [77] To their dismay, most viewers saw television as entertainment, rather than an "educational tool."[78]

Gaps in censorship also hampered Soviet efforts at social control. In particular, the lists of banned authors circulated to local censors could be late and incomplete. Combined with their low intellectual level and favoritism, some authors managed to publish despite efforts to restrict them.[79]

---

[69] RGANI, f. 5, op. 33, d. 216, l. 124; Ibid., d. 220, l. 86, 93; Ibid., d. 229, l. 7; Ibid., d. 241, l. 19–20; Ibid., op. 58, d. 20, l. 7–8; Ibid., op. 59, d. 24, l. 65–67; Ibid., d. 30, l. 64; Ibid., op. 60, d. 23, l. 23–24; Ibid., f. 104, op. 1, d. 35, l. 5; *Ob ideologicheskoy rabote KPSS: Sbornik dokumentov* (Moscow: Politizdat Publ., 1983), 242; *Kommunisticheskaya partiya*, 146; "…Otchuzhdennoe ot partii sostoyanie," 182, 186; B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 492.

[70] RGANI, f. 5, op. 33, d. 241, l. 19; Ibid., op. 59, d. 24, l. 67; Ibid., d. 30, l. 151; RGANI, f. 5, op. 60, d. 39, l. 13; Ibid., f. 614, op. 1, d. 27, l. 5; "…Otchuzhdennoe ot partii sostoyanie," 206; B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 606.

[71] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 853; TsGAM, f. P-63, op. 1, d. 2222, l. 45.

[72] B.M. Firsov, K. Muzdybaiev, "K postroeniiu sistemy pokazatelei ispolzovaniia sredstv massovoi kommunikatsii," *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1 (1975): 115.

[73] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 581.

[74] S. Tsukasov, "Sovetskaya pechat – puti povisheniya effektivnosti i kachestva," *Kommunist*, no. 7 (1977): 15–16.

[75] "…Otchuzhdennoe ot partii sostoyanie," 183.

[76] RGANI, f. 5, op. 59, d. 30, l. 71, 73.

[77] Ibid., op. 60, d. 28, l. 23–24.

[78] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 133–134.

[79] A. Blium, *Kak eto delalos'*, 214, 216–217.

Problems of Political Education

One major shortcoming of political education was that, like many censors, its instructors were poorly schooled. Furthermore, many were over 45 years old and had been party members for more than 10 years. At the same time, the authorities were not satisfied with their class origins. In 1968, the Central Committee complained that there were "few workers, collective farmers, and in particular young people among them."[80]

Political education also resembled propaganda in its formalism, mendacity and an excessively large network that some party members considered exorbitant. Factories could boast hundreds of study circles, schools and seminars, all devoted to ideological agitation output, although many of them, especially those for younger workers, were fictitious.[81]

The pedagogy of those that did function tended to be of poor quality, uninteresting and obsolescent.[82] Students were expected to learn by rote memorization, while effectiveness was measured by quantity instead of quality. The result was that many of them openly admitted that they learned nothing. The same was true for ideological courses in universities.[83] The lack of its appeal often led more practically minded local officials to combine political education with vocational training, effectively substituting the former with the latter[84] – which clearly was more in demand.

Students of political education tended to be thoroughly disinterested. One of them expressed their typical attitude: "Nobody listens to the talk … Many are yawning and dozing. There was not a single question".[85] As a result, attendance could only be assured by making it obligatory.

Responding to Propaganda's Shortcomings

Right up to Brezhnev,[86] officials understood that the Party's propaganda suffered from shortcomings. Furthermore, they were well aware that mass media was ineffective in spreading it.[87] As a result, attention began to be paid to make it more responsive to current events as well as more appealing.[88] One measure was to differentiate between different audiences instead of purely focusing to the broad masses.[89]

To make propagandists more aware of current events, in 1965 the Central Committee created "a restricted collection of details about the struggle to strengthen the world communist movement," and at the regional level, "restricted reviews…on the most important issues of domestic and international life" were distributed to newspaper offices.[90]

Another new development was to involve members of the intelligentsia in producing propaganda, both because of their better understanding of rapid changes in science and technology as well as to compensate for the low educational level of employees.[91] Attention was also paid to solicit the participation of youth.[92]

---

[80] RGANI, f. 5, op. 34, d. 127, l. 18–19, 36–37; Ibid., op. 60, d. 23, l. 23; *Kommunisticheskaya partiya*, 375.

[81] RGANI, f. 5, op. 34, d. 118, l. 10–11, 13.

[82] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 543–544.

[83] RGANI, f. 5, op. 59, d. 23, l. 97; Ibid., op. 60, d. 23, l. 23; *Kommunisticheskaya partiya*, 375; "…Otchuzhdennoe ot partii sostoyanie," 177, 180; I.V. Il'ina, "Ideologicheskaya rabota partii," 258–259.

[84] RGANI, f. 5, op. 34, d. 118, l. 7; *Povyshat' uroven' marksistsko-leninskoy ucheby*, 3.

[85] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 544, 622–628.

[86] RGANI, f. 5, op. 33, d. 216, l. 14; Ibid., d. 229, l. 7; Ibid., op. 59, d. 24. l. 65, 67, 69; Ibid., f. 104, op. 1, d. 28, l. 4–5; Ibid., d. 41, l. 8.

[87] R.A. Safarov, "Politicheskiy status," 17.

[88] E. Mickiewicz, *Changing Channels*, 30.

[89] E.P. Hoffmann, R.F. Laird, *Technocratic Socialism*, 129, 136.

[90] RGANI, f. 5, op. 33, d. 216, l. 15; Ibid., op. 58, d. 18, l. 26–27.

[91] T. Remington, *The Truth of Authority*, 4, 7.

[92] *Delo vsey partii: Materialy Vsesoyuznogo soveshchaniya ideologicheskikh rabotnikov* (Moscow: Politizdat Publ., 1980), 34.

Meanwhile, one way to counter anti-Soviet propaganda from abroad was to allow newspapers to include

> materials of the foreign press, in which the internal and foreign policies of the CPSU and the Soviet government are reported objectively (i.e. positively – *author's note*).[93]

Despite such efforts at reform, growing challenges to the regime, including economic malaise, shortages of consumer goods and an ageing leadership, proved difficult to surmount by propaganda. Above all, the Party did little to address its irrelevance and excess, and continued to waste material, technical, financial, and human resources on agitprop.[94] Even officials understood that its message to the masses had a "grey, straightjacketed style."[95] At the same time, those involved in its production, not to mention lower level party members, continued to complain about the paucity of relevant news.

Publishing Western articles that spoke well of the Soviet system in the press did little to stem the growing distrust of the Party's propaganda, and such pieces were largely dismissed by a skeptical public. Efforts to discredit Western propaganda as manipulative and deceitful also proved increasingly ineffective.[96]

Recruiting members of the intelligentsia and the social elite did yield results, as according to the Central Committee, by 1981, 96% of political information officials and 75% of agitators were engineers, technicians, agricultural specialists, foremen and "shock workers."[97] While these numbers were impressive, the extent of their devotion and sincerity was highly questionable.

Political education also languished. Decisions to implement reform were rarely implemented, while formulaic pedagogy and rote memorization continued to be the order of the day.[98] Despite the appeals from the field to stem the "unreasonable expansion of the party education network,"[99] it continued to grow. At the same time, those charged with the task lost interest in their subject.[100]

Authorities continued to voice their concern about the poor quality of ideological work through the seventies. In April 1979, the Central Committee adopted a resolution "On further improving ideological, political and educational work." Repeating complaints of whitewashing, censorship, ritualism and irrelevance, the document included appeals to strengthen and develop such efforts. The decision did result in some "ostentatious" reorganizations and large rallies.[101]

A discussion about progress in implementing the resolution was on the agenda of the All-Union Conference of Ideological Workers in October 1979. Although Suslov delivered a report on "The Party's Cause," he said practically nothing about any real shifts in the propaganda system. As debates about the Department of Propaganda and Agitation's textbook of 1980, *Fundamentals of Political Propaganda*, revealed, there was no attempt even to adopt a unified approach to the directive. Both Brezhnev's speech at the 26th Party Congress in February-March 1981, and another Central Committee resolution that October likewise had little effect.[102]

---

[93] RGANI, f. 5, op. 60, d. 19, l. 233.
[94] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 496.
[95] *Kommunisticheskaya partiya*, 335–336.
[96] RGANI, f. 104, op. 1, d. 35, l. 21; Ibid., d. 60, l. 3, 31.
[97] Ibid., f. 5, op. 84, d. 89, l. 4.
[98] *Ob ideologicheskoy rabote KPSS*, 346.
[99] RGANI, f. 5, op. 34, d. 118, l. 11.
[100] I.V. Il'ina, "Ideologicheskaya rabota partii," 259–260.
[101] T. Remington, *The Truth of Authority*, 4–5.
[102] RGANI, f. 5, op. 77, d. 120, l. 1; Ibid., f. 104, op. 1, d. 60. l. 1–2; *Ob ideologicheskoy rabote KPSS*, 352, 354–356; *Delo vsei partii*, 33–35; *XXVI s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: Stenograficheskiy otchet* (Moscow: Politizdat Publ., 1981), 94–95.

Reacting to Criticism and Public Opinion

Party officials solemnly proclaimed that, in the USSR "criticism is free everywhere"[103] and "prompt,"[104] and that they were "taking measures,"[105] i.e., responding to public opinion. During Brezhnev's rule, public criticism of the authorities became accepted.[106] But in reality, the government was unable or unwilling to be open to such criticism. On the contrary, complaints were either suppressed, or replaced by "carefully-worded" disapproval of "individual shortcomings," thereby deflecting calls for any real changes to the system.[107]

The result was that the gulf between Soviet citizens and the government continued to widen, while, as an outlet for public opinion, the media became increasingly irrelevant.[108] During the 'seventies, the flow of letters of complaint to the government and newspapers diminished,[109] while the more sophistic generation of the late Brezhnev era became adept at self-censorship.[110]

Archival documents indicate that the public now tended to question Party leaders and bureaucrats about foreign policy rather than domestic matters. Official accusations of "inconvenient" and "negative criticism" hardly encouraged a more open dialog.[111]

The government's study of public opinion was hardly disinterested. B.A. Grushin noted "the blatant disinterest of the governing bodies in the production of objective social knowledge" and their "more than cautious attitude to any more or less serious information."[112]

Conclusion

The content, forms and methods of Soviet propaganda had not changed since the regime's early years in power – demagogy, pathos, and a preference for long speeches over brief newspaper articles to convey important information remained the order of the day. But, during the decades since the October Revolution, the people did. Their intellectual level rose, while also becoming more critical and less susceptible to appeals to their emotions. The enthusiasm of the period immediately after the Bolsheviks came to power, which propaganda could easily exploit, faded away. Soviet citizens began to value their leisure, which did they did not want to fritter away by listening to interminable speeches or reading long articles. And they were increasingly exposed to new, alternate sources of news, above all foreign media.

Despite the fact that, by the Brezhnev era, propaganda reached the peak of its development. Despite attempts at revival, the country's leaders allowed it to fade into irrelevance. Their hours-long addresses to plenums and congresses were filled with hollow, formal statements and appeals, window dressing, and reiterations of what was said earlier. In turn, propagandists repetitively restated the words of their chiefs as if by rote.

Although the Soviet Union's leadership, including Leonid Brezhnev[113] was to a certain extent aware of these problems, it was unable to solve them. Among other, this would have requirde fundamental changes to the Party's ideology.[114] The authorities did not dare reorganize its propaganda; they only tightened censorship.

[103] RGANI, f. 89, op. 25, d. 47, l. 12.
[104] TsGAM, f. P-63, op. 1, d. 2222, l. 34.
[105] RGANI, f. 89, op. 25, d. 47, l. 12.
[106] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 863.
[107] Yu.N. Shcheglov, *Vlast i formirovanie massovogo soznaniya*, 19.
[108] B.A. Grushin, *Chetyre zhizni Rossii*, 749.
[109] Yu.N. Shcheglov, *Vlast' i formirovanie massovogo soznaniya*, 23.
[110] T.M. Goriaeva, *Politicheskaya tsenzura*, 347–348.
[111] TsGAM, f. P-63, op. 1, d. 2500, l. 15.
[112] B. Grushin, "Institut obshchestvennogo mneniya," 73.
[113] *XXVI s"ezd Kommunisticheskoy partii*, 94–95.
[114] Soviet ideology by the 1960s faced colossal challenges and threats. An attempt to respond to these challenges was the concept of "developed socialism," but for various reasons it did not become effective.

At the same time, officials tried to solicit feedback from the population in the form of criticism and opinions. These new trends in Soviet social control were progressive. The country's leadership understood that, much like the rest of the world, the public growing awareness and education had increased the importance of their opinions to the point that they could no longer be ignored. Both overt and covert criticism of problems in society continued to increase.

However, the authorities used data about the sentiments of the citizenry not for real and profound changes, which were clearly necessary, but mainly to solve various details, such as shortcomings in the services sector, housing and the dismissal of corrupt officials at the lower level, etc., as well as to head off dangerous opinions. As Iurii Andropov famously admitted to the Central Committee's plenum in June 1983: "We have not yet sufficiently studied the society in which we live and work."[115] The inability to respond to the country's urgent internal challenges, which might have become more evident by gauging the public mood, played a major role in the Soviet Union's collapse.

Поступила в редакцию / Received: 03.03.2020.

References

Blium, A. *Kak eto delalos' v Leningrade: Tsenzura v gody ottepeli, zastoya i perestroyki*. St. Petersurg: Akademicheskiy proekt Publ., 2005 (in Russian).

Buzgalin, A.V. "Sotsialno-ekonomicheskaya sistema «realnogo sotsializma» i ee samorefleksiya. Tri teksta." In *'Zastoi': Potentsial SSSR nakanune raspada*, 22–57. Moscow: Kulturnaya revoliutsiya Publ., 2011 (in Russian).

Churchward, L.G. *The Soviet Intelligentsia: An Essay on the Social Structure and Roles of the Soviet Intellectuals during the 1960s*. London and Boston: Routledge & Keagan Paul, 1973.

Gavra, D.P. "Istoriya i perspektivy izucheniya obshchestvennogo mneniya v SSSR i Rossiyskoy Federatsii." In *Sotsiologiya i sotsialnaya antropologiya: Mezhvuzovskiy sbornik*, 190–204. St. Petersburg: Aleteia Publ., 1997 (in Russian).

Goriaeva, T.M. *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009 (in Russian).

Grushin, B. "The Institute of Public Opinion of 'Komsomolskaia Pravda'." *Monitoring of Public Opinion*, no. 1 (2003): 60–74 (in Russian).

Grushin, B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya: Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2006 (in Russian).

Dmitrieva, E.E. "Igrovoe pole sovetskoy tsenzury (1970–1980 gg.)." In *Yazyki rukopisey*, 247–271. St. Petersburg: Soyuz pisateley Sankt-Peterburga Publ., 2000 (in Russian).

Hoffmann, E.P., and Laird, R.F. *Technocratic Socialism: The Soviet Union in the Advanced Industrial Era*. Durham: Duke University Press, 1985.

Il'ina, I.V. "Ideologicheskaya rabota partii i chelovecheskiy factor." In *Mekhanizm tormozheniya: istoki, deystvie, puti preodoleniya*, 257–266. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1988 (in Russian).

Lavinskaia, O. "Tsenzura v SSSR i ogranicheniya informatsii o sobytiyakh v Chekhoslovakii." In *'Prazhskaia vesna' i mezhdunarodnyi krizis 1968 goda: Stat'I, issledovaniia, dokumenty*, 129–136. Moscow: MFD Publ., 2010 (in Russian).

Lozhkov D.V. "Censorship in the USSR in the Conditions of Détente (1970s)." *Moscow University Journal*, no. 1 (2013): 146–166 (in Russian).

Mizerov, S.D. *Obshchestvennoe mnenie rabochego klassa: upravlenie, pravoporyadok: Uchebnoe posobie*. Moscow: Akademiia MVD SSSR Publ., 1979 (in Russian).

[115] *Materiali Plenuma Tsentralnogo komiteta KPSS. 14–15 iunia 1983 goda* (Moscow: Politizdat Publ., 1983), 19.

Mickiewicz, E. *Changing Channels: Television and the Struggle for Power in Russia*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1997.

Remington, T. *The Truth of Authority: Ideology and Communication in the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1988.

Posadskov, A.L. "Provintsialnaya tsenzura ot 'zastoia' k 'perestroike': po materialam Sibiri i Dalnego Vostoka 1970-kh – 1980-kh gg." In *Grani knizhnoy kultury*, 192–206. Moscow: Nauka Publ., 2007 (in Russian).

Pribytkov, V. *Glavlit i tsenzura: Zapiski zamestitelya nachalnika Glavnogo upravleniya po okhrane gosudarstvennykh tain v pechati pri Sovete ministrov SSSR*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2014 (in Russian).

Pugacheva, M.G. "Institut konkretnykh sotsialnykh issledovaniy Akademii nauk SSSR (1968–1972)." *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* 65, no. 2 (1995): 164–175 (in Russian).

Safarov, R.A. "Politicheskiy status obshchestvennogo mneniya." *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4 (1979): 11–22 (in Russian).

Safarov, R.A. "Obshchestvennoe mnenie v politicheskoy sisteme razvitogo sotsializma." In *Problemy partiynogo i gosudarstvennogo stroitel'stva*, 160–173. Moscow: Mysl' Publ., 1982 (in Russian).

Shcheglov, Yu.N. *Vlast i formirovanie massovogo soznaniya na regionalnom urovne v seredine 1960-kh – nachale 1980-kh gg. (na primere Penzenskoi oblasti)*. Penza: PGU Publ., 2005 (in Russian).

Firsov, B.M., and Muzdybaiev, K. "K postroeniyu sistemy pokazateley ispolzovaniya sredstv massovoy kommunikatsii." *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1 (1975): 113–120 (in Russian).

Tsukasov, S. "Sovetskaya pechat – puti povisheniya effektivnosti i kachestva." *Kommunist*, no. 7 (1977): 12–21 (in Russian).

Zezina, M.R. *Sovetskaya khudozhestvennaya intelligentsiya i vlast' v 1950-e – 1960-e gody*. Moscow: Dialog-MGU Publ., 1999 (in Russian).

Библиографический список

Бузгалин А.В. Социально-экономическая система «реального социализма» и ее саморефлексия. Три текста // «Застой»: Потенциал СССР накануне распада. М.: Культурная революция, 2011. 320 с.

Блюм А. Как это делалось в Ленинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. СПб.: Академический проект, 2005. 410 с.

Гаврa Д.П. История и перспективы изучения общественного мнения в СССР и Российской Федерации // Социология и социальная антропология: Межвузовский сборник. СПб.: Алетея, 1997. С. 190–204.

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЕН, 2009. 430 с.

Грушин Б. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1. С. 60–74.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4-х тт. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). М.: Прогресс-традиция, 2006. 510 с.

Дмитриева Е.Е. Игровое поле советской цензуры (1970–1980 гг.) // Языки рукописей. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2000. С. 247–271.

Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999. 350 с.

Ильина И.В. Идеологическая работа партии и человеческий фактор // Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 257–266.

Лавинская О. Цензура в СССР и ограничения информации о событиях в Чехословакии // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, документы. М.: МФД, 2010. С. 129–136.

Ложков Д.В. Цензура в СССР в условиях разрядки международной напряженности (1970-е гг.) // Вестник Московского университета. 2013. № 1. С. 146–166;

Мизеров С.Д. Общественное мнение рабочего класса: управление, правопорядок: Уч. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1979. 345 с.

Посадсков А.Л. Провинциальная цензура от «застоя» к «перестройке»: по материалам Сибири и Дальнего Востока 1970-х – 1980-х гг. // Грани книжной культуры: Сб. научн. трудов к юбилею НЦ исслед. истории кн. культуры. М.: Наука, 2007. С. 192–206.

Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР (1968–1972) // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 2. С. 164–175.

Сафаров Р.А. Общественное мнение в политической системе развитого социализма // Проблемы партийного и государственного строительства. М.: Мысль, 1982. 320 с.

Сафаров Р.А. Политический статус общественного мнения // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 11–22.

Фирсов Б.М., Муздыбаев К. К построению системы показателей использования средств массовой коммуникации // Социологические исследования. 1975. № 1. С. 113–120.

Цукасов С. Советская печать – пути повышения эффективности и качества // Коммунист. 1977. № 7. С. 12–21.

Щеглов Ю.Н. Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на примере Пензенской области). Пенза: ПГУ, 2005. 26 с.

Информация об авторе / Information about the author

Синицын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству.

Fedor L. Sinitsyn, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, State University of Land Use Management.

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 174–178
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-174-178

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.

С.Ж. Токтамысов
Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо Маклая, 6,
stoktamysov@gmail.com

Для цитирования: *Токтамысов С.Ж.* Рецензия на книгу: Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 174–178. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-174-178

BOOK REVIEW: Trepavlov V.V. *Simvoly i ritualy v etnicheskoy politike Rossii XVI–XIX vv.* [*Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th–19th centuries*]. St. Petersburg: Olega Abyshko Publ., 2018. 320 p.

Saken Zh. Toktamysov
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198 Russia,
stoktamysov@gmail.com

For citation: Toktamysov, Saken Zh. "Book review: Trepavlov, V.V. Simvoly i ritualy v etnicheskoy politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and rituals in the ethnic policy of Russia in the 16th–19th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. 320 p." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 174–178 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-174-178

Монография В.В. Трепавлова, известного специалиста по истории народов Поволжья, Сибири, Северного Кавказа, Центральной Азии[1], руководителя Центра истории народов России и межэтнических отношений, посвящена анализу символико-знаковой системы подданства в Московском государстве и в Российской империи в эпоху позднего Средневековья и Нового времени. Исследование проведено

© Токтамысов С.Ж., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

[1] См. работы автора: *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015; *Трепавлов В.В.* Этно-ретро-этюды. Этническая политика России в исторических миниатюрах. М., 2017; *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* «Перед толпою соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2019; *Трепавлов В.В.* Инородцы на царских коронациях: этническая политика империи в ритуальном воплощении // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 1. С. 164–175; и др.

в отношении неславянских народов многонационального Российского государства (Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь, Туркестан, Прибалтика).

Особенностью работы является использование семиотического подхода, в рамках которого историческая реальность раскрывается через изучение семантико-символической, знаковой системы. Проблематика образа власти, этнических стереотипов находится в сфере изучения имагологии и иконологии, что особо подчеркивается автором (С. 11–12).

По мнению В.В. Трепавлова, взаимодействие власти и подданных представляло собой особый ритуал, в рамках которого «репрезентация правящей элиты происходила через демонстрацию могущества патернализма, покровительства и защиты» (С. 7), а со стороны подданных – через «демонстрацию лояльности» (клятвенные ритуалы, визиты ко двору, обрядовое почитание монарха). Образ российского монарха в подобной трактовке приобретает особое сакральное значение, как убедительно показано автором. При этом харизматичность и могущество российских монархов, особый статус их сакральной власти маркировались семантически сложными придворно-государственными ритуалами. При государевом дворе проходили официальные церемонии, демонстрировавшие богатство и силу монарха, симфонию светской и духовной ветвей власти. Российский монарх выступал не только в роли правителя-мессии, но и как глава могущественной, многонациональной империи. Репрезентативные выезды монарха, приемы иностранных послов, званые обеды, праздничные действа, траурные церемонии также были глубоко символичны.

Особую актуальность исследованию придает анализ российской этнической политики в историческом контексте. Автор отмечает, что «полиэтничность» – базовый составной элемент, характерный для Российского централизованного государства с момента его основания, а народы «бывшего Советского Союза несут в себе российский вековой культурный код» (С. 252). Включение различных народов и местных элит в состав Российского государства часто представляло сложный, договорной, растянутый во времени процесс, в рамках которого происходило «постепенное встраивание неславянских элит» в структуру единого государства. И опять же через ритуально-символические процедуры происходила легитимация царской власти над неславянским населением Российского государства.

Монография В.В. Трепавлова – это фундаментальное исследование, базирующееся на репрезентативной источниковой и библиографической основе: материалах РГАДА, РГВИА, РГИА, документах личных коллекций, летописей, периодических изданий, литературы на русском и иностранных языках.

Первая глава посвящена образу народа в глазах власти. В условиях полиэтнического Российского государства, как отмечает автор, требовалось «включить новых соотечественников в русский культурный код» (С. 16), в силу чего проблемы русификации, конфессиональной политики находились в центре внимания властей, просвещенного российского общества, а также иностранцев со времен правления Екатерины II. Этническая панорама империи во всем ее многообразии находила отражение в регулярно проводимых выставках, на которых «были представлены народы России с их традиционным хозяйством, бытом, культурой» (С. 22). При этом «инородцы» часто воспринимались «сквозь призму устоявшихся клише» (С. 25) и стереотипов. Поэтому формировавшиеся образы не были статичными, а трансформировались под воздействием «увеличивающейся информации», «миграций», «войн», проводимой «конфессиональной политики» (С. 26–31). Приводимый в монографии материал подтверждает вывод автора о том, что важным фактором в скреплении полиэтнического сообщества народов России являлось личное отношение монарха и правящих кругов к «иноверным подданным» в контексте «патерналистской парадигмы» (С. 35).

Во второй главе рассматривается символическое значение поездок ко двору представителей различных национальностей. Царские аудиенции посланцам российских иноземцев представляли ритуал, в рамках которого демонстрировалось «величие» и «благосклонность» владыки «Третьего Рима» (С. 45). Сами церемониальные процедуры были дифференцированы в зависимости от состава и статуса делегации, повода для приема, настроения монарха (С. 45–76). Поездки «инородцев» в российскую столицу имели важное просветительское и идеологическое значение в контексте знакомства с техническими достижениями, «системой образования», «укладом жизни» российского населения (С. 77). Факт участия национальных элит в коронациях российских монархов демонстрировал «преданность народов государю, обширность и разноплеменность Российской державы» (С. 93).

В третьей главе автор представляет интерпретацию системы наград и пожалований в Российском государстве. В.В. Трепавлов подчеркивает, что выстраивание «системы поощрений инородцев» было важнейшим «компонентом этнической политики» (С. 106). Подобный тип взаимоотношений являлся «одним из столпов внутренней дипломатии», имел важный «практический смысл» и «репутационный подтекст» (С. 106). Сама система пожалований была весьма разнообразна и включала в себя денежные оклады, ордена и медали, похвальные грамоты, драгоценные ткани, меха, одежду, продукты, товары, оружие. При этом в стране отсутствовала какая-либо система «общегосударственных норм награждений и пожалований» в силу «масштабности» и «полиэтничности» Российской империи (С. 115).

В четвертой главе рассматривается реализация «символического ресурса власти» в процессе личного контакта монарха с подданными. Так, при раздаче милостей и наград правитель «как бы передавал» населению «частицу своих властных прерогатив» (С. 150). Автор видит важное символическое и смысловое значение и в поездках монарха по стране, в ходе которых происходило «обозначение суверенитета России над подвластными землями», демонстрировались забота монарха о своих жителях, «единение царя с верноподданным народом», с одной стороны, и «выражение покорности жителей», «вовлечение местной знати в церемониальные представления имперской элиты» – с другой (С. 151–155).

Пятая и шестая главы монографии посвящены проблеме инкорпорации в общеимперское пространство народов и регионов, обладавших в прошлом независимым или автономным статусом. Подобные владения ожидала в составе России общая судьба: «постепенное уменьшение самостоятельности, нарастание зависимости от государственной власти, упразднение» (С. 180). В отношении местных элит центр делал ставку на «раскол» и «многообразное сотрудничество», и в этом контексте важной процедурой являлось наделение вассальных правителей «должностью, званием, титулом» (С. 181). На протяжении веков происходила трансформация договорных документов – ярлыков, шертных договоров, грамот – между российским монархом и местными правителями. Важным принципом «существования и правления вассальных государей было признание верховенства русского царя», который «давал окончательную инвеституру и определял пределы полномочий своих протеже» (С. 189). По мнению автора, «двуединство легитимности» местного правителя превращало его в «проводника политики Центра, в орудие адаптации своих соплеменников к российской государственности» (С. 198). Статус вассального правителя «сочетал покорность самодержцу с традиционными нормами правления» (С. 216). При этом ханства и княжества в ходе административных реорганизаций включались в состав губерний или областей, в результате чего «рудименты самостоятельного монархического правления» ликвидировались и постепенно они «приближались по своему статусу к российским провинциям» (С. 213). Однако данный процесс не форсировался. С точки зрения центра, сохранение местных правящих элит и их традиционных администра-

тивных структур зачастую «представлялось более рациональным во внутриполитическом, геополитическом и финансовом отношениях» (С. 214).

В седьмой главе описывается политика сотрудничества центральной власти с национальными элитами. Общей схемой подобных отношений становился своеобразный взаимообмен. За элитами сохранялись некоторые «права и сословные привилегии», «контроль над населением», возможность «несения военной службы». В обмен на это они получали доступ к использованию ресурсов единого государства, обретали в нем «надлежащий социальный статус» (С. 233–234). Социальное благополучие местной знати зависело от уровня «лояльности к российской администрации, готовности следовать в русле ее предписаний». В этой связи различные награды от верховной власти могли наполняться новыми смыслами, «превращаясь в олицетворение власти и повышенного социального статуса» (С. 235). Привлечение «полиэтнического пополнения» в сферу военного строительства, в область гражданского управления носило прагматичный характер, часто представляя «результат социальной комплиментарности элитных кругов народов России» (С. 238–243). Вовлечение этнических элит во внутреннюю жизнь государства происходило в том числе и через «внедрение светского образования», сакрализацию персоны российского монарха, «через разного рода религиозные действа» (С. 244–251).

Подводя итоги исследования, В.В. Трепавлов отмечает, что «русские элитные страты традиционно кооперировались со своими иноэтническими коллегами». В результате в сфере «межэтнических межэлитных отношений господствовали вертикальные связи» (С. 259). Процесс формирования российского дворянства также представлял собой «постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию» (С. 254).

Автор заключает, что важным средством выстраивания отношений с этническими элитами и населением национальных окраин была «презентация власти как “интертекста” этнической политики, облеченного в разные образы». Использование в отношениях с этническими элитами «традиционных, привычных для них символов и ритуалов было одним из принципов российской этнической политики» (С. 256). Обмен дарами, аудиенции, награждения выступали как элементы «межэтнической коммуникации», как основы «формирования общеимперской идентичности у неславянского населения» (С. 254–257).

Следует отметить особую значимость данного исследования для переосмысления и расширения научно-исследовательской базы в контексте российской этнической политики XVI–XIX вв. Изучение процесса интеграции народов России и управленческих элит в политическую, культурную, социальную, административную и хозяйственную систему Российского государства выступает крайне актуальным направлением отечественной историографии. Данная работа носит междисциплинарный характер; в ней широко применяются исследовательские методики различных дисциплин. С помощью введения в научный оборот новых архивных материалов, анализа семантико-знаковых элементов автору удалось обратить внимание на малоисследованные аспекты данной проблематики, поставить актуальные научные задачи для всех интересующихся вышеуказанным периодом отечественной истории.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2020.

Библиографический список

Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

Трепавлов В.В. Этно-ретро-этюды. этническая политика России в исторических миниатюрах. М.: Кучково поле, 2017. 352 с.

Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. «Перед толпою соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 280 с.

Трепавлов В.В. Инородцы на царских коронациях: этническая политика империи в ритуальном воплощении // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. №1. С. 164–175.

References

Gatagova L.S., Trepavlov V.V. *'Pered tolpoyu soplemennyh gor': problemnye voprosy istorii politiki Rossii na Kavkaze (XVIII–XIX)*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN: Stentr gumanitarnykh inistiativ Publ., 2019 (in Russian).

Trepavlov V.V. "Non-Russians at Royal Coronations: The Ethnic Politics of the Empire in Ceremonies." *Quaestio Rossica* 8, no. 1 (2020): 164–175 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatary*. Moscow: Kvadriga Publ., 2015 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Etno-retro-etyudy. etnicheskaya politika Rossii v istoricheskikh miniatyurakh*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Токтамысов Сакен Жаугаштович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Saken Zh. Toktamysov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
2021 Vol. 20 No 1 179–183
http://journals.rudn.ru/russian-history

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-179-183

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / научн. ред. проф. С.В. Любичанковский. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с.

Е.Н. Бадмаева
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358000, Россия, Республика Калмыкия, Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, 8,
en-badmaeva@yandex.ru

Для цитирования: *Бадмаева Е.Н.* Рецензия на книгу: Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / научн. ред. проф. С.В. Любичанковский. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 179–183. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-179-183

BOOK REVIEW: Lubichankovsky, S.V. ed. *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii): monografiya* [*Imperial policy of acculturation and problem of colonialism (based on the example of nomadic and semi-nomadic peoples in the Russian Empire): a monograph*]. Orenburg: OGAU Publishing Center, 2019. 480 p.

Ekaterina N. Badmaeva
Kalmyk State University, 11, A.S. Pushkin St., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russia,
en-badmaeva@yandex.ru

For citation: Badmaeva, Ekaterina N. "Book review: The imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (for example, the nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire): monograph / scientific. ed. prof. S.V. Lubichankovsky. Orenburg: Publishing center of the OGAU, 2019. 480 p." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 179–183 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-179-183

Монография «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи)» являет собой уникальный исследовательский труд группы историков и обществоведов из различных научных центров Казахстана, Германии, Великобритании, Японии и России,

© Бадмаева Е.Н., 2021
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

причем последнюю представляют ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Казани, Оренбурга, Ульяновска, Краснодара, Симферополя, Барнаула, Кемерово, Элисты. Коллективный научный труд сложился на основе материалов заочной дискуссии, инициированной известным российским ученым С.В. Любичанковским. В монографии ведущие эксперты по истории России делятся научными размышлениями на тему исторического прошлого народов, проживавших на территории Российской империи. Монография только на первый взгляд не соответствует общепринятому формату классических коллективных работ с непременным присутствием в ней глав и разделов. Однако внимательное и вдумчивое прочтение рассматриваемой нами научной работы группы ученых показывает, что в ней присутствует главный и обязательный «компонент» для подобного рода научных сочинений, а именно – общая тематика или проблематика. Форма и структура научного исследования обусловлены заданной фронтальной проблемой, характером поставленной цели и выдвинутых задач. Коллективный научный труд состоит из 12 параграфов в соответствии с количеством вопросов, поставленных инициаторами заочной дискуссии. Ответы на эти вопросы (краткие или развернутые в разных случаях) свидетельствуют о глубинном понимании авторами различных вопросов истории российских имперских окраин, на которые у каждого из них есть собственная точка зрения, не всегда совпадающая с мнением других коллег, в том числе соавторов данного коллективного научного труда. Ученые не только обозначили круг нерешенных задач и проблем по исследуемой теме, что, наверное, не так уж сложно, но попытались детально разобраться в противоречивых, нередко запутанных и до конца не проясненных вопросах истории имперской России. Изучение кочевых и полукочевых народов Российской империи, евразийского пространства, безусловно, имеет немаловажное теоретическое и практическое значение в плане развития современной российской государственности, совершенствования российского федерализма, а также построения устойчивой модели межгосударственных отношений между республиками бывшего СССР.

Высказав предварительные соображения о структуре коллективной монографии, обратимся непосредственно к анализу ее содержания. В предисловии к коллективному труду обозначена актуальность исследования, сформулированы основные понятия, спорные и нерешенные вопросы истории имперской России и ее окраин. Источниковую базу монографии составили документы, извлеченные из фондов Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, Государственного архива Российской Федерации, Государственных архивов Астраханской, Омской, Оренбургской, Томской областей, Научного архива Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Национального архива Республики Казахстан, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан и др.

Актуальность рецензируемой работы, по мнению научного редактора монографии проф. С.В. Любичанковского, определяется «недостаточной научной изученностью предмета исследования (при всем богатстве историографии!), так и общественно-политической востребованностью выработки взвешенного подхода к нашему общему прошлому в условиях евразийского интеграционного процесса» (С. 5). Целью коллективной монографии являлся сбор и обобщение экспертных мнений о государственной политике Российской империи по «присвоению» и освоению центрально-азиатских и урало-поволжских территорий и решение в этом контексте проблемы содержания и характера эволюции имперской политики в отношении проживавших там кочевых и полукочевых народов.

В рамках поставленной цели авторы сконцентрировали свое внимание на выяснении сущности государственной политики царского правительства в отношении окраинных земель Российской империи, деятельности центральной и региональной власти в области социально-экономического развития территорий, по включению их в общеимперское социокультурное пространство и т.д. Авторы попытались выявить, в каких формах проявлялась государственная политика в отношении кочевых и полукочевых народов, каково было восприятие ими российского подданства, как регулировались социальные процессы и разного рода отношения среди коренного населения, и, наконец, смогла ли власть обеспечить модернизацию территорий и как отразилась реализация государственной имперской политики на положении кочевых и полукочевых народов. В принципе все содержание монографии – это поиск ответов на ключевые вопросы истории имперской России. В поисках ответа на них авторы монографии привлекли большой фактический материал имперских окраин – Нижней и Средней Волги, Южного Урала, Казахской степи.

В монографии, в связи с возросшим научным интересом к вопросу о государственной политике имперских властей, рассматривается одна из самых спорных проблем истории дореволюционной России – проблема российского «колониализма». Исследователи правомерно задались вопросом, какие элементы имперского управления и освоения территорий, включенных в имперское подданство, действительно, являются «колониальными», а какие – элементами политики «аккультурации». В этом месте нашей рецензии мы считаем нужным сделать одну ремарку. В данной научной работе, построенной по принципу «вопрос – ответ», всем ее авторам задавались одни и те же вопросы. Например: «Как Вы понимаете концепты «аккультурация», «имперская политика аккультурации?». Отвечая на него, авторам вольно или невольно пришлось углубиться в историю и терминологию концепта «аккультурация» и в этой части ответа у многих из них идет ссылка или отсылка на одних и тех же западных исследователей (Ф. Боаса, У. Холмса, У. Мак-Джи, Р. Лоуи, Р. Линтон, Р. Редфилд, М. Херсковиц и др.), что приводит опять же вольно или невольно к частому повторению в авторских текстах уже известных истин, фактов, формулировок. Хотя, отметим, что в части, касающейся применения данной модели к изучению кочевых и полукочевых народов имперской России, к чести всех авторов следует признать, что их суждения – самостоятельны, выводы – убедительны, и строятся они на большом фактическом историческом материале. Это лишь частное замечание, недочеты в этом плане, думается, являются издержками способа построения и структурирования исследования.

Монография отчетливо выявила разнообразные подходы и различные мнения авторов по всем поставленным инициаторами дискуссии вопросам. Попробуем пройтись по некоторым ответам членов авторского коллектива и проанализировать их суждения и выводы в общем контексте высказываний на дискутируемую тему. Авторы в большинстве своем придерживаются мнения, что политику имперской России в отношении окраинных земель российской империи можно больше считать имперской политикой аккультурации, нежели чисто колониальной. По их мнению, относительно народов империи, населявших территорию Нижней и Средней Волги, Южного Урала, Казахской степи можно говорить о разных вариантах аккультурации, таковых исследователи выделили от двух до четырех; последнюю цифру обозначили В.В. Дмитриев и С.Н. Брежнева, имея в виду ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию. С.В. Любичанковский считает предложенный ими вариант более удачным, при этом он счел нужным пояснить, что ассимиляцию в контексте аккультурации нужно рассматривать как особое явление, далеко выходящее за рамки аккультурации. В отношении народов указанной локальной территории могли применяться и два, и три, и четыре варианта аккультурации или даже

все вместе, но только не одна в отдельности. Что касается понятия «имперская политика аккультурации», здесь мнения исследователей разделились: одни авторы отвергают ее наличие, другие, напротив, признают.

Спорным стал также вопрос относительно соотношения «аккультурационной модели» и «колониального подхода» в научных исследованиях по истории имперской России. На наш взгляд, более перспективным является использование и того и другого концепта, поскольку обе модели как способы более точного описания события, ситуации и т.п. взаимодополняют друг друга. В изучении политики имперской России по отношению, например, к таким кочевым народам, как башкиры и калмыки, более применима «аккультурационная модель», чем «колониальный подход». Объясним почему. Российская империя в своей политике всегда стремилась с помощью разнообразных механизмов аккультурации вовлечь кочевые и полукочевые народы в единое военное и хозяйственно-экономическое пространство с целью получения определенной выгоды, в частности, в виде военной помощи (с калмыками, например, в защите своих южных границ) и т.д. В процессе длительного совместного проживания включенные в империю кочевые и полукочевые народы стали постепенно ощущать себя ее подданными и признавать законы и порядки Российского государства, иногда и насильственно насаждаемые центральной властью, а также региональной властью, находившейся на разных исторических этапах под различной степенью давления со стороны имперского правительства (более слабым оно было в период вассалитета и выражалось в форме покровительства).

Многие степные народы, ранее входившие в империю Чингисхана, видели в Белом царе преемника Чингизидов и поклонялись ему как идолу, верховному божеству и непререкаемому авторитету. Сама центральная власть по степени приближенности и лояльному отношению к ним делила кочевые и полукочевые народы на «подданых» и «инородцев», правда, и те и другие, по ее мнению, были достойны только «культурной автономии». Кочевые и полукочевые народы административным путем по возможности переводились на оседлый образ жизни, приобщались к земледелию, их традиционные институты власти адаптировались и включались в общероссийскую систему управления, хотя обычное право народов еще долго применялось в повседневной жизни коренного населения, что позволило И.В. Лиджиевой назвать политику царской власти по отношению, в частности, к калмыкам как ассиметричную, учитывающую интересы общего (Российской империи) и единичного (Калмыцкого ханства, Калмыцкой Степи). Активное вмешательство во внутренние дела и в социальную структуру нацменов Нижней и Средней Волги, Южного Урала, Казахской степи началось в позднеимперский период, приблизительно с середины XIX в. Царское правительство в отношениях с кочевыми и полукочевыми народами указанных регионов стало сочетать элементы как колониальной политики, так и политики аккультурации. Нельзя сказать, что негативные моменты национальной политики имперской власти стали катализатором социального взрыва в России в 1917 г., но то, что кочевые и полукочевые народы ждали радикальных перемен в вопросах национально-государственного устройства их территорий – это однозначно.

В заключение следует еще раз отметить, что в коллективной монографии группой ученых впервые дан комплексный анализ государственной политики имперской России в XVIII – начале XX в., с методологически новых позиций начато изучение российской политики аккультурации. Рецензируемая монография является несомненным вкладом в изучение истории Российской империи, народов Урало-Поволжья и Центральной Азии. Она написана на актуальную тему, обладает безусловной научной новизной и выполнена на высоком научном уровне. Книгу за-

вершает краткая библиография опубликованных источников и литературы по исследуемой проблематике.

Научные результаты монографии ориентируют исследователей на теоретическое переосмысление имеющихся и возможных методологических подходов при изучении истории Российской империи, кочевых и полукочевых народов, живших на евразийском пространстве, и уверена, что предложенные авторами коллективного труда исследовательские методы найдут свое дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных ученых. Считаю необходимым переиздание этой фундаментальной научной монографии в связи с большим спросом среди широкой научной общественности, всех тех, кто интересуется российской историей.

Поступила в редакцию / Received: 17.02.2020.

Информация об авторе / Information about the author

Бадмаева Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, директор Международного научного центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова.

Ekaterina N. Badmaeva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor, International research center «Oirats and kalmyks in the Eurasian space» Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov.

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта России" Ф СП-1

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал 18232

(индекс издания)

Вестник РУДН.
Серия: История России

(наименование издания)

Количество комплектов

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Линия отреза

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА 18232

(индекс издания)

на газету / журнал Вестник РУДН. Серия: История России

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов	
	каталожная	руб.		
	переадресовки	руб.		

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

			город
			село
почтовый индекс			область
			район
код улицы			улица
дом	корпус	квартира	фамилия, инициалы